

П А Н О Р А М А

Научные труды
Факультета международных отношений
Воронежского государственного университета

Том XVII

P A N O R A M A

Academic Annals
Faculty of International Relations
Voronezh State University

Vol. XVII

ISSN 2226-5341

ПАНОРАМА

**Научные труды
Факультета международных отношений
Воронежского государственного университета**

Том XVII

ISSN 2226-5341

Панорама
2015, Том XVII

Учредитель:

Факультет международных отношений
ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет»
(Воронеж, Россия)

Издание основано с 2005 году. С 2005 по 2010 год выходило как «Панорама. Ежегодник по итогам научной сессии Факультета международных отношений Воронежского государственного университета». С 2011 года выходит как периодическое издание. Периодичность: два номера в год (2011 – 2012), с 2013 года – три номера. С 2015 года издается под названием «Панорама. Научные труды Факультета международных отношений Воронежского государственного университета». К 2015 году издано 16 выпусков / номеров издания. Издания, подготовленные к печати в 2015 году, продолжают нумерацию предшествующих выпусков в латинской нумерации.

Редакционная коллегия:

д-р экон. н. О.Н. Беленов

проректор по экономике и международному сотрудничеству ФГБОУ ВО «ВГУ»; профессор, декан Факультета международных отношений ФГБОУ ВО «ВГУ»

к.э.н. А.И. Лылов

доцент Кафедры международной экономики и внешнеэкономической деятельности Факультета международных отношений ФГБОУ ВО «ВГУ»

д-р экон. н. П.А. Канапухин

декан Экономического факультета, ФГБОУ ВО «ВГУ»; заведующий Кафедрой маркетинга Экономического факультета ФГБОУ ВО «ВГУ»

к.и.н. В.Н. Морозова

заместитель декана по учебной работе, доцент Кафедры международных отношений и мировой политики ФГБОУ ВО «ВГУ»

к.э.н. Е.В. Ендовицкая

заведующая Кафедрой международной экономики и внешнеэкономической деятельности Факультета международных отношений ФГБОУ ВО «ВГУ»

д-р полит. н. А.А. Слинько

профессор, заведующий Кафедрой международных отношений и мировой политики Факультета международных отношений ФГБОУ ВО «ВГУ»

д-р ист. н. М.В. Кирчанов

отв. ред.; заместитель декана по научно-исследовательской работе, доцент Кафедры регионоведения и экономики зарубежных стран Факультета международных отношений ФГБОУ ВО «ВГУ»

к.э.н. Е.П. Цебекова

заместитель декана по воспитательной и социальной работе, доцент Кафедры международной экономики и внешнеэкономической деятельности Факультета международных отношений ФГБОУ ВО «ВГУ»

к.г.н. И.В. Комов

преподаватель Кафедры регионоведения и экономики зарубежных стран Факультета международных отношений ФГБОУ ВО «ВГУ»

д-р экон. н. А.И. Удовиченко

профессор, заведующий Кафедрой регионоведения и экономики зарубежных стран Факультета международных отношений ФГБОУ ВО «ВГУ»

Адрес редакции: 394000, Россия, Воронеж, Московский пр-т 88, Воронежский Государственный Университет, Факультет международных отношений, Корпус № 8, Ауд. 22

Рукописи предоставляются в редакцию в электронном виде на диске или по электронной почте. При этом необходимо сообщить: ФИО, место работы, ученую степень и звание, контактные данные (номер телефона и адрес электронной почты). Материалы публикуются в авторской редакции. Ответственность за содержание текстов и аутентичность цитат несут Авторы. Редакция осуществляет необходимое стилистическое редактирование и техническое форматирование с целью унификации полученных материалов. Мнение членов Редакционной коллегии может не совпадать с мнением авторов публикуемых статей.

ISSN 2226-5341

© Воронежский государственный университет, 2015

© Составление, ФМО ВГУ, 2015

© Авторы, 2015

Содержание

Международные отношения: история, современность, перспективы развития	
<i>А.М. Ипатов</i> , Итоги Берлинского конгресса 1878 года в оценках его российских участников	5
<i>Т.П. Малютина</i> , Оборона Молдавии и Приднестровья советскими войсками в июле 1941 г.	13
<i>В.В. Черникова</i> , Формирование нового международного порядка: вызовы гражданской идентичности России	27
Международный и региональный маркетинг и брендинг: тактики, стратегии и принципы	
<i>А.Г. Цатурян, Е. Мушурова</i> , Международный маркетинг и брендинг: особенности и стратегии продвижения	35
<i>М.В. Кирчанов</i> , Альтернативные стратегии регионального брендинга в России	39
<i>А.Г. Цатурян, О. Дыбова</i> , Создание международного бренда	43
Нации, национализмы и идентичности: проблемы истории и современность	
<i>А.В. Погорельский</i> , Дискуссии о причинах распада СССР в современной американской историографии	48
<i>М.В. Кирчанов</i> , Арийские предки, демократические традиции и ислам: проблемы написания «синтетической» национальной истории в Исламской Республике Иран	55
<i>Ю.Г. Козявина</i> , Основные проблемы политической идеологии современного французского национализма в дискурсе публичных выступлений Марин Ле Пен	73
Политика и общество в России и мире: процессы и институты	
<i>М.В. Кирчанов</i> , Концепты ფეოდალიზმი (feodalizmi) и პატრონჰუმობა (patronqmoḃa) в историографии грузинского феодализма: социально-экономические перспективы и измерения	85
<i>А.В. Даркина</i> , Российская власть и общество в контексте новейшей истории в дискурсе блогов	92
<i>Н.А. Зуева</i> , Постмодернистские метаморфозы власти: М. Фуко и Ж. Бодрийяр	97
<i>С.М. Калашникова</i> , Трансформация института брака в России в условиях глобализации	104
<i>О.И. Ковырина</i> , Влияние глобального инновационного индекса на динамику экономического роста на региональном уровне	114

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ: ИСТОРИЯ, СОВРЕМЕННОСТЬ, ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

А.М. Иnamов

Итоги Берлинского конгресса 1878 года в оценках его российских участников

В статье исследуется оценка итогов Берлинского конгресса со стороны российских дипломатов. Предпринята попытка доказать, что большинство российских уполномоченных признали свою неподготовленность к конгрессу, а его результаты нельзя считать однозначно негативными для России.

Ключевые слова: Берлинский конгресс, дипломатия, Бисмарк, русско-турецкая война 1877-1878 гг.

The results of the Congress of Berlin are analyzed in the article from Russian diplomats' side. An attempt is made to prove that most Russian assignees acknowledged their unreadiness for the Congress; and its outcomes cannot be considered to be unambiguously negative for Russia.

Key words: the Congress of Berlin, diplomacy, Bismarck, Russo-Turkish War of 1877-1878.

Берлинский конгресс, вне всяких сомнений, является одним из наиболее неоднозначных и драматичных событий в международной дипломатии XIX века. Особенно болезненно он воспринимается в России, так как, согласно исторической традиции считается, что российские уполномоченные в германской столице не смогли проявить себя с лучшей стороны, не смогли поддержать почин военных, которым в относительно короткий срок удалось сломить сопротивление турецких армий и поставить Османскую империю на грань распада. В качестве примера подобной трактовки событий июня-июля 1878 года можно привести точку зрения одного из активных панславистов генерала Паренсова. Он писал: «Русскому сердцу больно и обидно читать анналы Берлинского конгресса, судилища, на которое мы предстали, чтобы покорно выслушать, как другие, не воевавшие, не проливавшие ни слез, ни крови, будут стремиться вполне уничтожить результаты войны» [1; с. 186]. Безусловно, фактор влияния панславистских идей на принятие решений о начале войны против Турции был, хотя и важным, но далеко не определяющим. Россия на протяжении долгого времени стремилась закрепиться на Балканах, чтобы иметь возможность активно участвовать в европейской политике. Контроль над Босфором и Дарданеллами позволял российскому флоту в случае необходимости быстро попасть из Черного моря в Средиземное. Тем самым значительно увеличивалось геополитическое влияние империи Романовых на Европейском континенте.

Лишь в последние годы в научной среде появляются отдельные статьи, авторы которых призывают пересмотреть традиционный негативный взгляд на

результаты Берлинского конгресса. Однако в большинстве своем до сих пор превалирует точка зрения, что одним из главных виновников дипломатического провала России на конгрессе является ни кто иной как «железный канцлер» Отто фон Бисмарк (!). Согласно распространенному мнению, он отплатил Александру II и его подданным черной неблагодарностью за нейтралитет Российской империи во время войн Пруссии за объединение Германии.

Именно эта мысль стала основным лейтмотивом публикаций в отечественной прессе, посвященных оценке российско-германских отношений в первые годы после Берлинского конгресса. Лишь полуофициозный «Русский вестник» М. Н. Каткова позволил себе критику в адрес отечественных дипломатов, отмечая, что можно, конечно, представить виновником «честного маклера» Бисмарка, однако, прежде всего, стоит признать ошибки и просчеты царских уполномоченных, приведшие к неутешительным итогам конгресса для России. К слову об итогах. Современный российский ученый В. В. Дегоев в своей статье «Россия и Бисмарк» не соглашается с отрицательной оценкой итогов конгресса в Берлине для российской стороны. По его мнению, «Берлинский трактат, восстановивший внутрибалканский баланс, в конечном счете полнее отвечал долгосрочным интересам России, чем блистательный Сан-Стефанский мир, потому что он блокировал революционно-максималистское решение проблемы и перевел процесс в поэтапное русло» [2; с. 140]. Подобная оценка событий была, к слову, не нова. Практически сразу после окончания общеевропейской конференции в германской столице видный российский ученый Б. Н. Чичерин создал записку «Берлинский конгресс перед русским общественным мнением». Он призвал более взвешенно подойти к итогам конгресса, так как сохранение результатов Сан-Стефанского мирного договора могло, по его мнению, привести к дальнейшему расширению территории России на юг, то есть к потере империей Романовых своей сущности. Любопытно, что с подобной точкой зрения соглашался император Александр II, после прочтения записки написавший на полях: «Совершенно справедливо» [1; с. 189].

Во многом негативное восприятие поведения председателя конгресса Бисмарка в российском обществе связано с тем, что долгое время российские уполномоченные предпочитали замалчивать детали их деятельности в Берлине. Однако со временем появились воспоминания о событиях июня-июля 1878 года российских дипломатов и военных атташе – П. А. Шувалова, Д. Г. Анучина и Г. Бобрикова. В них заседания и итоги Берлинского конгресса представлены в несколько ином ракурсе. Если Шувалов стремился перенести вину за поражение на других уполномоченных, прежде всего, на А. М. Горчакова, то Анучин и Бобриков с горечью признавали неподготовленность российской делегации, усугублявшуюся раздорами между Шуваловым и Горчаковым. Любопытны оценки, которые дал российским политикам известный английский историк А. Дж. П. Тэйлор. Считая Александра II царем, не умевшим противостоять панславистским настроениям значительной части общества, английский ученый писал: «Некоторые из его советников, в частности посол в Константинополе

Игнатьев, сами сочувствовали панславизму и, во всяком случае, стремились его использовать; немногочисленные представители другого крайнего направления, как посол в Лондоне Шувалов, совершенно игнорировали это течение и придерживались строго консервативного курса. Горчаков стоял между ними и определял пределы колебаний русской политики; хотя он не поощрял панславизма, он признавал его силу и, уступая ему, надеялся использовать его в практических целях [3; с. 255].

Один из российских уполномоченных, генерал Дмитрий Гаврилович Анучин с восхищением писал о Бисмарке: «...Что за мощная личность! Вероятно, наш Петр Великий был также подавляющ, как он. Приближаясь к этой фигуре, я невольно почувствовал какое-то смирение» [4; с. 41]. Анучин отмечал стремление председателя конгресса решать наиболее спорные вопросы до начала совещаний путем переговоров между заинтересованными сторонами, что значительно облегчало работу конгресса. Подобную тактику Бисмарка подтверждает и специалист по международным отношениям Сидней Фей [5; с. 55]. Иными словами, «немецкий канцлер упорно держался политики, возмущенной им с самого начала восточного кризиса, отказываясь произвести какое-либо давление на венский двор» [6; с. 806] или Лондон; до конца стремился придерживаться принятой на себя роли «честного маклера». Анучин со ссылкой на Шувалова заявлял, что Бисмарк приходил в ярость, узнавая о границах на Балканах, предложенных англичанами, и, в то же время, ставил российским дипломатам в укор несогласованность позиций. Думается, для германского канцлера было нежелательно усиление позиции Англии на Балканах, так как он уже играл на противоречиях России и Австро-Венгрии в этом регионе, поэтому появление нового сильного игрока на дипломатическом поле могло расстроить его планы. Несомненно, прав В. В. Дегоев, писавший о целях Бисмарка: «На Балканах ему нужна была «ничья». В пользу великой Германии» [2; с. 137].

О противоречиях в российской делегации писал и Государственный секретарь А. А. Половцов. Он отмечал, что Шувалов после Берлинского конгресса часто рассказывал, будто престарелый Горчаков в жалком и комичном виде пытался препятствовать ему в ведении дел на конгрессе, якобы за несколько дней до отъезда на конгресс он обедал в Царском Селе и «слышал от государя сердечные опасения, чтобы конгресс не удался, потому что англичане обманут его, Шувалова, а присутствовавший при этом военный министр Милютин прибавил, что лучше потерять все результаты войны, чем подвергнуться опасности ее возобновления» [7; с. 191]. К слову, Милютин в своем дневнике до отъезда российских представителей в германскую столицу жестко раскритиковал престарелого канцлера: «Он говорил мало и всякий раз, когда пробовал что-нибудь сказать, выходило как-то невпопад. Он уже не в состоянии схватывать мысли; не может вникать в сущность дела; голова его перестала работать» [8; с. 432]. В своей «Записке» через несколько лет после Берлинского конгресса Шувалов вновь нелицеприятно отзывался о Горчакове: «С

достопамятного: «Россия не сердится – она сосредоточена», – красивые, но ничего не значащие слова, – мы ограничивались фразами и только фразами. Ими полны депеши князя Горчакова» [9; с. 94]. Критикуя (не всегда по делу) престарелого канцлера, германофил Шувалов сам находился в плену иллюзий. Н. С. Киняпина, оценивая взаимоотношения двух российских государственных деятелей, писала: «Шувалов терпеть не мог канцлера, обвиняя его во всех неудачах конгресса, считал, что неприязнь Горчакова к Бисмарку во многом определила его исход» [1; с. 181-182]. Шувалов наивно верил в то, что его личная дружба с Бисмарком поможет при решении межгосударственных проблем. К тому же генерал-лейтенант Отдельного корпуса жандармов В. Д. Новицкий, отмечая, что непопулярность Шувалова в России после Берлинского конгресса не вполне справедлива, в то же время констатировал: «Природного ума был большого граф Шувалов несомненно, но дарования эти не были поддержаны и закреплены получением высшего образования» [10; с. 281]. Тем самым, одной из главных причин поражения России на Берлинском конгрессе Новицкий считал не козни «честного маклера» Бисмарка, а плохую подготовку российский представителей, а конкретно – первого уполномоченного Петра Андреевича Шувалова. Возражал Новицкому военный министр Д. А. Милютин, считавший Шувалова довольно способным дипломатом, трезво оценивавшим свою тяжелейшую миссию в Берлине, при подготовке к которой он неоднократно пытался проанализировать все спорные вопросы, которые могли бы возникнуть в спорах между Петербургом и коалицией Лондона и Вены. Во многом сходных позиций придерживался и Б. Н. Чичерин. Он доказывал: «Государственные люди, заключившие Берлинский трактат, потеряли в России популярность, но они имеют право на благодарность всякого русского человека, который трезво смотрит на вещи» [1; с. 189].

Генерал Г. Бобриков, отправленный на конгресс по рекомендации Д. А. Милютина, подтверждал это мнение. Он писал: «... инициатор соглашения с Англией, граф Петр Андреевич Шувалов чистосердечно заявил о своем недостаточном знакомстве с современным положением в Болгарии и с географическими и топографическими свойствами страны, о которой ему предстояло дебатировать» [11; с. 3]. Думается, наиболее подходящей фигурой главы российской делегации был бы посол в Константинополе Н. П. Игнатьев, который прекрасно разбирался во всех перипетиях балканской политики, однако он с его непримиримостью оказался лишним человеком на пути к нелегкому компромиссу [12; с. 252]. Однако, как отмечает в одной из своих работ известный советский исследователь Н. С. Киняпина, Игнатьев был категорически против созыва общеевропейского конгресса, так как опасался объединенных антироссийских мер со стороны англичан, французов и австрийцев [1; с. 177]. Впоследствии он неоднократно критиковал действия российских уполномоченных на конгрессе, но в данном случае, безусловно, не стоит забывать о чувстве обиды за то, что его не взяли в Берлин. Возвращаясь к сравнению итогов мирного договора с Турцией и конгресса в германской

столице, Игнатъев язвительно писал: «Весь смысл или вкус утрачен, ибо Сан-Стефанский договор был сделан под русским соусом, а Берлинский – под австро-венгерским [13]. Отдельной критике подверг Игнатъев своего давнего политического оппонента Горчакова: «Коренное различие наших взглядов заключалось в том, что он верил в Европу, в «европейский концерт», жаждал конференций и конгрессов, предпочитая громкие фразы и блестящие дипломатические беллетристические произведения – настоящему практическому действию, не столь эффектному, но упорному, настойчивому и основательному» [14; с. 51].

Любопытно, что Шувалов утверждал, что не был сторонником заключения конвенции с Англией в мае 1878 года и, более того, не хотел ехать на конгресс в Берлин. Однако его удивило решение Александра II послать на конгресс престарелого и больного канцлера. Шувалов писал с негодованием: «Император знал, что князь Горчаков является абсолютным ничтожеством, ему были известны враждебные чувства, которые князь Бисмарк питал к российскому канцлеру; его присутствие в Берлине могло только повредить нашему делу» [15; с. 465]. Эта фраза показывает противоречивость позиции Шувалова: с одной стороны он утверждал, что «честный маклер» не виноват в провале российской дипломатии, с другой – предполагал, что германский политик мог руководствоваться чувствами зависти и ненависти к Горчакову в своем отношении к России. Думается, наш дипломат забывал, что «железный канцлер» руководствовался лишь государственными интересами, личные же чувства и отношения не играли существенной роли в его «реальной политике». Некоторым подтверждением предположения Шувалова насчет личных мотивов «железного канцлера» в его отношениях с русским коллегой Горчаковым является мнение А. Дебидура, писавшего: «Русский канцлер лишний раз потерпел поражение. Ему пришлось испытать до дна чашу разочарований. Биконсфильд, который готовился с триумфом вернуться в Лондон, перед лицом Европы относился к нему пренебрежительно, а Бисмарк заставил его заплатить дорого за тщеславие, от которого он не мог удержаться в 1875 г. [9; с. 100].

Одной из причин возможного недовольства Бисмарка могло, кстати, быть то, что российские дипломаты постоянно напоминали ему о необходимости отплатить за России за нейтралитет во время войн за объединение Германии. Шувалов писал по этому поводу: «Одним словом, мы слишком часто обращались к нему. Я также думаю, что мы могли бы извлечь большую выгоду из наших добрых отношений с Германией, если бы князю Горчакову не приписывали, справедливо или нет, заигрывание с Францией с целью не давать ходу князю Бисмарку» [9; с. 105]. Положительно оценивал деятельность на конгрессе «единственного крупного по уму русского дипломата в Европе» Шувалова известный публицист князь В. П. Мещерский. Он писал: «От этого крупного и тонко-прозорливого ума не могли укрыться все те огромные по вреду своему для России последствия, которые угрожали ей от образа действий нашей дипломатии, не только ведшей отдельно переговоры с Австрией и Лондоном без

успеха и без всякого шанса на успех, но готовой в этом начальном и неподготовленном виде отдать на суд европейского конгресса, и решился принять на себя инициативу, чтобы найти выход для России, сколь возможно, менее тягостный из создавшегося положения, безусловно безвыходного [16; с. 511].

Н.П. Игнатьев, напротив, писал о слабости и уступчивости Горчакова. По его мнению, «если бы канцлер внял своевременно предостережениям и не доверился гр. Андраши и его покровителю и пособнику, кн. Бисмарку, то нам не пришлось бы испытать унижения» [13; с. 121]. О том, насколько тяжело было Горчакову на конгрессе, пишет и В. Н. Виноградов. По мнению ученого, «годы сделали свое дело, он (Горчаков – И. А.) одряхлел, утратил прежнюю энергию, честолюбие переросло в старческое тщеславие. Он ревниво относился к более молодым коллегам, видя в них своих преемников на посту министра, хотя пора было подумать об уходе на покой» [17; с. 19]. К сожалению, прославленный канцлер не оставил ни дневников, ни мемуаров, которые могли бы пролить свет на его отношение к перипетиям и итогам Берлинского конгресса. Узнать об этом мы можем лишь либо из уст других людей – современников Горчакова, но здесь возникает проблема достоверности информации, либо из Отчетов министра иностранных дел, которые, однако, по ряду причин, тоже нельзя считать действительным выражением точки зрения политика. Тем не менее, в Отчете за 1878 год канцлер, а по совместительству и министр иностранных дел, попытался обвинить в неудачах российской дипломатии своего коллегу и визави Бисмарка: «Он оставил нас в изоляции перед представителями Австро-Венгрии и Англии в Берлине во время дебатов, представлявших для нас наибольший интерес. Его поведение почти не оставляет надежд на изменения в лучшую к нам сторону в будущем» [1; с. 182]. Рискну предположить, что российский канцлер так и не осознал до конца, что когда Бисмарк еще до начала конгресса заявил о своей нейтральной роли «честного маклера», то это было не дипломатическое клише, а именно конкретное предупреждение участникам совещания, что Германия не станет никого поддерживать, не получая от этого выгоды. Здесь имело место такая черта дипломатии «железного канцлера», как правдивое время от времени публичное озвучивание своих намерений, что отмечал в свое время британский премьер Биконсфильд, призывая опасаться дипломата, говорящего правду. Что касается физического состояния Горчакова в период конгресса в Берлине, даже симпатизирующие опытному русскому канцлеру исследователи, например В. А. Лопатников, отмечали, что годы брали свое, и канцлер не мог более защитить интересы государства на прежнем уровне. Политическое долголетие светлейшего князя год от года вызывало все более сильное раздражение, а некоторые неизбежные в его возрасте огрехи непременно становились предметом злых насмешек [18; с. 321]. К тому же, по мнению симпатизировавшего России известного французского историка А. Дебидура, лавры Бисмарка не давали Горчакову спать спокойно [15; с. 421].

Один из российских уполномоченных на конгрессе Г. Бобриков утверждает,

что, обвиняя составителей Берлинского трактата в умалении заслуг победы России над Османской империей и освобождении балканских народов от турецкого ига, наша печать забывала, что этот международный акт был лишь продуктом своей эпохи. Таким образом, он открыто не высказывает своего мнения, однако следующая его фраза убедительно свидетельствует о том, что он считал виновными, прежде всего, делегатов России, к каковым сам и относился: «Несомненно, что в Берлине мы были вообще уступчивы. Чтобы скорее выйти из напряженного состояния и избежать возможности новых международных осложнений, мы, быть может, слишком легко шли на уступки, не прозревая в намерениях соперничающих держав, действительно ли стояло за их требованиями решение войны, или то была ловко замаскированная пустая угроза» [11; с. 9].

Таким образом, анализ итогов Берлинского конгресса 1878 года российскими делегатами позволяет сделать ряд выводов. Во-первых, все они опровергали сложившееся в российском обществе убеждение о виновности германского канцлера в дипломатических неудачах России. Более того, взяв на себя роль «честного маклера», по многим позициям Бисмарк принимал российскую сторону, особенно в спорах с англичанами. Во-вторых, неподготовленность и внутренние разногласия между членами российской дипломатической миссии вкупе с отсутствием четких установок из Петербурга приводили к уступкам в отношении Австрии и Англии. В-третьих, еще до начала конгресса Россией был подписан ряд конвенций, в которых она соглашалась на пересмотр итогов Сан-Стефанского мирного договора, опасаясь образования коалиции западных стран, как во время Крымской войны. Наконец, стоит признать правоту В.В. Дегоева, который писал: «Парадокс в том, что некоторые предыдущие русско-турецкие войны с куда более скромными результатами на балканском и кавказском театрах чествовались в Петербурге как успех. А тут об успехе скорбели как о поражении: когда изначально ставятся азартные и максималистские задачи, любое отклонение от них обостряет субъективное ощущение неудачи» [2; с. 141].

Библиографический список

1. Киняпина Н. С. Внешняя политика России второй половины XIX века / Н. С. Киняпина. – М.: Высшая школа, 1974. – 280 с.
2. Дегоев В. В. Россия и Бисмарк / В. В. Дегоев // Звезда. – 2003. – № 7. – С. 128-155.
3. Тэйлор А. Дж. Борьба за господство в Европе 1848-1918 гг. / А. Дж. Тэйлор. – М.: Издательство иностранной литературы, 1958. – 644 с.
4. Анучин Д. Г. Берлинский конгресс 1878 года / Д. Г. Анучин. – СПб., 1912. – 116 с.
5. Фей С. Происхождение мировой войны. Т. I / С. Фей. – М.: Соцэкгиз, 1934. – 388 с.
6. Татищев С. С. Император Александр II. Его жизнь и царствование / С. С. Татищев. М.: АСТ, 2006. – 1006 с.
7. Половцов А. А. Дневник государственного секретаря А. А. Половцова. Том 1 / А. А. Половцов. – М.: Наука, 1966. – 552 с.
8. Милютин Д. А. Дневник. 1876-1878 / Д. А. Милютин. М.: РОССПЭН, 2009. – 704 с.
9. Хвостов В. М. П. А. Шувалов о Берлинском конгрессе 1878 года / В. М. Хвостов // Красный архив. – 1933. – Т. 4(59). – С. 82-109.
10. Новицкий В. Д. Из воспоминаний жандарма / В. Д. Новицкий // За кулисами политики. 1848-1914 годы. Е. М. Феоктистов, В. Д. Новицкий, Ф. Лир, М. Э. Клейнмихель. М.: Фонд С. Дубова, 2001. – 560 с.
11. Бобриков Г. Воспоминание о Берлинском конгрессе / Г. Бобриков // Русский вестник. – 1889. – № 12. – С. 3-43.
12. Виноградов В. Н. Балканская эпопея князя А.М. Горчакова / В. Н. Виноградов. – М.: Наука, 2005. – 302 с.
13. Игнатьев Н. П. После Сан-Стефано / Н. П. Игнатьев. – Петроград: тип. т-ва А. С. Суворина «Новое время», 1916. – 109 с.
14. Игнатьев Н. П. Записки / Н. П. Игнатьев // Исторический вестник. – 1914. Т. 135. – С. 49-76.
15. Дебидур А. Дипломатическая история Европы 1814-1878: В 2-х т. Т. 2. / А. Дебидур. – Ростов-на-Дону: Феникс, 1995. – 603 с.
16. Мещерский В. П. Мои воспоминания / В. П. Мещерский. – М.: Захаров, 2003. – 864 с.
17. Виноградов В. Н. Канцлер А. М. Горчаков в водовороте Восточного кризиса 70-х годов XIX века / В. Н. Виноградов // Славяноведение. – 2003. – № 5. – С. 16-24.
18. Лопатников В. А. Горчаков: Время и служение / В. А. Лопатников. – М.: Молодая Гвардия, 2011. – 388 с.

Оборона Молдавии и Приднестровья советскими войсками в июле 1941 г.

В статье рассматриваются оборонительные операции советских войск в Молдавии и Приднестровье в июле 1941 г. Анализируются причины срыва планов немецко-румынского командования по окружению и разгрому советских армий в междуречье Прута и Днестра.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, июль 1941, советско-румынская граница, Молдавия, Приднестровье, Южный фронт.

The article is devoted to the defense of Moldova and Transdnistria by the Soviet troops in July 1941. It analyzes the causes of failure of the plans by German-Romanian command to surround and defeat of the Soviet armies in the area between the rivers Prut and Dniester.

Keywords: The Great Patriotic War, July 1941, the Soviet-Romanian border, Moldova, Transdnistria, the Southern Front.

Успешное наступление фашистов на Украине позволило немецко-румынским подразделениям приступить к решению задачи по разгрому советских войск в Молдавии. Командующий немецкой группой армий «Юг» генерал-фельдмаршал Г. фон Рундштедт 24 июня 1941 г. приказал командующему 11-й армией генерал-полковнику Р. фон Шоберту с утра 2 июля начать операцию «Мюнхен» по прорыву советской обороны на советско-румынской границе. [15; с. 17] Южный фронт (командующий: генерал армии И.В. Тюленев, член Военного совета армейский комиссар 1 ранга А.И. Запорожец, начальник штаба с 25 по 30 июня генерал-майор Н.Г. Шишенин, июль 1941 г. – полковник Ф.К. Корженевич, июль-август 1941 г. – генерал-майор Ф.Н. Романов) вел боевые действия в полосе 700 км от Карпат до устья Дуная и побережье Крыма.

К 2 июля 1941 г. Южный фронт имел 2 армии (9-ю и 18-ю) в составе 27 дивизий, в их числе 15 стрелковых, 3 кавалерийские, 6 танковых, 3 моторизованные. Фронту оперативно подчинялись Дунайская военная флотилия, Одесская военно-морская база, пограничные отряды НКВД. В Южный фронт входило четыре Ура (10, 12, 80 и 82-й). На каменец-подольском и могилев-подольском направлениях в полосе шириною до 160 км к началу июля развернулись 17-й стрелковый (командир – генерал-майор И.В. Галанин) и 16-й механизированный корпуса (командир – комдив А.Д. Соколов) 18-й армии (командующий – генерал-лейтенант А.К. Смирнов). Бельцевское, кишиневское и одесское направления прикрывали войска 9-й армии. [4; с. 190]

В числе войск противника, действующих против Южного фронта, были 11-я армия Германии, 3-я и 4-я армии Румынии, 2-й румынский отдельный армейский корпус. Состав армий противника к 2 июля 1941 г. претерпел ряд изменений. Так, в XI корпус 11-й армии была включена 1-я румынская бронетанковая дивизия

«Romania Mare» (Великая Румыния). В XXX корпус 11-й армии вошли 8-я и 13-я румынские пехотные дивизии. [7; с. 267-268] Противник имел 7 немецких, 13 румынских пехотных дивизий, 1 румынскую бронетанковую дивизию и 8 румынских бригад. У него имелось 60 румынских танков. Немецких танков на этом направлении не было. [15; с. 18] По данным румынского Генштаба, в июле 1941 г. численность личного состава армий под ружьем составляла около 700 тыс. человек, в том числе непосредственно на фронте находилось 342 тыс. солдат и офицеров. [16; с. 195]

Генерал армии И.В. Тюленев на основании разведданных предполагал, что перед Южным фронтом действует огромная группировка противника - до 40 пехотных и 13 танковых и моторизованных дивизий при наличии 900-960 танков. [27; л. 37-38]

В связи с тем, что к 30 июня немецкие войска глубоко охватили основные силы Юго-Западного фронта, Ставка Главного Командования отдала приказ об отводе войск из Львовского выступа на линию укрепленных районов вдоль старой государственной границы 1939 г. Одновременно генералу И.В. Тюленеву было приказано прикрыть отход Юго-Западного фронта и с 6 июля отвести правый фланг 18-й армии в Каменец-Подольский укрепленный район, который предстояло упорно оборонять. [13; с. 25] В ночь на 2 июля пограничные части Молдавии передали обороняемые участки частям Красной Армии, а сами приступили к выполнению новых задач по охране коммуникаций тылов действующих армий. [12; с. 80]

Таким образом, переход немецко-румынских войск в наступление совпал с передвижением советских подразделений, что усугубило неблагоприятное развитие событий.

Основной удар наносился силами немецкой 11-й армии и румынского кавалерийского корпуса (1-я танковая и 6-я пехотная дивизии, 5-я и 6-я кавбригады) из района Стефанешти на Могилев-Подольский. 30-й и 54-й немецкие армейские корпуса, в состав которых входили румынские 5-я, 8-я, 13-я и 14-я пехотные дивизии, наступали в направлении Яссы-Бельцы, используя плацдарм у Скулени. [23; с. 37]

В дальнейшем обе группировки должны были действовать в общем направлении на Винницу для соединения с 17-й армией, наступавшей из района Львова. В случае успеха фашистских войск в кольцо окружения попали бы основные силы Южного и левое крыло Юго-Западного фронтов.

Главные силы 3-й румынской армии (8-я кавалерийская, 1-я, 2-я, 3-я горнопехотные бригады и 7-я пехотная дивизия), переданные в подчинение командующего 11-й армией, обороной обеспечивали развертывание и фланги наступательных группировок. Им ставилась задача захватить Северную Буковину. [15; с. 19]

Войска 4-й румынской армии (гвардейская и пограничная дивизии, 21-я, 11-я, 15-я пехотные и 35-я резервная дивизии), оставаясь в подчинении национального командования, наступали на Кишинев. Армии ставилась задача

огнем и демонстративными атаками сковывать советские войска южнее полосы наступления. [9; с. 138] Отдельный 2-й корпус под командованием генерал-майора Н. Мачича (9-я и 10-я пехотные дивизии) должен был форсировать Дунай и взять под контроль морское побережье. 1-я и 2-я крепостные бригады оставались в обороне. [23; с. 36-37]

Командование Южного фронта вскрыть направление главного удара не сумело. Молодым командирам не хватало опыта, сказывалось и отсутствие точных данных войсковой разведки. В разведсводке штаба фронта от 2 июля 1941 г. сообщалось, что основные силы противника в составе 9-10 дивизий, в том числе 5-6 танковых и моторизованных, сосредоточились в районе Стефанешти. [27; л. 34-35] Фактически же там находилось 5 пехотных дивизий, 1 танковая дивизия и 4 бригады. [15; с. 18]

В результате такой оценки обстановки наиболее сильная и глубоко эшелонированная группировка войск фронта была создана в полосе обороны 18-й армии, на каменец-подольском направлении. Там находилось 6 стрелковых дивизий и 16-й механизированный корпус. Оборону удерживали прочно. Так, в донесении управления политической пропаганды Южного фронта начальнику главного управления политической пропаганды Красной Армии от 2 июля 1941 г. отмечалось: «На участке 96-й горно-стрелковой дивизии румынские части на ночь уходят на несколько километров в глубь своей территории из-за боязни действий нашей артиллерии. Из показаний пленных и данных разведки видно, что среди румынских солдат растет недовольство тем обстоятельством, что германское командование на передовую линию посылает румын, а немецкие части держит в тылу». [10; с. 287]

Но вот на направлении основных вражеских ударов, на правом фланге 9-й армии, осталось в первом эшелоне 2 стрелковые дивизии. Против них только в первом эшелоне развернулись 6 пехотных дивизий и 2 кавалерийские бригады. [15; с. 19]

В оперативной сводке штаба 9-й армии значилось: «С рассветом 1 июля противник начал переправу на восточный берег р. Прут в районах Цуцора, Стефанешты, одновременно наступал из района Скулени. Особые усилия противника отмечены на фронте 176-й стрелковой дивизии и у соседа справа. В течение ночи интенсивный артогонь велся из Тулчи по Четалкой и по юго-западной окраине Измаила. Около 11 самолетов противника бомбардировали Бельцы». [18; с. 100]

Утром 2 июля немецко-румынские войска перешли в наступление, атаковав правофланговые соединения 9-й армии, растянутые на широком фронте. Из района Ясс противник ударил в стык между 30-й горнострелковой и 95-й стрелковой дивизиями. Для прорыва советской обороны фашисты сосредоточивали свои основные силы на узких участках фронта. Так, удар 170-й и 50-й немецких пехотных дивизий был нанесен по позициям 241-го полка 95-й горнострелковой дивизии. 4 июля к ударной группировке на данном направлении присоединилась 35-я румынская пехотная дивизия и, форсировав р. Прут у Валя-

Маре, развила удар в направлении Ниспорена-Долна. [22; с. 56] 198-я немецкая пехотная дивизия нанесла удар по позициям 71-го стрелкового полка 30-й горнострелковой дивизии. В первые дни наступления она потеряла более 70% личного состава и техники. Немецкое командование вынуждено было вывести ее в тыл на переформирование, а вместо нее были введены в бой 250-я немецкая и 8-я румынская пехотные дивизии. [32; с. 28] Но и они встретили серьезный отпор советских воинов.

Учитывая сложившуюся обстановку как в полосе своего фронта, так и в полосе 12-й армии Юго-Западного фронта, командующий Южным фронтом 3 июля отдал приказ на отвод правофланговых частей 18-й армии на рубеж Хотин-Липканы. [29; л. 160] Командующему 9-й армией было приказано уничтожить переправившегося противника в направлении Стефанешти и у Скулени и продолжать выполнять ранее поставленную задачу по прочной обороне госграницы по р. Прут и Дунай. Вместе с тем войскам обеих армий приказывалось привести в своих полосах в полную боевую готовность укрепленные районы по р. Днестр как главный рубеж обороны. [29; л. 161]

Таким образом, правофланговые части 18-й армии, прикрывая арьергардом рубеж Заставка, ст. Лужан, юго-западнее Черновицы р. Прут, отошли на оборонительный рубеж Хотин, Липканы. Части 169-й стрелковой дивизии заняли и подготовили к упорной обороне промежутки между Каменец-Подольск и Могилев-Подольско-Ямпольским укрепленным районом. 130-я стрелковая дивизия заняла Могилев-Подольско-Ямпольский укрепленный район. 96-я горно-стрелковая дивизия к исходу 2 июля заняла рубеж Берхамет, Сторожинец, ст. Терблешти. Отход 96-й горно-стрелковой дивизии прикрывался 60-й горно-стрелковой дивизией. 39-я танковая дивизия находилась в районе Чахор в готовности поддержать 60-ю горно-стрелковую дивизию. Противник, форсировав р. Прут, к исходу 3 июля вышел на рубеж Стольничени, Зайкани, Чучуля, Кулугар-Соч, Бушила. На фронте Костешти, Кубани, Чучуля действовала 8-я пехотная дивизия румын, а в направлении Скулени - 198-я пехотная дивизия немцев. [28; л. 20]

Учитывая направление наступления немецко-румынских войск и выполняя указания Ставки, генерал армии И.В. Тюленев усилил правое крыло фронта, перебросив туда 18-й мехкорпус и развернув резервную 189-ю стрелковую дивизию. На рубеж укрепленных районов по старой государственной границе отводился из под Черновиц 16-й мехкорпус. На угрожаемое направление выдвинул 2-й мехкорпус (командир – генерал-лейтенант Ю.Ф. Новосельский) командующий 9-й армией. Однако пока шло сосредоточение сил, противник на главных направлениях удара с 3 по 4 июля продвинулся на глубину до 40 км.

4 июля части 3-й румынской армии развернули наступление на Хотин, однако советские войска предприняли контрнаступление в этом регионе и отбросили противника. 6 июля румынские войска вновь атаковали Хотин. 7 июля им удалось окружить город с юга и севера, а вечером город и соседние сёла был оставлены советскими войсками. После взятия города румынско-германские

войска начали отрезать пути для отступления советским армиям. Для этого часть войск была направлена к Могилёву-Подольскому, а другая часть атаковала Сороки [1; с. 14].

5 июля войска 3-й румынской армии заняли Черновцы, а к 9 июля полностью выбили с территории Северной Буковины 18-ю армию. Северный фланг советских сил, оборонявшихся в Бессарабии, оказался под угрозой.

Активно наступала и румынская 1-я танковая дивизия, которая 2 июля форсировала р. Прут. Ей удалось разбить 74-ю и 176-ю советские стрелковые дивизии и выйти 8 июля к Днестру. [23; с. 37]

4-я румынская армия в первые дни наступления не смогла развить наступление на Кишинев, встретив упорное сопротивление советских войск, которые нанесли сильный контрудар силами трех стрелковых дивизий. Гвардейская и 21-я пехотные дивизии понесли большие потери – около 9000 убитых и раненых. Лишь частям 3-го румынского корпуса удалось переправиться через р. Прут и прорвать оборону советских войск. [23; с. 37]

5 июля командующий фронтом решил отвести 18-ю и 9-ю армии за Днестр на позиции укрепленных районов. Для обороны Одессы предполагалось создать группу войск в составе трех стрелковых дивизий во главе с заместителем командующего фронтом генерал-лейтенантом Н.Е. Чибисовым. Командующий Южным фронтом 5 июля докладывал И.В. Сталину, С.К. Тимошенко и Г.К. Жукову, что фронт имеет возможность вести боевые действия только «методом подвижной обороны, опираясь на УРы на Днестре». [24; с. 132]

На следующий день, И.В. Тюленев отдал войскам приказ на отход, и они приступили к выполнению поставленных задач. Однако Ставка не утвердила его решение как «исключительно пассивное и не отвечающее обстановке». Фронту директивой Ставки № 00226 от 7 июля предписывалось контрударом резервов, которые приказывалось создать за счет частей с неатакованных участков, отбросить противника за Прут, затем использовать территорию Бессарабии в качестве исходного плацдарма для наступления. Прорвавшиеся танки противника требовалось уничтожить силами 2-го механизированного корпуса при поддержке всей авиации фронта. На участке Яссы, Измаил предписывалось организовать диверсионные действия небольших отрядов с целью пленения румын и захвата матчасти. Разreshалось отвести только 18-ю армию, заняв оборону 17-м стрелковым корпусом по южному берегу Днестра от 12-го УРа до Хотина и далее до Липкан. При этом, ставя фронту задачу на контрнаступление, Ставка приказала ему передать на Юго-Западный фронт 7-й стрелковый, 16-й и 18-й механизированные корпуса, 196-ю и 227-ю стрелковые дивизии и 4-ю артбригаду ПТО. [21; с. 56-57] Тем самым советское командование лишало запланированное контрнаступление шансов на успех. Ставка не возражала против создания группы войск для обороны одесского направления.

Отход советских войск был вскрыт противником. 7 июля генерал-полковник Ф. Гальдер отмечал, что советское командование всеми средствами поспешно выводит свои войска из мешка, постепенно образовывавшегося в результате

наступления 11-й и 17-й немецких армий. [8; с. 97] Однако, несмотря на то, что немецко-фашистское командование установило отход наших войск, ускорить ход событий, чтобы окружить соединения 26, 12 и 18-й армий, оно было не в состоянии.

7 июля 11-я армия форсировала р. Днестр в районе Могилев-Подольский. [4; с. 193-194] На усиление 130-й стрелковой дивизии, оборонявшей этот район, командующий Южным фронтом направил мотострелковый полк 47-й танковой дивизии 18-го механизированного корпуса. [30; л. 269] Советские войска перешли в контратаку и ликвидировали вражеские плацдармы, разгромив полк «Бранденбург». В районе Кишинев в этот день вражеское командование организовало наступление против войск 2-го механизированного корпуса силами 22-й пехотной дивизии, которая, по признанию Гальдера, в первый же день боя понесла большие потери. [4; с. 194]

Войска Южного фронта приступили к выполнению поставленной Ставкой задачи по уничтожению вклинившегося противника. Хотя возможность фронта нанести контрудар к этому времени была ограниченной.

Особые трудности возникли в 9-й армии, командующий которой уже отдал приказ об отводе соединений за Днестр. Чтобы вернуть их потребовались целые сутки. Начавшийся отвод еще более осложнил условия нанесения контрудара.

Генерал армии И.В. Тюленев 7 июля 1941 г. создает ударную группу войск 9-й армии в составе 48-го стрелкового (командир генерал-майор Р.Я. Малиновский), 2-го механизированного (командир генерал-лейтенант Ю.В. Новосельский) и 2-го кавалерийского (командир генерал-майор П.А. Белов) корпусов, которой поставил задачу совместно с 18-й армией и фронтовыми резервами уничтожить бельцевскую группировку противника. [30; л. 284]

Одновременно он создал Приморскую группу войск в составе 25-й, 51-й и 150-й стрелковых дивизий, 79-го и 26-го погранотрядов НКВД, Дунайской военной флотилии, Одесской военно-морской базы, специальных частей и 69-го авиационного истребительного полка. [26; с. 13-14] Этой группе войск была поставлена задача прочно прикрывать восточный берег р. Прут, северный берег р. Дунай и побережье Черного моря, не допуская высадки морских и воздушных десантов противника. [30; с. 283а]

Выполняя приказ, утром 8 июля 48-й стрелковый, 2-й механизированный и 2-й кавалерийский корпуса атаковали противника в стык 4-й румынской и 11-й немецкой армий. [28; л. 54-55]

Жестокие встречные бои продолжались до 10 июля. Не имея возможности отбросить противника за р. Прут, советские войска смогли задержать наступление армий фашистов на Кишинев. Это позволило 18-й армии в полном порядке отвести свои войска и занять Могилев-Подольский укрепленный район.

В эти дни были одержаны ряд значимых побед над соединениями захватчиков.

В результате ожесточенного боя были полностью разгромлены 67-й пехотный полк, 63-й артиллерийский полк и 15-й тяжелый артдивизион 35-й

пехотной дивизии румын, а другому пехотному полку нанесены большие потери. [22; с. 59]

В отчете об этой схватке и потерях противника говорилось: «...захвачено около 200 человек пленных, из них 5 офицеров...; около 40 орудий различных калибров, 70 грузовых автомашин, 4 легковые автомашины, около 1000 лошадей, винтовки, боеприпасы, различные штабные документы... Убито около 400—500 человек и много лошадей» [19; с. 52] В плен попал командир 63-го артиллерийского полка. [27; л. 74]

Шок от этого поражения был настолько силен, что следы паники были заметны и на второй день, когда на место событий в срочном порядке прибыли Й.Антонеску и М.Антонеску. Румынские солдаты были столь ошарашены, что с трудом подчинялись своим командирам и вряд ли осознавали, что перед ними «кондукэтор». 35-ю румынскую пехотную дивизию с фронта пришлось убрать на переформирование. До Кишинева она не добралась и до конца июля находилась в тылу. [34]

9-10 июля в результате контрнаступательной операции 241-го и 161-го стрелковых полков 95-й стрелковой дивизии в направлении Лапушна-Леушены большой урон был нанесен 15-й пехотной дивизии румын. [17; с. 159]

Неудачно закончились наступательные операции 4-й румынской армии в районе Фэлчиу-Лека-Епурень с целью поддержать с юга наступление на Кишинев. В течение 5-12 июля на этом участке шли ожесточенные бои. Части советского 14-го стрелкового корпуса нанесли группировке противника у Фэлчиу большой урон в живой силе и технике, не дав ей продвинуться вперед. [17; с. 159] 8 июля в сражениях на данном направлении приняли участие воины 150-й стрелковой дивизии, следовавшие к границе ускоренным маршем. Они «учинили врагу полный разгром, отбросив его на западный берег р. Прут». Этот боевой эпизод попал в сводки Совинформбюро. [24; с. 132]

10 июля соединения 48-го стрелкового и 2-го механизированного корпусов фланговым ударом разгромили 22-ю и 198-ю пехотные дивизии. [28; л. 61] Генерал Ф. Гальдер направил в 11-ю армию генерала Отта, который на месте должен был установить причины их разгрома. 16 июля Отт доложил Гальдеру, что обе дивизии не успели подтянуть свою артиллерию к тому моменту, когда они были атакованы русскими, вследствие чего и понесли большие потери. [4; с. 193-194]

Таким образом, контрудары советских войск в стык 11-й немецкой и 4-й румынской армий 8-10 июля 1941 г. вызвали значительное ослабление соединений противника. В результате этого немецко-румынские войска не в состоянии были проводить намеченную для них кишиневскую операцию. Командующий 11-й армией генерал Шоберт просил генерал-фельдмаршала фон Рунштедта разрешить соединениям сделать паузу в наступлении для восполнения потерь. Тот согласился, но приказал повернуть 54-й армейский корпус для помощи румынам в овладении Кишиневом. [9; с. 141]

10 июля 1941 г. начальник генерального штаба немецко-фашистских сухопутных сил Ф. Гальдер доложил фельдмаршалу Кейтелю, что шансы 11-й армии на успех незначительны, при планировании дальнейших операций ее нельзя рассматривать «как надежную силу», и продолжать наступление армия сможет не раньше 16 июля.

В эти дни положение на Южном фронте временно стабилизировалось. Соединения 18-й армии отошли на рубеж могилев-ямпольского УРа и заняли прочную оборону. 9-я армия закрепилась в 40-50 км западнее Днестра, соединения ее второго эшелона заняли Рыбницкий УР. Дивизии Приморской группы войск оборонялись по-прежнему вдоль границы на реках Прут и Дунай. [4; с. 195]

Советскому руководству опыт первых дней войны показал, что при огромном размахе вооруженной борьбы в условиях стремительно развивающихся боевых действий, управлять войсками фронтов непосредственно из Ставки Главного Командования очень трудно. Потому для повышения оперативности в управлении Государственный Комитет Обороны 10 июля 1941 г. принял постановление об образовании трех главнокомандований. Командованию Юго-Западного направления (главнокомандующий С.М. Буденный, член Военного совета Н.С. Хрущев, начальник штаба генерал А.П. Покровский) были подчинены войска Юго-Западного и Южного фронтов, Черноморский флот и Дунайская флотилия. [25; с. 74-75]

Южному фронту удалось сорвать замысел немецко-румынского командования по расчленению его войск и окружению 18-й армии. Но в Южном фронте к 11 июля осталось всего 20 дивизий, в то время как силы противника, наступавшего в его полосе, значительно возросли и в связи с вводом в сражение венгерского корпуса. Это позволило фашистам достичь на направлениях главного удара еще большего превосходства в силах и средствах. [4; с. 195]

О вновь разгоревшихся боях середины июля 1941 г. начальник артиллерии 95-й стрелковой дивизии Д.И. Пискунов вспоминал: «Наши возможности были почти исчерпаны. Бойцы нуждались в отдыхе, не хватало боеприпасов, продовольствия. Пока враг имел значительный перевес в людских резервах, технике и вооружении, нам все время приходилось думать о том, как не попасть в тиски окружения, сохранить боеспособность соединения. Горше всего было видеть лица местных жителей, отвечать на их немой вопрос: что же, сынки, дальше будет?» [19; с. 42]

12 июля 1-я румынская танковая дивизия захватила Бельцы. 17 июля Бельцы посетил Й.Антонеску. Он дал дополнительные указания назначенной оккупационной администрации: «Дороги восстановить с помощью населения. Трудовую повинность ввести на завоеванных территориях. При самом незначительном сопротивлении со стороны населения – расстреливать на месте... Население Бессарабии подвергнуть проверке, подозрительных и тех, которые выступают против нас нужно уничтожать...» [17; с. 157]

С 13 июля разгорелись бои в предместьях Кишинева. [5] 15 июля 1941 г. румынское командование бросило в бой на кишиневское направление свои резервы – 54-й немецкий армейский корпус при поддержке 1-й румынской танковой дивизии. [23; с. 38] Противник наступал на столицу Молдавии с нескольких направлений. От Оргеева на Кишинев двигались 5-я пехотная дивизия и танковая бригада румын, от Быковца – 72-я немецкая пехотная дивизия, от Ганчешт – 15-я румынская пехотная дивизия.

Противостояли фашистам на кишиневском направлении войны 95-й стрелковой дивизии. Для того чтобы противник не мог прорваться по Оргеевскому шоссе на Кишинев, 241-й стрелковый полк занял оборону на рубеже Пашканы — Микауцы. Кишиневское направление со стороны Быковца преградил 90-й стрелковый полк. 161-му полку было приказано оборонять рубеж Манойлешты — вдоль берега реки Ботна до Гырла. Вместе с ним занял оборону 57-й артполк. Штаб дивизии расположился в Ботаническом саду юго-западнее Кишинева. Его расположение прикрывал 175-й отдельный зенитный дивизион. [19; с. 61]

Начальник штаба 95-й стрелковой дивизии полковник В.Сахаров вспоминал: «Наиболее опасными для нас были танковая бригада и 72-я пехотная дивизия, которые, вклинившись между правифланговыми полками, непосредственно угрожали Кишиневу. Им же противостояли неполного состава 90-й полк и приданный нам, но сильно ослабленный 321-й мотострелковый полк 15-й мотострелковой дивизии.

С утра 16 июля с каждым часом нарастает напряжение, как на переднем крае, так и в штабе дивизии, находящемся рядом с ведущими бой войсками. Ко мне непрерывно поступают сведения о том, что враг подходит к городу, что он уже ворвался на северо-западную окраину. Становится ясно, что Кишинев нам долго не удержать. Следует принять все меры, чтобы приостановить врага хотя бы на время прохода через город наших частей и занятия ими обороны на следующем рубеже». [22; с. 63]

В полдень 16 июля по Оргеевскому шоссе в Кишинев ворвались румынские танки. Шесть из них были подбиты орудием второй батареи 97-го отдельного истребительного противотанкового дивизиона (ОИПД). Под вечер к городу подошла вражеская пехота.

Начальник артиллерии 95-й стрелковой дивизии Пискунов вспоминал: «На улицах завязались бои. В районе Бубуечь первая механизированная румынская бригада была разгромлена огнем нашего первого артдивизиона 134-го ГАП.

Когда к Кишиневу подъехал командир 161-го полка С.И. Серебров и ему сообщили, что в городе вражеские танки, он, взяв с собой три орудийных расчета, вывел их в сумерках на окраину Кишинева и расставил на перекрестке. Не успели воины приготовиться к стрельбе, как из-за угла показался танк и застрочил из пулемета. Серебров потом вспоминал: «Дали залп по первому. Танк загорелся. Тут вышел второй. Выстрел — и у него перебита гусеница. Потом подожгли еще один. Четвертый пытался зайти нам в тыл, но тоже был

подбит. Все четыре вражеских бронированных машины подбил расчет Михаила Могарычева. Мы стали отходить. Появился пятый танк. Его поджег расчет Василия Бобкова».

К исходу дня 16 июля части 95-й дивизии, под прикрытием 13-го отдельного разведывательного батальона и огня третьей батареи 97-го отдельного истребительного противотанкового дивизиона, отошли через долину реки Бык и заняли позиции в трех километрах северо-восточнее Сынжеры». [19; с. 61]

В боях за Кишинев советские воины проявили исключительное упорство и отвагу. По неполным данным, противник потерял в Кишиневе 15 танков, десятки машин и более батальона пехоты. [22; с. 64]

Захватив Кишинев, Й.Антонеску предполагал превратить Кишинев в захудалый центр аграрной области. Им было дано указание «без особых затрат» уничтожить половину кварталов города. «Мы, – говорил Антонеску, – должны сузить площадь этого города, который при русских очень растянулся... Город в 200 тысяч жителей превзошел нормальные пропорции... Поэтому мы должны свести население Кишинева до 100 или 110 тысяч». [3]

В связи с захватом Кишинева возникла серьезная опасность изоляции Приморской группы войск от основных сил Южного фронта и выхода противника к Одессе. В такой обстановке советское командование приняло решение перебазировать Дунайскую флотилию в Николаев, суда Дунайского транспортного флота - в Одессу, а 9-ю армию и Приморскую группу войск отвести на левый берег Днестра.

18 июля директивой штаба Южного фронта перед Приморской группой войск была поставлена задача: «во взаимодействии с Черноморским флотом не допустить прорыва противника в направлении Одессы, удерживая последнюю при любых условиях». [25; с. 202]

19 июля Ставка Верховного Командования преобразовала Приморскую группу войск в Приморскую армию, командующим которой был назначен старый генерал Г.П. Софронов, членом Военного совета — бывший начальник политуправления Южного фронта дивизионный комиссар Ф.Н. Воронин, а начальником штаба — генерал Г.Д. Шишенин, ранее выполнявший эту обязанность в Приморской группе войск.

К 10 утра 20 июля войска Приморской армии вышли на рубежи: 150-я стрелковая дивизия – Салкуна, Банмаклия, Тараклия, Чага, Батырь; 51-я стрелковая дивизия – Кульм, выс. 195, Березина, Тарутино; 25-я стрелковая дивизия – Куружейка, Лейпциг, Исерлия, Иванешти-Ноуи. [31; л. 32-35]

Отходя под прикрытием арьергардов и охранений, части армии отбивали неоднократные попытки румынских подразделений провести операцию по их окружению и срыву попытки выхода к Днестру. Разгорелись ожесточенные бои у Фриденсфельде, Плахтеевки. Ветеран 25-й стрелковой дивизии вспоминал, что больше часа сражалось боевое охранение их дивизии (4 красноармейца) под командованием замполитрука Шульги, давая возможность беспрепятственно отойти своему подразделению. Отряд лейтенанта Петра Бекренева,

обеспечивая переправу своих войск через р. Сарата, несколько часов сдерживал румын, одну за другой отбивая их атаки. А когда на позиции взвода двинулся вражеский танк, Бекренев ценой своей жизни подорвал вражескую машину. [6; с. 69]

9-й армии ставилась задача завершить отход 21 июля и, опираясь на Рыбницкий и Тираспольский укрепрайоны, остановить на этом рубеже неприятеля. Советским подразделениям предстояло пройти с боями 100-130 км с обозом, подвергаясь бесконечным нападениям румынских войск и подвижных соединений 1-й немецкой танковой группы.

Об этих боях офицер 30-й стрелковой дивизии С. Цыпленков писал: «Мы вынуждены были по приказу командования оставить р. Прут и начать отход на восток. Начался отход от рубежа к рубежу. Днем мы вели сдерживающие бои, а ночью под прикрытием небольших подразделений отступали на новые позиции, зарывались в землю, чтобы с утра снова организованно встретить противника и не давать ему возможности быстро продвигаться вперед. Это были тяжелые, изнуряющие бои без отдыха и сна... Противник вводил в бой все новые силы, наращивал темпы наступления. Мы не в силах были сдерживать его натиск... Лето в этом году выдалось на редкость жаркое. Беспощадно палило июльское солнце, от которого не было никакого спасения, как будто вся солнечная энергия была сосредоточена здесь, в Молдавии. От пота и солнца наши гимнастерки стали белыми. Люди страдали от жажды. Колодцы, которые попадались на пути, брались буквально с боями, приходилось делать оцепления и организовывать выдачу воды, на что уходила масса времени». [32; с. 29, 35]

Боец 9-й армии Ефремов И. вспоминал: «Отходили «ступеньками». Это так – один батальон обороняется, другой готовит позицию, а третий отходит... Пыль, самолеты сверху, артобстрел, крики и стоны раненных, которых везли на повозках...» [11]

Интендант Южного фронта генерал-майор А.И. Шебунин вспоминал: «Нас, снабженцев, особенно терзала проблема транспорта. В войну Красная Армия вступила в основном на конной тяге. Многие, в том числе большая часть артиллерии, перевозилось лошадьми. В распоряжении Южного фронта имелись лишь полутонные автомобили ГАЗ, но их было совершенно недостаточно.

Враг же располагал огромным количеством машин... Соревноваться с ними в оперативности перегруппировок войск и в маневренности в тот период не представлялось возможным. Враг всюду поспевал раньше нас, с ходу прощупывал нашу оборону, бил по ее самым уязвимым местам, а чаще всего, пользуясь превосходством в маневренности, обходил наши позиции с флангов...

Положение усугублялось еще тем, что вместе с войсками уходило на восток огромное количество гражданского населения. Дороги были забиты людьми, колясками, подводами. Расчистить дороги для пропуска войск стоило невероятных усилий». [33; с. 66-67]

21 июля советские войска оставили Бендеры, незадолго до этого взорвав мост через Днестр. 23 июля в город вошли румыны. [14; с. 132] К 22 июля

завершился основной отвод войск 9-й армии на левый берег Днестра, а 14-й стрелковый корпус завершил переправу в нижнем течении реки 26 июля. [17; с. 161]

Вся Бессарабия и Северная Буковина оказались под контролем Румынии, линия фронта переместилась к Днестру.

На Днестре советские войска оказали упорное сопротивление врагу. Так, например, Могилев-Подольский укрепленный район, несмотря на недостаточно организованное взаимодействие частей 130-й стрелковой дивизии с его гарнизоном, сдерживал натиск противника в период с 8 по 19 июля, потеряв при этом 900 человек. В то же время пулеметно-артиллерийские подразделения укрепленного района уничтожили до 5000 человек и большое количество вражеской техники. [4; с. 196-196]

С. Цыпленков вспоминал: На Днестре «у многих из нас была твердая уверенность в том, что наконец-то окончилось наше отступление. Дальше противнику не пройти, с этого рубежа через некоторое время начнем наступление и освободим Молдавию. Ведь Днестр являлся крупным естественным препятствием для противника, здесь была старая государственная граница. И, наконец, шли упорные слухи, что в тылу готовится сильная армия для разгрома врага, которая, по нашим предположениям, должна начать боевые действия именно с этого рубежа...» [32; с. 35-36]

Днестровский оборонительный рубеж был оставлен нашими частями только по приказу командующего фронтом в связи с общим отходом войск Юго-Западного и Южного фронтов.

К 26 июля 1941 г. советские войска окончательно оставили территорию Молдавской ССР и оборонительная операция в Молдавии завершилась.

Румынское командование провозгласило окончание «кампании 33 дней по освобождению Северной Буковины и Бессарабии», которые на правах провинций официально вошли в состав королевской Румынии. МИД Румынии разослал правительствам ряда стран уведомление об этом. Особый восторг вызвал у правящей верхушки ответ госдепартамента США. На одном из заседаний правительства Й.Антонеску объявил: «Что касается Бессарабии и Буковины, могу сообщить, что их возвращение и аннексия признаны даже Соединенными Штатами». [16; с. 247-248]

Безвозвратные потери Красной Армии с 1 по 26 июля составили 8519 солдат и офицеров. Санитарные потери - 9374 человека. Всего Советские вооруженные силы потеряли в боях за Молдавию 17893 солдата и офицера. Среднесуточные потери составили 688 человек. [20; с. 310]

По румынским сообщениям называется совершенно фантастическая цифра потерь советских войск - 80 000 пленных. Общие потери румынских войск составили за июль 1941 г. около 23 000 человек. [23; с. 39-40] По признанию самих румын среднесуточные потери в боях за Бессарабию, в ходе операции «Мюнхен» составляли 697 человек - это самый высокий показатель за все время войны. [34]

При анализе оборонительной операции в Молдавии и Приднестровье стоит помнить, что ход военных действий на Южном фронте в значительной степени определялся развитием событий на соседнем Юго-Западном фронте. Глубокие прорывы противника в его полосе вынуждали командование Южного фронта держать на правом крыле половину сил: 17-й и 55-й стрелковые, 16-й и 18-й механизированные корпуса, 3 отдельные стрелковые дивизии и противотанковую бригаду. [2; с. 124]

Несмотря на тяжелые условия боевых действий, советские воины упорно, стойко оборонялись, сдерживая натиск превосходящих сил противника, более того - предпринимая контратаки и контрудары. Они позволяли советским войскам наносить большие потери неприятелю, рассредоточивать усилия его ударных группировок и выигрывать минимально необходимое время для отвода войск и подготовки обороны в оперативной глубине. Планы фашистов по окружению и разгрому советских армий в междуречье Прута и Днестра были сорваны.

Библиографический список

1. Axworthy, M., Serbanescu, H. The Romanian Army of World War 2. — Osprey Publishing, 1992.
2. 1941 год — уроки и выводы. — М.: Воениздат, 1992.
3. Абакумова Н.В., Гарусова О.В. Кишинев – 1941 г. В поисках исторической правды // <http://ava.md/projects/moldova-history/09218-kishinev-1941-g-v-poiskah-istoricheskoi-pravdi.html>
4. Анфилов В.А. Начало Великой Отечественной войны (22 июня — середина июля 1941 года). Военно-исторический очерк. — М., 1962.
5. Варзарь С. Об оккупации Молдавии румынско-германскими войсками в 1941 г. // <http://www.nm.md/daily/article/2011/10/11/0302.html>
6. Васьковский Я. Мы – из Чапаевской. – М., 1986.
7. Веремеев Ю.Г. Повседневная жизнь вермахта и РККА накануне войны. – М., 2011.
8. Гальдер Ф. Военный дневник. Ежедневные записи начальника Генерального штаба Сухопутных войск 1939-1942 гг. — М., 1968-1971. - Т.3.
9. Дайнес В. 1941. Год Победы. – М., 2009.
10. Донесение управления политической пропаганды Южного фронта начальнику главного управления политической пропаганды Красной Армии 2 июля 1941 г. // Лето 1941. Украина: Документы и материалы. Хроника событий. – Киев, 1991.
11. Ефремов И. Так начиналась война (воспоминания) // ddp-main.narod.ru/2003/nomer.
12. Зубрицкий М.Н., Ненахов И.Т. Они были первыми // В боях за Молдавию (1941-1944). – Кишинев, 1964.
13. История Украинской ССР. – Т. 8. Украинская ССР в Великой Отечественной войне Советского Союза (1941-1945) – Киев, 1984.
14. Кирдянов М.И. Бои в Молдавии // В боях за Молдавию (1941-1944). – Кишинев, 1964.
15. Киселев В.В., Раманичев И.Х. Действия войск Южного фронта в начальном периоде Великой Отечественной войны // Военно-исторический журнал. – 1989. - № 7.

16. Левит И.Э. Вступление Румынии в войну против Советского Союза. // Крестовый поход на Россию: Сборник статей. – М.: Яуза, 2005.
17. Левит И.Э. Участие фашистской Румынии в агрессии против СССР. Истоки, планы, реализация (1.09.1939-19.11.1942). – Кишинев, 1981.
18. Молдавская ССР в Великой Отечественной войне советского народа 1941-1945 гг. Сборник документов и материалов в 2 т. – Т. 1. – Кишинев, 1975.
19. Пискунов Д.И. 95-я молдавская. – Кишинев, 1987.
20. Россия и СССР в войнах XX века. Потери вооруженных сил: Статистическое исследование. / Под общ. ред. Г.Ф. Кривошеева. М.: Олма-Пресс, 2001.
21. Русский архив: Великая Отечественная: Ставка ВГК. Документы и материалы. 1941 год. Т. 16 (5-1).
22. Сахаров В. 95-я Молдавская // В боях за Молдавию. Книга вторая. – Кишинев, 1968.
23. Тарас Д.А. Боевые награды союзников Германии во II мировой войне. Мн.: 2003.
24. Тюленев И.В. Через три войны. - М., 1972.
25. Украинская ССР в Великой Отечественной войне Советского Союза 1941-1945 гг. – Т. 1. Советская Украина в период отражения вероломного нападения фашистской Германии на СССР и подготовки условий для коренного перелома в войне (июнь 1941 г. – ноябрь 1942 г.). – К., 1975.
26. У черноморских твердынь. Отдельная Приморская армия в обороне Одессы и Севастополя. – М., 1967.
27. ЦАМО РФ, ф. 228, оп. 223098с, д. 3.
28. ЦАМО РФ, ф. 228, оп. 2892сс, д. 16.
29. ЦАМО РФ, ф. 228, оп. 2535сс, д. 32.
30. ЦАМО РФ, ф. 228, оп. 2535сс, д. 33.
31. ЦАМО РФ, ф. 228, оп. 2535сс, д. 35.
32. Цыпленков С. Поднятые по тревоге // В боях за Молдавию. Книга вторая. – Кишинев, 1968.
33. Шебунин А.И. Сколько нами пройдено... – М., 1971.
34. <http://www.eneews.md/blogs/view/1489/>

Формирование нового международного порядка: вызовы гражданской идентичности России

В статье анализируются изменения, происходящие на мировой арене и их влияние на формирование российской гражданской идентичности.

Ключевые слова: идентичность, международный порядок, система международных отношений, глобализация

The article analyzes the changes taking place on the world stage and their influence on the formation of the Russian civil identity.

Key words: Identity, the international order, the system of international relations, globalization.

Мы живем в период формирования нового международного, а возможно, и мирового порядка. Этот тезис практически никто не оспаривает. Ни из ученых, ни из практических деятелей. Однако какой миропорядок формируется, какой будет формат международных отношений, пока активно обсуждается.

Процессы изменения международного порядка начавшиеся на рубеже XX – XXI веков, продолжают углубляться. Такие серьезные изменения международных систем всегда сопровождались усилением нестабильности, увеличением числа войн и конфликтов. Украинский кризис является одним из звеньев в рамках цепи региональных конфликтов современного мира. Изменения международных систем могут сопровождаться изменением статуса и позиций различных государств.

Поиск своего места в меняющемся мире стал объективной задачей России. По многим аспектам внешнеполитический имидж, равно как и внутривнутриполитический имидж государства – результат сознательного конструирования образов с учетом уже сложившихся представлений о государстве, народе. Чтобы найти свое место в формирующемся международном порядке, нужно правильно определить контуры будущего международного устройства.

В настоящее время несколько вопросов требуют понимания.

После окончания Второй мировой войны в мире сложился биполярный международный порядок. Причем соперничество было не только по линии СССР и США, но и по идеологическим проектам, стратегиям будущего развития. В СССР выстраивалась «советская идентичность». Этот проект мессианской идеи мировой пролетарской революции, социального равенства, создания наднациональной (надэтнической) идентичности. В 1990-х годах XX века, с распадом СССР, в мире формируется однополярность. Наиболее мощным экономическим, идеологическим центром становятся США. Однако, со временем

ситуация меняется. Навязывая всем свой проект, США сталкиваются с неприятием этого во многих регионах мира, даже в Европе. По словам И. Крастева «в глазах Европы США выглядят недееспособной посткоммунистической демократией, в которой политика является неуправляемой игрой с нулевой суммой» [5, с.41]. Ставят под сомнение глобальное лидерство США в Китае, России и других странах.

Можно согласиться, что по ряду показателей, в том числе по военным расходам, США превосходит другие страны. Это дает повод политикам США постоянно подчеркивать своё превосходство, не обращая внимания на изменяющиеся условия. Вопрос остается открытым: какой международный порядок формируется сегодня? Это будет многополярный мир, как прогнозируют большинство исследователей с центрами силы США, Китай, ЕС, Россия, другие территории? Это будет биполярный мир, где центры силы могут разделиться либо по линии «Север-Юг», либо «Запад-Восток»? Или это будет мировая империя с центром в США? Прогнозы, правда, на этом не исчерпываются. Есть версии о формировании «бесполярного» мирового порядка или сетевого общества.

«В наши дни баланс порядка и беспорядка смещается в направлении хаоса»- пишет Ричард Хаас. – «Причины отчасти носят структурный характер, но некоторые из них являются следствием неправильного выбора значимых игроков». [10] В рамках смещения баланса в сторону беспорядка возникает ещё один баланс – между дипломатическими и военными механизмами взаимодействия государств. Сложность ситуации проявляется в том, что классический вариант лиц международного взаимодействия – «солдат и дипломат» (по Р. Арону), дополняется (а не замещается) другими лицами – «туриста и террориста» (по Дж. Розенау). Формат международного порядка уже не может быть определен только статусными различиями ведущих держав.

Изменение международного порядка сопровождается ещё одним процессом – процессом глобализации. До недавнего времени глобализация воспринималась как единственно возможный путь формирования будущего экономического пространства. В начале 2000-х годов мы были свидетелями расцвета экономического и культурного сближения различных стран. Глобализация оказала огромное влияние на обострение проблемы поиска национальной идентичности, причём не только в России. Сближение экономик, унификация потребления ставит вопрос перед некоторыми территориями о необходимости наличия посредника в лице государства для вхождения в мировые глобализационные процессы. Стремление к созданию собственных территориальных образований отчетливо проявляется в разных частях мира, например, в Шотландии или Каталонии. В начале XX века было 50 национальных государств, сейчас их около 250, а, по прогнозам ученых, к середине XXI века их число удвоится. Для национальной идентичности процесс глобализации несет в себе не только новые возможности, но и новые угрозы. «С одной стороны, глобализация делает прозрачными границы между народами и

государствами, ставит под вопрос прежнюю роль национального государства и связанную с ним национальную составляющую идентичности. С другой стороны, та же самая глобализация, способствуя сближению и интеграции различных социальных и этнических общностей, усиливает потребность в определении своей культурной и цивилизационной идентичности». [4, с. 22].

По мнению С.В. Картунова, на проблему поиска национальной идентичности влияют процессы, составляющие глобализацию (или сопутствующие ей): демократизация, экономизация, информатизация, культурная стандартизация, ценностная универсализация и др. Остановлюсь на некоторых.[4, с. 18].

Демократизация современного мира, по мнению Картунова, «диктует необходимость перехода к общим правилам игры как во внутренней, так и во внешней политике».

Эйфория от очередной волны демократизации «арабской весны» закончилась. Вместо ожидаемых демократических правительств, к власти в Египте, Ливии пришли сторонники исламского пути развития, ничего общего не имеющего с демократическими ценностями.

Сомнения в перспективах развития демократии высказывают и европейские политики. Например, премьер-министр Венгрии Виктор Орбан, в июле 2014 г. на лекции в летнем университете в Баварии предложил сменить либеральную демократию на модель государственного устройства, сходную с Россией, Турцией, Китаем и Сингапуром, а социальное государство — на «трудовое государство». Это вызвало критику в ряде СМИ [2], особенно американских, введение санкций против ряда должностных лиц Венгрии. Всё это сложно соотносится с демократией. Однако В. Орбан только озвучил опасения граждан в состоятельности демократического пути развития на данный момент. О кризисе демократии пишет И. Крастев, рассматривая противоречия в развитии современной демократии и рыночной экономики, отмечая, что власть становится меритократической. «Отношение общества к демократии в современной Европе лучше всего представить в виде смеси пессимизма и злости». [5, с. 39] «Демократия, в которой люди утратили надежду на то, что их собирательный голос может вызывать перемены и служить коллективной цели, находится в кризисе». [5, с. 49]

Не менее оспариваемой сейчас выступает экономизация, которая ведет к формированию единого мирового экономического пространства. По мнению С.В. Картунова, «интеграция в это формирующееся пространство – единственно возможный способ эффективной защиты национальных интересов» [4, с. 19.] Однако, логика развертывания событий вокруг украинского кризиса, показала, что интеграция в глобальные рынки может не только выступать защитным механизмом безопасности государства, но и источником угроз. Война санкций между США и ЕС и Россией привели к серьезным международным экономическим проблемам, снижению экономического роста в России и, как результат, изменению глобальной парадигмы развития не только России, но и

многих других стран: Аргентины, Бразилии, Китая. В результате происходит поиск интеграционных связей в рамках региональных пространств, переориентация с глобальных рынков на региональные и внутренние. Это ставит под сомнение углубление процессов глобализации. Наблюдается и снижение роли глобальной идентичности.

На протяжении ряда лет, наблюдалась культурная стандартизация, успешная адаптация культур к изменениям глобализирующегося мира. Ряд культур, оказался слабо адаптируемым к глобальным вызовам. Так, например, японская культура, которая не потеряла своей самобытности. «Массовая культура глобализации в этих случаях оказалась сильнее культурных ядер национальной идентичности, которые в условиях глобализации сохранились лишь как культуры фольклорные: испанская коррида, турецкий ислам, мексиканская кухня» [4, с. 20]. Только три культуры, по мнению Кортунова не желают пока растворяться в американском «плавильном котле» - Китай, Индия и Россия. Отмечая их высокую способность адаптироваться, он пишет: «Вопрос об идентификации в этих трёх культурах остро вставал именно в условиях давления чужих культурных стандартов, попыток других культур навязать им эти чужие стандарты». [4, с. 20-21]. В тоже время события 2015 года во Франции – убийство редакции журнала «Шарли Эбдо», опубликовавшего карикатуры на пророка Мухаммеда, показали, что до унификации культур слишком далеко.

Совокупность индикаторов может свидетельствовать о замедлении темпов глобализации, а, возможно, и об остановке второй волны глобализации, в которой мы сейчас находимся.

Формирование национально-государственной идентичности возможно только с учетом существующих неопределенностей:

1. Какой международный порядок формируется – однополярный или многополярный?
2. Как дальше пойдёт процесс глобализации: продолжение сближения или фрагментация мира с усилением региональных объединений?
3. Какие ценности придут на смену существующих: наступает эпоха «постполитической демократии» (И. Крастев) или «посткапитализма» (И. Валлерстайн)?

Важно отметить, что внешнеполитический имидж государства напрямую зависит от внутреннего состояния развития общества. Никакая пропаганда не сможет убедить мир в идее, если в неё не верят собственные граждане. Поэтому, не ставя вопрос о том, какое это коллективное «мы», нужно вначале определить: а есть ли оно?

Поиск национальной идентичности Россией осуществляется уже на протяжении двух десятилетий. Если на первом этапе выбор был сделан в пользу подражания западным демократиям, в особенности США, то через некоторое время стало очевидно, что подобный проект «Россия - демократическая европейская держава», показал свою несостоятельность, как в силу внешнеполитических, так и внутренних причин. В связи с кризисом на Украине

процесс осознания своего места в мире, идентификации себя активизировался. В.С. Комаровский предполагает, что «общероссийская идентичность будет формироваться в первую очередь как локалистская национально-цивилизационная идентичность». «Национально-государственная идентичность характеризуется тремя кластерами общих представлений и убеждений: коллективное «мы», значимые другие (страны друзья-соперники) и историческое прошлое» [3, с. 82].

Россия – многонациональная и мультирелигиозная страна с федеративным устройством. Здесь наряду с общегосударственной идентичностью явно прослеживаются и имеют влияние другие уровни идентичности – региональный, локальный, национальный, религиозный. Такая структура может нести угрозы размежевания, а может выступать консолидирующим компонентом в сложном (и недружественном) мире.

Данные опросов показывают, что в 2014-2015 гг. существенно возросла самоидентификация себя с государством, с гражданами государства – в частности, среди жителей Воронежской области таких 77%, в то время, как тех, кто ассоциирует себя с жителями области – 34%, города – 18%, с национальностью – 13,5%. Это несколько противоречит мнению М. Кастельса, который полагал, что «В мире, где происходят столь неконтролируемые и беспорядочные изменения, люди склонны группироваться вокруг первичных источников идентичности: религиозных, этнических, территориальных, национальных. Религиозный фундаментализм — христианский, исламский, иудаистский, индуистский и даже буддистский — стал, вероятно, самой внушительной силой, обеспечивающей личностную безопасность и коллективную мобилизацию в эти беспокойные годы.» [1]

Попытки стран Запада оказать давление на Россию привело к консолидации общества и росту доверия граждан к государственным и негосударственным институтам - президенту, правительству, СМИ. Особенно показательны данные доверия россиян к СМИ. По данным института Гэллапа 76% российского населения считают российские медиа в освещении событий, например, на Украине довольно надежными. Характерно, что негосударственные медиа полагают заслуживающими доверия всего 30%, а западные — аж 5%. [7] В тоже время в США с 1994 года доверие к телевидению упало с 36% до 22%, а газетам — с 30% до 18% в 2014 году. [1]

Согласно другому опросу, 53% россиян считает мнение о России в мире необъективным и 28% объективным (35% и 42% в феврале 2014 года), по мнению 17% отношение к России улучшается и по мнению 33% — ухудшается (27% и 11% в феврале). (Данные опроса января 2015 г.) [6] В рамках проекта «Россия удивляет» проведено «развенчание» мифов путем иллюстрирования данными опросов и статистики. Уже в 2012г. на вопрос «На какую страну/страны Вы хотели бы видеть похожей Россию?» Большинство респондентов полагают, что в своем историческом развитии Россия не должна быть похожей ни на одну из стран мира – эту точку зрения поддержали 55 % россиян. Среди стран, на

которые может равняться Россия, лидирует Германия – ей отдали предпочтение 12 % россиян. [9] Можно предположить, что в 2015 г. таких людей оказалось бы ещё больше.

В 2015 г. резко снизилось число граждан, которые обеспокоены утратой нравственных ценностей: с 33% в 2013 г. до 14% в 2015 г., что говорит о том, что люди не воспринимают столь критично собственное общество, особенно в сравнении с представлениями о ЕС.

Выбор в пользу цивилизационной идентичности свидетельствует о представлении врагов-друзей: Среди наиболее недружественных стран в 2015 г. отмечают США – 73% (2008 г. – 25%), Украину – 32% (2008- 21%), Евросоюз в целом – 10% (2008г.- 1%) и Германию с аналогичными ЕС показателями. Дружеские страны - Китай – 51% (23%), Белоруссия – 32%(14%), Казахстан – 20% (8%), Германия-2% (17%). [6]

Более сложная проблема с оценкой исторического прошлого.

Как отмечает С.В. Картунов, Россия выступает наследницей как Российской империи, так и СССР. Оба эти проекта, по сути, были разными государствами, с разными культурно-цивилизационными идентичностями. Однако отказаться ни от одного из проектов прошлого, не получится. Сегодня в мире наблюдается острое желание ряда стран переписать итоги Второй мировой войны. Международный порядок, который возник после 1945г. опирался как раз на эти итоги. Попытки пересмотра этих итогов – попытки смены ролей на мировой арене. В том числе постановка вопроса о правомочности существующей структуры Совета Безопасности ООН. Поэтому осознание и включение в формирующуюся идентичность этих двух периодов важно, хотя и сложно. Пожалуй, единственное, что объединяет эти два периода истории – наличие цивилизационной идеи: «Россия – третий Рим» (Дореволюционная Россия), «Пролетарии всех стран соединяйтесь» (СССР). Появившаяся идея «русского мира» тяготеет к таким формулам. Однако, важна не столько оболочка, как наполнение. И здесь ещё много уязвимых мест.

Коллективная память может проявляться не только в рефлексии исторических событий, но и совместном переживании общих бед, тяжёлых испытаний, и как, в противовес негативному опыту – позитивных воспоминаний, гордости за выдающихся земляков и т.д. В настоящее время различные исторические события становятся символами объединения людей.

Гражданская идентичность существует как один из уровней идентичности вообще. Наряду с гражданской, можно говорить о региональной, конфессиональной, национальной и других уровнях идентичности. В период активной либерализации конца 90-х годов в российском обществе начиналось формирование надгосударственной идентичности, когда границы России воспринимались намного шире, чем те, которые реально существуют. Однако, события 2014 г. на Украине («майдан», государственный переворот) способствовали консолидации общества вокруг идеи суверенитета, имеющейся власти, традиционных ценностей и т.д.

Формирование гражданской идентичности во многом является конструируемым проектом, необходимым в изменяющемся социуме. Этот процесс оказывается под влиянием информации о международных событиях. С одной стороны – интеграционные и глобализационные процессы нивелируют различия в социальном и культурном плане, с другой стороны возрастает стремление локальных сообществ к сохранению собственного уклада жизни, особенностей, присущих своему собственному региону. Здесь могут быть противоречия.

Динамизм меняющегося мира делает процесс формирования общегражданской идентичности в России противоречивым. Первая проблема: соотношения глобальной, гражданской и региональной идентичностей. Усиление того или иного уровня может зависеть от способности общества консолидироваться вокруг ценностей, значимых для данного уровня. Это может приводить к конфликту идентичностей. В то же время наличие глобальных и локальных принуждений способствуют поиску оптимального баланса на общегосударственном уровне.

Другим серьезным вызовом формирующейся идентичности выступает международный беспорядок. Стабильное состояние международных отношений предполагает тесное сотрудничество с разными народами, постепенную конвергенцию ценностей. В условиях беспорядка больший упор делается на различиях, что приводит к усилению конфронтационных моментов, непринятие иных ценностей, кроме «своих». В условиях беспорядка может усиливаться архаизация сознания.

Ещё одним серьезным вызовом является тенденция усиления мультикультурности общества, что связано с притоком мигрантов, которые зачастую являются носителями иной культуры и религии.

Идентичность обычно формируется при взаимодействии с «другим», как ответ о самоидентификации группы, поэтому международные отношения, круг союзников и противников, оказывают большое влияние на процесс её формирования. Сегодня перед Россией, как и много лет назад, по-прежнему стоит проблема цивилизационной принадлежности: кто мы? Восток, запад, Евразия?

Библиографический список

1. Быстрицкий А. СМИ в корень. Кто побеждает в информационной войне // Россия в глобальной политике // http://www.globalaffairs.ru/ukraine_crysis/SMI-v-koren-17272. или Журнал "Коммерсантъ Власть" №3 от 26.01.2015, стр. 20 // <http://www.kommersant.ru/doc/2650852>
2. Запад испугался нелиберализма Орбана ("Česká Pozice", Чехия) <http://cont.ws/post/59003>
3. Комаровский В.С. Национально-государственная идентичность России в ракурсе коллективного «мы» / В.С. Комаровский // Вестник ВГУ. Сер. История. Политология. Социология. – 2004. №4.
4. Картунов С.В. Становление национальной идентичности: Какая Россия нужна миру: Учеб.пособие для студ. Вузов / С.В. Картунов. – М.: Аспект Пресс, 2009.
5. Крастев И. Управление недоверием / И. Крастев. – М.: Изд-во «Европа», 2014.
6. Опрос ВЦИОМ – Презентация доклада «Друзья и враги России: время санкций» // http://www.old.wciom.ru/fileadmin/press/friends2015_2.pdf)
7. Подробнее: <http://www.kommersant.ru/doc/2650852>)
8. РИА Новости <http://ria.ru/society/20150116/1042896856.html#ixzz3SQDT7TnR>
9. Россия удивляет // <http://www.russia-review.ru/russiannation.php#uid202>
10. Хаас Р. Разваливающийся миропорядок: Как реагировать на анархию в мире // Россия в глобальной политике, - 17декабря 2014 г. <http://www.globalaffairs.ru/print/number/Razvalivayuschiisya-miroporyadok-17194>

МЕЖДУНАРОДНЫЙ И РЕГИОНАЛЬНЫЙ МАРКЕТИНГ И БРЕНДИНГ: ТАКТИКИ, СТРАТЕГИИ И ПРИНЦИПЫ

А.Г. Цатурян, Е. Мушурова

Международный маркетинг и брендинг: особенности и стратегии продвижения

Авторы анализируют особенности развития маркетинга и брендинга в контексте различных стратегий продвижения. Проанализированы брендинговые стратегии крупнейших международных транснациональных корпораций.

Ключевые слова: брендинг, брендинговые стратегии, корпорации

The authors analyze the features of the development of marketing and branding in the context of various marketing strategies. The branding strategies of the greatest international and transnational corporations are analyzed.

Tags: branding, branding strategy, corporations

Чтобы стать известным, нужно быть оригинальным. Суметь вспомнить забытое старое или изобрести никогда ранее не существовавшее. Каждая из двух тактик выхода на международную арену имела место в истории формирования и развития той или иной компании. Какие интересные нововведения оказались для компаний шагом к известности? Давайте разбираться вместе.

Apple. «На первом логотипе Apple был изображен Исаак Ньютон» [1]. А ведь именно этот ученый физик открыл всеми нами известную силу тяжести. Не имела ли в виду компания, что люди так же потянутся к продукции Apple, как притягиваются все предметы к нашей планете? «Apple была первой компанией, которая представила мышь и трекпад» [1]. Это свидетельство того, что каждая компания, вышедшая на мировой рынок, должна постоянно заниматься разработкой новых товаров в своей отрасли, совершенствовать существующие товары. Первые розничные магазины Apple были открыты в Вирджинии и Калифорнии. Практически все международные компании начинают расширение своего бизнеса за счет соседних территорий [1]. Такой подход можно считать экономически выгодным и менее рискованным. «Macintosh». Это имя в честь любимого сорта яблок новому компьютеру дал сотрудник Apple Джеф Раскин (Jef Raskin), красиво обыграв при этом фруктовую тему компании. При создании узнаваемого бренда и использовании для этого единой марочной стратегии, которая более всего подходит для компаний, ориентированных на мировой рынок, все выпускаемые компанией товары должны соответствовать общему стилю компании [1].

Coca-Cola. Каждая создающаяся компания, ориентирующаяся на международный бизнес, должна понимать, что без ориентации на мирового потребителя ей не выстоять среди жесткой конкуренции. Но сразу пытаться

выходить на мировые стандарты – дело слишком рискованное, имеющее малую долю реализма. Поэтому многие будущие мировые компании искали общественную потребность в своем товаре рядом. Главное – точно уловить особенности потребительских предпочтений [2]. Появиться в кризисный момент и протянуть руку помощи. Компания Coca-Cola зародилась в период, сложный для американцев. Юг страны болезненно переживал поражение в Гражданской войне. Распространилось пьянство, наркомания. В этот период были необходимы радикальные движения «За здоровый образ жизни!». Компания Coca-Cola создала на то время «полезный» напиток, который в отличие от других, так боготворимых американцами спиртных жидкостей, не содержал ни грамма спирта и обладал тонизирующим свойством. «Рабы говорили, что кола похмельную головную боль «как рукой» снимает» [2]. Поначалу Coca-Cola была неприятная на вкус и без газов. Но бывшему фармацевту, создателю Coca-Cola, Джону Ститу Пембертону удалось максимально усовершенствовать вкусовые качества напитка [2].

Упаковка мирового бренда, технологии производства должны быть настолько оригинальными, что лучше, если бы каждый их штрих был запатентован компанией и принадлежал только ей. Настоящая популярность пришла к напитку в 1903 году. «Кока-Кола» незаметно переключилась на новую рецептуру с применением листьев коки, из которых уже экстрагировали кокаин. (Фирма и сейчас продолжает использовать «обезвреженные» листья коки. Их поставляет химическая компания из Нью-Джерси, единственная легальная фабрика по переработке медицинского кокаина в Соединенных Штатах). Знаменательным для Кока-кола стал 1915 год, на рынок напитков поступает в новой бутылке. Дизайнером Терри Оттом из штата Индиана была придумана новая бутылка на 6,5 унций. Чуть позже Coca-Cola получает патент на форму своей бутылки. А через время патентует свой фирменный красный цвет [2].

MacDonalds. Придерживаясь глобальной маркетинговой стратегии, компания, выходящая на международный рынок должна понимать, что «для успешной деятельности на внешних рынках необходимо прилагать более значительные целеустремленные усилия, тщательнее придерживаться принципов и методов маркетинга, чем на внутреннем рынке. Внешние рынки выдвигают высокие требования к товарам, их сервису, рекламе» [4]. Уважая местные обычаи, рестораны «Макдоналдс» в арабских странах предлагают еду в соответствии с исламскими законами приготовления еды, особенно говядины. Кроме того, в ресторанах Саудовской Аравии нет фигур и плакатов с изображением Роналда Макдоналда, т.к. исламская вера запрещает изображать идолов.

«Международный маркетинг выражает масштабность зарубежной деятельности фирмы [4]. Фирма, выпускающая сложный продукт, чаще всего создает филиалы или производственные предприятия на территории той страны, где имеются необходимые природные ресурсы, наиболее подходящие условия для найма рабочих и т.д. а также, если продукт не подлежит длительной

транспортировке, то создание производственных предприятий категорически необходимо. MacDonalds имеет в каждой стране свои филиалы, производственные предприятия, которые позволяют компании производить основной продукт в близи от мест продажи [4].

Kinder Surprise. Использование оригинальной упаковки – это еще не предел воображения настоящих специалистов международного маркетинга. В русском языке есть понятие оксюморон – совмещение несовместимого. Так и многие компании пытаются совместить совершенно различные продукты, делая из них один, имеющий свой оригинальный образ. Часто такие эксперименты заканчиваются провалом. Но иногда компаниям удается завоевать внимание потребителя. Так в свое время поступила всеми узнаваемая сейчас компания Kinder Surprise. 24-летнему итальянцу, Микеле Ферреро, в силу своей молодости удалось вдохнуть в шоколадный бизнес новую жизнь. Молодому экспериментатору даже не пришлось долго ломать голову над своим изобретением. Дело в том, что сама идея сюрприза внутри сладости не нова. Итальянцы традиционно пекли на Пасху для своих детей пирожные в виде яиц, внутри которых клали сюрприз — игрушку или монетку. Так новое изобретение сломало известный стереотип молодых мамочек: «Еда – это не игрушка».

Tefal, Snickers Компании, готовящейся к выходу на международный рынок, следует усвоить правило - лучшее позиционирование товара в одной стране может стать худшим среди жителей другой. Примером могут послужить следующие истории:

Tefal. Компания Tefal в течение долгого времени считала, что основным мотивом к покупке сковород с тефлоновым покрытием является то, что приготовление на этих сковородах не требует расходования ни одного грамма масла. Однако впоследствии выяснилось, что основным стимулом к их покупке послужило то обстоятельство, что сковороды с таким покрытием очень легко моются, потому что пища не пригорает к их поверхности. Содержание рекламной кампании изменили, что значительно повысило ее действенность [3].

Snickers. В России первые шоколадные батончики Сникерс появились в 1992 году и позиционировались, как снэк, заменяющий полноценный обед. Бывший советский потребитель долгое время не мог привыкнуть к тому, что на обед вместо супа можно съесть шоколадку, и покупал Snickers в качестве «сладкого к чаю». После того, как креативным обслуживанием бренда занялось агентство BBDO Moscow, Snickers стали позиционировать себя сладостью для подростков. Ведь подростки в основной своей массе любят все сладкое и не любят суп [3].

Pepsi. «Звёздная» реклама – один из интереснейших приёмов международного маркетинга. Привлечение к рекламированию товара известных политиков, звезд шоу-бизнеса и спорта – дает компании дополнительный бал к конкурентоспособности. Pepsi в России первым прорекламировал Никита Хрущев. В 1959 на Американской Национальной выставке в Москве, в Сокольниках тогдашний вице-президент США Ричард Никсон, умело исполняя

роль хозяина, предложил Никите Хрущеву напиток на пробу. Снимок, на котором советский лидер держит в руках стаканчик с логотипом Pepsi, долго не сходил со страниц газет и рекламных журналов. Тот знаменательный момент в истории бренда считается «Днем рождения» Pepsi в России [3].

Таким образом, мы убедились в том, что существует множество интересных приемов международного маркетинга, применение которых обуславливает выбор той или иной стратегии компании. Выбор в пользу стратегий маркетинга, брендинга или продвижения тех или иных товаров существенным образом влияет на политику корпораций как в сфере формирования их собственных образов, так и в сфере не только сохранения полученных, но и завоевания новых позиций на мировых рынках.

Библиографический список

1. Apple. История создания бренда [Электронный ресурс]. – URL: <http://historybrands.jimdo.com/%D0%B1%D1%80%D0%B5%D0%BD%D0%B4%D1%8B/apple/>
2. Coca-Cola: История создания бренда [Электронный ресурс]. – URL: <http://historybrands.jimdo.com/%D0%B1%D1%80%D0%B5%D0%BD%D0%B4%D1%8B/coca-cola/>
3. Интересные маркетинговые ходы и фишки [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.mobak.ru/useful/lib/interesnyie-marketingovyye-xodyi-i-marketingovyye-fishki.html>
4. Якимов А. Особенности международного маркетинга [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.ibl.ru/konf/130510/63.html>

Альтернативные стратегии регионального брендинга в России

Автор анализирует особенности и направления развития регионального брендинга в России. Особое внимание уделено стратегиям альтернативного брендинга. Показана взаимосвязь экономики и политики в контексте развития и продвижения региональных идентичностей и брендов регионов.

Ключевые слова: региональный брендинг, регионализм, Россия, идентичность

The author analyzes the characteristics and development trends of regional branding in Russia. The particular attention is paid to alternative strategies of branding. The relationship of economics and politics in the context of the development and promotion of regional identities and brands of regions are also analyzed.

Keywords: regional branding, regionalism, Russian, identity

Одной из актуальных задач, которая стоит перед современными регионами Российской Федерации, является переход к качественно новым стратегиям бренд-менеджмента, то есть выработка и продвижение позитивного образа субъекта с целью привлечения инвестиций из федерального центра. На официальном уровне эти стратегии реализуются органами власти и уже получили негативную оценку по причине игнорирования рыночной конъюнктуры и неспособности отойти от казенного патриотизма в сторону новых региональных идентичностей и образов. Бренд-менеджмент российских регионов не ограничивается исключительно официальным уровнем – альтернативные стратегии продвижения позитивного и привлекательного образа регионов активно предлагаются российскими регионалистами с использованием социальных сетей как эффективного механизма коммуникации и взаимодействия гражданского общества. В социальной сети «В Контакте» действует ряд регионалистских групп, усилиями которых предлагаются иные образы регионов, предпринимаются попытки формирования новых региональных идентичностей, а также их продвижения и популяризации.

В настоящей статье анализируются некоторые направления регионального политического брендинга [7] в контексте формирования новых образов российских регионов, а также альтернативные стратегии регионального бренд-маркетинга, которые предлагаются российскими регионалистами. Различия между этими проектами новой русской идентичности и соответственно практикуемыми ими стратегиями регионального брендинга весьма условны, так как все они основаны на отрицании тех практик, которыми в формировании региональной политики и образов регионов руководствуются федеральные власти. Суммируя стратегии, которые практикуются регионалистами при формировании новых региональных образов в региональном бренд-менеджменте, во внимание следует принимать ряд общих особенностей.

Во-первых, общая оппозиционность и неприятие тех стратегий регионального бренд-менеджмента, которыми руководствуются федеральные власти. В частности, московские регионалисты полагают, что Москва как федеральный центр проводит не только неверную региональную политику, но и неправильную политику в сфере демографии, привлекая многочисленных мигрантов из Средней Азии, что самым негативным образом отражается на образе Москвы, содействуя его деформации в общественном сознании других регионов как некой формальной России, но фактически нероссийского и нерусского региона.

Во-вторых, склонность к радикальной ревизии уже сложившихся региональных брендов и стратегий их продвижения. В частности, южнорусские регионалисты настаивают на необходимости полного отказа от советской и российской имперской риторики [5, 6], полагая, что основанные на них региональные образы и бренды в настоящее время не только устарели, но не в состоянии конкурировать с другими брендовыми стратегиями. Поэтому такие категории как «свобода, процветание и европейскость» [12] (то есть фактическая десоветизация, по признанию теоретиков регионализма) и национальная демократия и регионализм противопоставляются концептам стабильности и величия, которыми, по мнению регионалистов, злоупотребляет партия власти.

В-третьих, актуализация успешности альтернативного регионального политического бренда и на этом основании противопоставление Москве как оплоту неосоветских политических институтов и экономических отношений. Подобной стратегией, например, в формировании регионального бренда руководствуются уральские регионалисты, которые подчеркивают, что «Урал – хребет! Урал – держава... Урал – сердце Евразии, ее кузница и кладовая!» [10].

В-четвертых, формирование новых региональных символических брендов – гербов и флагов, которые отличались бы от федеральных или официально признанных региональных символов. Например, сибирские регионалисты продвигают бело-зеленый и / или зелено-белый флаг, уральские – бело-зелено-черный триколор, ингерманландские – сине-белый, бело-синий флаг или красно-синий крест на желтом поле, красно-белый крест на синем поле, красно-голубой крест на белом поле, навеянные явными скандинавскими влияниями [1, 2, 5, 6, 8, 9]. В настоящее время подобные новые альтернативные визуальные бренды имеют пока преимущественно виртуальное распространение, хотя нельзя исключать их появления как на региональных, так и на российском рынке благодаря электронной коммерции, так как часть интернет-магазинов уже предлагает потенциальным покупателям региональные флаги.

«Расширение капиталистической экономики на сферу культуры», как полагает И. Калинин, «давно диагностированный факт» [3]. Поэтому, идентичности, порождаемые национализмом, не столь беспомощны в рыночной экономике, как может показаться на первый взгляд – в случае грамотного продвижения они вполне продаваемы. Региональные идентичности представляют собой далеко незавершенные проекты, которые могут

трансформироваться в гражданские идентичности, связанные с не регионализмом, а более широким и универсальным движением – национализмом [4]. В подобной ситуации В. Штепа [10] подчеркивает, что современный регионализм в России остается преимущественно интеллектуальным проектом. Подобные трансформации могут стать результатом регионального ребрендинга, формирования новых, более успешно продаваемых идентичностей, чем унылые идентичности регионов как подчиненных провинций, которые на современном этапе продвигаются Москвой. Большинство современных как этнических, так и тем более политических / гражданских идентичностей представляют собой искусственно изобретенные проекты и конструкты, появление и развитие которых может быть описано и проанализировано в рамках инвенционистской парадигмы.

Таким образом, официальные стратегии регионального брендинга, с одной стороны, которые продвигаются и проводятся властями как субъектов федерации, так и на федеральном уровне в целом представляют собой ошибочные и тупиковые проекты, основанные на устаревших стратегиях продвижения товара, так и на использовании знаковых образов и символов, унаследованных от уже несуществующих государств. Склонность к подобной политико-экономической некрофилии делает официальный региональный брендинг практически неконкурентоспособным. Альтернативные формы и версии регионального брендинга основаны не только на отторжении официальных тактик в этом направлении, но и на предложении качественно новых образов регионов. Их продвижение на настоящем этапе носит пока исключительно символический характер, а рынок новых идентичностей как регионов, так и сообществ является преимущественно виртуальным пространством, а сами операции, с ними совершаемые, пока не носят экономической направленности, отличаясь ритуально-символическим характером.

Подобные процессы актуализируют, как минимум, два измерения в экономических исследованиях – антропологическое и ритуально-символическое (которые перестают быть уделом исключительно изучения традиционных экономик развивающихся стран), что свидетельствует не только об актуальности изучения затронутой выше проблематики, но и важности ее дальнейшего изучения в рамках пока новой для российской экономической науки субдисциплины – политической экономики национализмов и идентичностей.

Библиографический список

1. За Московскую Республику [Электронный ресурс]. – URL: <http://vk.com/public56367317>
2. Ингерманландия [Электронный ресурс]. – URL: <http://vk.com/inkerinmaa>
3. Калинин И. Прошлое как ограниченный ресурс: историческая политика и экономика ренты / И. Калинин // Неприкосновенный запас. – 2013. – № 2 (88) [Электронный ресурс]. – URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2013/2/k18.html>
4. Кирчанов М.В. От политической экономии национализма к конструированию политической экономии регионализации: проблемы актуализации национального государства, национализма и регионализма в условиях мировой рецессии / М.В. Кирчанов // Проблемы социально-экономического развития национальных государств и регионов в условиях мировой рецессии / ред. А.И. Удовиченко, Д.Г. Ломсадзе, М.В. Кирчанов. – Воронеж, 2013. – С. 160 – 186.
5. Новгородская Республика [Электронный ресурс]. – URL: <http://vk.com/club22262315>
6. Республика Залеская Русь [Электронный ресурс]. – URL: http://vk.com/zalesskaya_rus
7. Родькин П. Территориальный брендинг – новая прагматическая идентичность / П. Родькин [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.prdesign.ru/author/lections/terrabrandlection.html>
8. Свободная Руссландия [Электронный ресурс]. – URL: <http://vk.com/club40932273>
9. Свободная Сибирская Республика [Электронный ресурс]. – URL: <http://vk.com/club38921505>
10. Федеративная Республика Большой Урал [Электронный ресурс]. – URL: <http://vk.com/club1123647>
11. Штепа В. Четыре границы российского регионализма / В. Штепа [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.apn-spb.ru/publications/article4875.htm>
12. DNO: Южный филиал [Электронный ресурс]. – URL: http://vk.com/dno_southern

Создание международного бренда

Авторы анализируют особенности развития международного маркетинга и брендинга в контексте различных стратегий продвижения. Проанализированы брендинговые стратегии крупнейших международных транснациональных корпораций и особенности потребительского поведения.

Ключевые слова: международный брендинг, брендинговые стратегии, корпорации, поведение потребителей

The authors analyze the development features of international marketing and branding in the context of various marketing strategies. The branding strategies of transnational corporations and different models of consumer behavior are analyzed in the article.

Keywords: international branding, branding strategies, corporations, consumer behavior

Мы живем в эпоху глобализации мировой экономики. Каждый день наблюдаем за тем, как мир медленно, но верно превращается в единую экономическую систему: разрушаются границы между государствами, формируется общий рынок сбыта, ужесточается конкуренция и стремительно увеличиваются доходы лидеров индустрии. Выход на мировую арену постепенно превратился в обязательную составляющую стратегии развития каждого крупного предприятия. Стали пересматриваться традиционные подходы к маркетингу. Изменились принципы ведения бизнеса. Коммерческие организации все больше начали задумываться о поиске новых способов поддержания и увеличения своей конкурентоспособности теперь уже на международном рынке... и одним из таких способов стало создание международного бренда, узнаваемого в каждом уголке мира.

Если сорок лет назад в мире существовала лишь горстка реальных «глобальных брендов», к которым относились лишь крупнейшие корпорации, такие как Coca-Cola, PepsiCo, Colgate-Palmolive, IBM, Shell, то затем на небосклоне стали появляться новые звезды, например, Nike, Microsoft, Apple и Honda, популярность которых значительно превысила масштаб их продаж. Любой бренд, который продается как минимум в двух разных странах, может быть назван международным. Однако у компаний, которые ищут подходящую стратегию брендинга для выхода на международный уровень, существует для этого несколько вариантов.

Прежде всего, они могут использовать стратегию международного бренда. Компании, которые действуют на международных рынках, не осуществляя широкой адаптации своих рыночных предложений, брендов и маркетинговых мероприятий к различным местным условиям, используют стратегию международного бренда. Такая стратегия подходит компаниям, чьи бренды и товары являются действительно уникальными и не встречают какой-либо серьезной конкуренции на иностранных рынках, как это происходит в случае Microsoft. Эти компании обладают ценной компетенцией, которую сложно имитировать.

Возможно применение стратегии глобального бренда. Эта стратегия характеризуется сильной ориентацией на повышение прибыльности за счет снижения расходов на основе стандартизации, эффекта кривой роста общей производительности и локальной экономии. Компании, которые используют глобальную стратегию, не адаптируют свою концепцию брендинга к возможным национальным различиям и используют одно и то же имя бренда, логотип и слоган во всем мире, как делала в начале своей деятельности компания Intel. Рыночное предложение, позиционирование бренда и коммуникации также идентичны на всех рынках.

Стратегия же транснационального бренда предполагает, что компании, разрабатывают индивидуальные концепции брендинга для всех иностранных рынков, на которых работают. Не только бренд, но и рыночное предложение, и маркетинговые мероприятия специально адаптируются к местным условиям. Тем не менее, корпоративная концепция бренда остается видимой и действует в качестве основы, направляющей местную адаптацию в пределах своих границ. При этом компания может позиционировать свой бренд по-разному и использовать адаптированные ценовые и товарные политики. Примером транснациональной рекламной кампании может служить стандартизированная реклама с участием национальных знаменитостей. Транснациональная стратегия предназначена для того, чтобы наилучшим образом удовлетворять национальные потребности. Негативными моментами в данном случае являются высокие капиталовложения, необходимые для соответствия названным требованиям, а также отсутствие преимуществ стандартизации.

Существует также стратегия многонационального бренда. Данная стратегия характеризуется всесторонней и полной адаптацией брендов, рыночных предложений и маркетинговых мероприятий. Она нацелена на различные внутренние рынки — нации или регионы [4]. Задача создания уникального бренда и поддержания его узнаваемости становится крайне актуальной. Процесс создания бренда напрямую связан с тем, как покупатели оценивают предприятие и его товары. «Воспринимайте бренд как репутацию, — говорит Пол Уильямс, основатель международной маркетинговой компании Idea Sandbox, занимающейся имиджевыми вопросами. — Для создания позитивного образа предприятия на любом новом рынке, в том числе и зарубежном, необходимо сформировать позитивное первое впечатление клиентов» [5]. Создавать репутацию компании можно различными способами, в том числе с помощью рекламы, каналов масс-медиа, «сарафанного радио» и продвижения товаров и услуг. Процесс формирования бренда включает в себя множество элементов, в том числе разработку названий товаров, дизайна логотипов и унификацию сервиса. Бренд (или репутация) компании формируется на протяжении длительного времени как существующими, так и потенциальными клиентами.

«На торговую марку покупатель обращает внимание в первую очередь, поскольку она позволяет ему сформировать ожидания качества приобретаемых

товаров или оказываемых услуг и оценить возможную выгоду», — говорит Хайес Рот, глава отдела маркетинга компании Landor Associates, занимающейся продвижением брендов и консультированием по дизайну, которая сотрудничала с такими гигантами как BP, Panasonic и KFC. — Основная причина того, что предприятия несут временные и денежные затраты на повышение узнаваемости бренда, заключается в возможности получать премию, закладываемую в цену товаров или услуг. Покупатели готовы платить больше за торговую марку, если она обладает репутацией компании-лидера, которой можно доверять. К примеру, Apple может продавать свои компьютеры по ценам, большим, чем у конкурентов, поскольку эти ПК известны своим инновационным дизайном и качеством сборки. То же самое можно сказать об автомобилях Mercedes или BMW» [3].

По мнению Пола Станфорда, соучредителя Design Studio, занимавшегося созданием нового логотипа для компании Airbnb, существенную роль в продвижении бренда на современный рынок играет создание его имиджа. Отправляясь покорять международный олимп, жизненно важно подобрать правильный образ для компании, близкий и понятный ее целевой аудитории — способный преодолеть существующие культурные, территориальные и языковые различия и в тоже время подчеркивающий ее индивидуальность [1, 4]. Тщательно продуманный и правильно построенный имидж — Святой Грааль для маркетологов: он требует много временных и энергетических затрат, но дает огромные преимущества и высокие результаты.

Так, какими же принципами должен руководствоваться бренд, выходя на мировой уровень? Это, прежде всего, хорошая история компании, символика компании, а также сотрудничество и сотворчество с потребителями. Основой создания привлекательного имиджа всегда была и остается хорошая история. С незапамятных времен сторителлинг являлся способом передачи идеи и возрождения веры в человеке, позволял пробудить в людях интерес и давал возможность объединить их. Для хорошей истории важны две вещи: ее идея и манера подачи. Потребители должны понимать, для чего они покупают продукцию той или иной компании и верить, что не зря тратят на нее свое время и деньги. Сама история должна быть максимально эмоциональной и убедительной и позволять людям составить общее представление о компании.

Возможно, именно поэтому выход на мировой рынок для многих предприятий не ограничивается просто внесением изменений в графическое оформление их торговой марки и брендинг. Иногда им приходится пересматривать саму идею, полностью или частично менять сюжет своей истории. Безусловно, это очень ресурсоемкий процесс. Однако, доказано: компания может легко преодолеть любые барьеры — территориальные, культурные, религиозные — если потребители доверяют ее продукции, если она способна объединит их. Широко известные торговые марки, такие как Nike, Coca-Cola и Burberry добились высоких результатов на мировом рынке именно благодаря тому, что смогли донести до покупателей свою историю и традиции с учетом культурные и языковые особенности каждого региона.

В процессе создания истории крайне важно тщательно изучить работу предприятия изнутри: получить точное представление о ее целях, традициях, культуре. Это дает возможность правильно расставить акценты: подчеркнуть основные культурные отличия и сходства между брендом и ее целевой аудиторией. Если говорить о реальных примерах, то, работая над новым логотипом для компании Airbnb, команда Пола Станфорда провела полный аудит предприятия, разбросанного по 13 городам и 4 континентам. Было опрошено более 120 человек из центральных офисов фирмы. И в конечном итоге это позволило точно понять и прочувствовать отношение потребителей к данной торговой марки, дало возможность создать потрясающую историю, способную донести до покупателей основные цели, ценности и традиции компании, вызывая при этом в них чувство привязанности и сопричастности к бренду [3; 4].

Любая деятельность человека регулируется определенным набором конвенций, культурных традиций, а также лингвистических и географических особенностей того или иного региона. Потребители оценивают торговую марку компании по такому же принципу. Возьмем простой пример — большой палец, поднятый вверх. Западный человек воспримет его, как знак, что все отлично или как способ поймать машину на дороге. Однако на Ближнем Востоке этот жест считается большим оскорблением. Цветовая гамма и шрифт воспринимаются таким же образом. Поэтому важно с самого начала проводить тщательный семиотический и семантический анализ торговой марки и четко представлять себе, какой резонанс она получит на мировом рынке с учетом языковых и культурных особенностей различных регионов. Возьмем, к примеру, крупнейшие мировые бренды Nike и Apple. В свое время им пришлось адаптировать свои торговые знаки под мировые стандарты. Взамен они получили возможность создать универсальную марку и приобрели международный статус.

Хотя символика воспринимается и интерпретируется каждым человеком по-своему. Благодаря ей, крупные бренды всегда можно легко различить среди миллиона терабит аналогичной информации. Узнаваемая символика — это идея, гарантия и знак принадлежности к определенному кругу людей. Стоит отметить, что сегодня в условиях стремительного расширения границ принадлежность к определенной культуре играет не менее значимую роль, чем универсальность. Поэтому компаниям следует с особой осторожностью подходить к вопросам внесения изменений в свой имидж. Важно тщательно продумывать и просчитывать свои действия в данном направлении. Возможно, в некоторых случаях они будут способствовать обратному эффекту. Нет лучше способа приобщить покупателя к бренду, чем привлечь его к процессу разработки или производства своих товаров и услуг. Хорошим примером в этом плане является компания Airbnb. Она подарила потребителям возможность обновлять и персонализировать каждую свою новую продукцию — создавать нечто уникальное и особенное: то, что воплощает в себе их представление о компании.

В процессе формирования бренда одно негативное впечатление клиента, как правило, значит больше, чем позитивное. «Недовольство может дать отдачу в стократном размере», — уверен Рот. — «Необходимо постоянно следить за этим» [3]. «Помните, что бренд — это обещание. Вы даете его в тот момент, когда клиент совершает покупку, и вам необходимо добиться удовлетворения покупателя от приобретенного товара или полученной услуги». Необходимо быть уверенным, что впечатления клиентов от ваших товаров, компании и персонала позитивные. Это сводится к тому, насколько эффективно действует служба доставки, выполняется контроль качества, как происходит реализация услуг и как ведет себя персонал. «Чем больше становится ваша компания, тем в меньшей степени вы являетесь просто дистрибьютором своего товара», — считает Рот. — «Теперь вы возглавляете организацию» [4].

Современные крупные корпорации привыкли жестко контролировать все, что имеет отношение к их товарной марке. Они вложили в ее создание огромное количество ресурсов и теперь не готовы идти на уступки. Однако есть существенные доводы, почему стоит пересмотреть данный подход. Компания Airbnb позволила своим потребителям стать мини-предпринимателями, получить в дальнейшем собственные визитные карточки и брендовые товары, но при этом она все также продолжает позиционировать себя на рынке, как Airbnb [5].

Вместе с этим, разрешив покупателям вносить изменения, она создала невидимую эмоциональную связь между ними и своим брендом, сформировала у целевой аудитории положительный опыт обращения со своей продукцией. Теперь потребители будут помнить не только название ее торговой марки — каждый раз воспоминания о ней будут вызывать у них целый спектр ярких эмоций и ощущений. А это в свою очередь будет способствовать росту продаж и увеличению популярности бренда.

Библиографический список

1. Глобальный бренд: понятие, виды, особенности продвижения на международном рынке [Электронный ресурс]. — URL: <http://internet-advance.ru/mezhdunarodnaya-reklama/106-globalniy-brend.html>
2. Горшев И.В. Особенности создания и продвижения бренда на мировом рынке [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.m-economy.ru/art.php?nArtId=4567>
3. Как создать международный бренд [Электронный ресурс]. — URL: <http://foodmarkets.ru/articles/topic/6>
4. Котлер Ф., Пфферч В. Аспекты брендинга в B2B-секторе [Электронный ресурс]. — URL: http://www.marketing.spb.ru/lib-comm/brand/branding_b2b.htm
5. Шаховская А. 3 шага к созданию международного бренда [Электронный ресурс]. — URL: <http://rusability.ru/internet-marketing/3-shaga-k-sozdaniyu-mezhdunarodnogo-brenda/>

НАЦИИ, НАЦИОНАЛИЗМЫ И ИДЕНТИЧНОСТИ: ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ И СОВРЕМЕННОСТЬ

А.В. Погорельский

Дискуссии о причинах распада СССР в современной американской историографии

Данная статья посвящена анализу причин распада СССР в работах американских историков и политологов. Автор статьи приходит к выводу, что, несмотря на прошедшие с момента распада СССР два с лишним десятилетия, в научном сообществе Соединенных Штатов Америки так и не выработалось консенсуса относительно объяснения причин этого важнейшего события современной истории.

Ключевые слова: историография, научное сообщество, распад СССР, холодная война, социалистическая система.

This article analyzes the causes of the collapse of the Soviet Union in the publications of American historians and political scientists. The author concludes that, despite the past since the collapse of the Soviet Union two decades, the scientific community of the United States did not reach a consensus regarding the explanation of this important event in modern history.

Keywords: historiography, the scientific community, the collapse of the Soviet Union, the Cold War, the socialist system.

Уже более двадцати лет прошло с момента распада СССР, важнейшего события всемирной истории конца XX века. Несмотря на прошедшие годы, среди историков, политологов и действующих политиков не утихают споры о том, какие починны привели к этому эпохальному событию. Для одних распад Советского Союза представляется триумфом Западных демократических ценностей и рыночной экономики, а для других «величайшей геополитической катастрофой XX века». Особое внимание анализу причин распада СССР уделяется в американской историографии, так как Соединенные Штаты уверены, что именно они являются победителями в «холодной войне» и их политика сдерживания коммунизма в итоге привела к краху Советского Союза и всей социалистической системы.

Сразу после распада СССР в 1991 году американские историки и политологи, словно находясь в замешательстве от произошедшего события, ограничивались лишь публикацией отдельных газетных статей, посвященных этому событию. Но уже через несколько лет, объем публикаций, посвященных распаду СССР, значительно вырос. Американские ученые и политики в своих публицистических и научных трудах предприняли попытку дать ответ на вопрос - почему так быстро исчезла вторая сверхдержава, что подкосило ее внутреннюю силу и обрекло на распад? Постепенно в американской историографии сложилось несколько подходов к данной проблеме.

Перенапряжение в гонке вооружений. Президенты Р.Рейган и Дж.Буш являются вдохновителями той школы в американской историографии,

представители которой видят причину развала СССР в его неспособности быть на равных с США в гонке стратегических вооружений. Они заявляют, что СССР не мог более расходовать на военные нужды 40% своих исследовательских работ и до 28% внутреннего валового продукта. Равно как и размещать наравне с американцами ракеты средней дальности в Европе.

Когда Р. Рейгана спросили, о важнейшем достижении его президентства, он ответил: «Я выиграл холодную войну». Во время президентских дебатов 1992г. Дж. Буш утверждал, что «мы не согласились с мнением группы лиц, требовавших замораживания ядерной гонки. Президент Рейган сказал этой группе нет, мира можно добиться только за счет увеличения нашей мощи. И это сработало». В результате, не увидев позитивных перспектив в соперничестве с непревзойденной экономической и военной машиной США, «советским лидерам ничего не оставалось, кроме как отвергнуть коммунизм и согласиться на распад империи» [8].

Президент Дж. Буш, объясняя крушение Советского Союза, постоянно высказывал мысль о том, что «советский коммунизм не смог соревноваться на равных с системой свободного предпринимательства. Его правителям было губительно рассказывать своему народу правду о нас. Неверно говорить, что Советский Союз проиграл холодную войну, правильнее будет сказать, что западные демократии выиграли ее» [15]. О решающем значении гонки вооружений писал министр обороны К.Уайнбергер: «Наша воля расходовать больше и укреплять арсенал вооружений произвела необходимое впечатление на умы советских лидеров. Борьба за мир достигла своего результата» [16].

Бывший министр обороны и глава ЦРУ Дж. Шлесинджер назвал окончание холодной войны «моментом триумфа Соединенных Штатов - триумфа предвидения, национальной решимости и твердости, проявленных на протяжении 40 лет» [11; 12]. Видный республиканец, член сенатского комитета по международным делам - сенатор Р. Лугар также был уверен в правильности данной точки зрения. Он пишет: «Рональд Рейган выступил за увеличение военных ассигнований и за расширение военных исследований, включая Стратегическую оборонную инициативу. Эти программы оказались основой достижения Рейганом поразительных внешнеполитических целей, таких как откат коммунизма советского образца, переговоры об уничтожении ракет среднего радиуса действия в Европе и сокрушение берлинской стены. Достижение целей Рейгана продемонстрировало неопровержимую мудрость его политики» [7].

Согласно анализу известного американского политолога З. Бжезинского, Советский Союз стал поддаваться, когда США резко восстали против размещения ракет среднего радиуса действия СС-20, противопоставив Советскому Союзу свою программу размещения «Першингов-2». «Массивное американское военное строительство в начале 1980-х плюс выдвижение Стратегической оборонной инициативы шокировали Советы и привели к напряжению их ресурсы». В Кремле, считает Бжезинский, знали, что в середине

десятилетия СССР будет уже неспособен выдержать соревнование. Именно поэтому, пришедший к власти в 1985г. М.С. Горбачев «с величайшим желанием ухватился за оливковую ветвь, протянутую ему администрацией Рейгана, в надежде ослабить давление гонки вооружений» [1].

Такое объяснение крушения СССР немедленно встретило контраргументы. Сами же американские исследователи отмечают, что выход советских войск из Афганистана и Восточной Европы был осуществлен значительно позже пика усилий администрации Р. Рейгана в области военного строительства (пришедшихся на 1981 - 1984 гг.). Критики «триумфалистского подхода» указывают на неубедительность тезиса о «переутомлении Советского Союза», напоминая о том, что в 80-е годы СССР был гораздо сильнее, чем в 50-е или 60-е годы. Никто ведь так и не смог доказать, связь между рейгановским военным строительством и коллапсом советской системы.

По мнению американского исследователя Э. Картера, не существует прямых доказательств, что именно действия американской администрации подвигли Советский Союз на радикальные перемены. М. Мандельбаум прямо говорит, что главная заслуга президентов Рейгана и Буша в грандиозных переменах 1989г. заключалась в том, что «они спокойно оставались в стороне». Еще в 1983г. американский историк Р. Пайпс утверждал, что «ни один ответственный политик не может питать иллюзий относительно того, что Запад обладает возможностями изменить советскую систему или поставить советскую экономику на колени» [2].

Сегодня становится очевидным тот факт, что сторонники жесткой линии в США были попросту ошеломлены окончанием холодной войны именно потому, что крах коммунистической системы и распад Советского Союза имели, очевидно, меньшее отношение к американской политике сдерживания Советского Союза, чем внутренние процессы в СССР. Как писали Д. Дедни и Дж Икенбери, «направление, полагающее, что победу одержал Рейган, представляет собой замечательный пример упрощенчества. Повышение советских расходов на оборону никак не объясняет окончания холодной войны и изменения общего направления советской политики» [3].

Пробелы в доказательствах эффекта американского военного строительства на Советский Союз привели к тому, что вскоре в фокус внимания американских исследователей распада СССР стали попадать и другие факторы.

Советская система была порочна изначально. Коммунизм погиб из-за внутренних, органически присущих ему противоречий. Как утверждает Ч. Фейрбенкс, «сама природа зверя» содержала в себе внутреннюю слабость, проявившую себя в момент напряжения. Той же точки зрения в целом придерживается Зб. Бжезинский, написавший немало работ об искажающем действительность характере коммунистической идеологии, ее неспособности дать верное направление общественного и экономического развития. Выдающийся американский историк А. Шлесинджер придерживается схожей точки зрения: «Учитывая внутреннюю непрактичность. Советская империя была

в конечном счете обречена при любом развитии событий» [11; 12]. Сторонники этой точки зрения опровергают тезис о военно-экономическом «перегреве» СССР как наивный и не подкрепленный фактами. Они твердо убеждены, что «Советский Союз проиграл холодную войну в гораздо большей степени потому, что его политическая система оказалась порочной, чем вследствие американского сдерживания его мощи» [13].

Сторонников этой точки зрения объединяет общий вывод о том, что система либеральной рыночной экономики показала свое превосходство над плановой системой хозяйства. Не только Кремлевские вожди, но и широкие массы советских людей пришли к выводу, что коммунизм не может быть успешным соперником поставившего себе на службу современную науку капитализма. Известный американский политолог Ф.Фукуяма определил триумф рыночной экономики так: «Решающий кризис коммунизма начался тогда, когда китайское руководство признало свое отставание от остальной Азии и увидело, что централизованное социалистическое планирование обрекает Китай на отсталость и нищету» [4].

Смысл подобных интерпретаций - в утверждении, что коммунистическая система была нежизнеспособна изначально и требовалось лишь время, чтобы она рухнула. Неадекватность коммунизма экономическим реалиям конца XX века явилась основной причиной крушения Советского Союза.

СССР погубила внутренняя эволюция. Третья точка зрения на причины развала Советского Союза исходит из примата внутренних политических процессов в СССР. Приверженцы этой интерпретации придают первостепенное значение распространению либеральных идей, привлекательных идеологических концепций, они подчеркивают воздействие либерального западного мировоззрения на замкнувшееся в самоизоляции советское общество.

В фокус анализа исследователей данного направления попадают произошедшие в СССР и восточноевропейских странах перемены - такие, как возникновение среднего класса, формирование либерального подхода к экономике, культуре, идеологии. Критически важными являются те либеральные идеи, которые получили массовую поддержку. «Решающим оказалось моральное переосмысление семидесяти с лишним лет социалистического эксперимента, потрясшее нацию, а вовсе не «Звездные войны» Рональда Рейгана. Сказался поток публикаций о правах человека в Советском Союзе, об искажениях моральных и этических принципов, которые дискредитировали систему, особенно когда эти публикации вошли в повседневную жизнь граждан посредством органов массовой информации. Именно это сфокусировало движение за перемены и побудило население голосовать против морально коррумпированной прежней элиты» [6].

Развитие многосторонних международных контактов - вот что создало базу для формирования в СССР слоя, заинтересованного в улучшении отношений с Западом. Растущее чувство бессмысленности холодной войны подорвало СССР

сильнее, чем любые ракеты. Отсюда следует вывод, что именно внутреннее неудовлетворение играло главную роль в приходе советского лидера к убеждению идти на те меры, которые уменьшили военную мощь его страны больше, чем мощь Соединенных Штатов Америки.

Роль личности в советской истории. Четвертая точка зрения на распад СССР строится на решающей роли лидеров в историческом процессе. «На протяжении менее семи лет Михаил Горбачев трансформировал мир. Он все перевернул в собственной стране. Он поверг советскую империю в Восточной Европе одной лишь силой своей воли. Он окончил холодную войну, которая доминировала в международной политике и поглощала богатства наций в течение столетия» [5]. Эту точку зрения высказывают такие видные американские политики, как госсекретарь Дж. Бейкер: «Окончание холодной войны стало возможным благодаря одному человеку - Михаилу Горбачеву. Происходящие ныне перемены не начались бы, если бы не он» [10].

Посол в СССР Дж. Мэтлок писал: «Если мы желаем воздать должное одному человеку, сокрушившему коммунистическое господство в Советском Союзе, то это будет Михаил Горбачев» [9]. Холодная война не завершилась бы без Горбачева, - пишет Дж. Турпин. - Он ввел перестройку, которая включала в себя свободу словесного выражения, политическую реформу и экономические изменения. Он отказался от «доктрины Брежнева», позволив странам Варшавского Пакта обрести независимость. Он отверг марксизм-ленинизм. Самое главное, он остановил гонку вооружений и ядерное противостояние» [14].

Представители этой точки зрения сходятся в том, что Горбачев был «подлинным реформатором, но не революционером - лидером, который знал, что СССР нуждается в серьезных переменах, но который продолжал верить, что все можно сделать в пределах социализма» [10].

В работах американских историков и политологов можно выделить три подхода к оценке места и роли М. Горбачева в истории:

1) Горбачев проходная фигура русской истории, не представляющая собой настоящего реформатора. Он инициировал некоторые перемены с целью укрепить свою личную власть, а это невольно повело к реформам, которые оказались за пределами деятельности Горбачева.

2) Горбачев начал проводить реформы, но быстро сбился с пути. Перемены оказались такого масштаба, что Горбачев не смог понять даже их смысла, не говоря уже о том, чтобы контролировать их. В конечном счете он стал жертвой реформ, которые сам начал.

3) Горбачев был подлинным реформатором, но ему пришлось столкнуться с противодействием руководства коммунистической партии, которая противилась новациям, и это стало грозить его отстранением от власти, если бы он продолжал прямолинейное движение. Это привело его к тактическим компромиссам, в ходе которых он пытался избавиться от контроля КПСС. Его понимание реформ становилось все более радикальным и, будь ему дано еще несколько месяцев, он преуспел бы в отстранении от власти Коммунистической

партии и основал бы государство, базирующееся на господстве закона, сохранил бы конфедеративный союз из основного числа советских республик [9].

Комбинация факторов. Среди американских исследователей велико число тех, кто отказывается объяснять проблему распада СССР исходя из одного фактора. Осторожные и вдумчивые авторы говорят об их сочетании, которое и привело к известному результату. Американский историк П. Кеннеди выделяет три следующих фактора:

- 1) кризис легитимности советской системы;
- 2) кризис экономической системы и социальных структур;
- 3) кризис этнических и межкультурных отношений.

Дж. Браун находит уже шесть факторов:

- 1) сорок лет замедления развития;
- 2) нелегитимность коммунизма;
- 3) потеря советской элитой убежденности в своей способности управлять страной;
- 4) нежелание этой элиты укреплять свою роль;
- 5) улучшение взаимоотношений Востока и Запада;
- 6) инициативы Горбачева.

Таким образом, проанализировав различные подходы к проблеме распада СССР, утвердившиеся в американской историографии, можно прийти к выводу о том, что, несмотря на прошедшие с этого события два десятилетия, в научном сообществе Соединенных Штатов Америки так и не выработалось консенсуса относительно объяснения причин тектонического сдвига в мировой политике, которым бесспорно стал распад второй сверхдержавы.

Библиографический список

1. Brzezinski Zb. The Cold War and Aftermath / Zb. Brzezinski // Foreign Policy, № 4, 1992.
2. Barnett L. Gambling with History: Ronald Reagan in the White House / L. Barnett. N.Y., 1983.
3. Deudney D., Ikenberry J. Who Won the Cold War? / D. Deudney, J. Ikenberry // International Affairs, № 2, 1989.
4. Fukuyama F. The End of History and the Last Man / F. Fukuyama. N.Y., 1992.
5. Kegley Ch. Controversies in International Relations Theory: Realism and the Neoliberal Challenge / Ch. Kegley. N.Y., 1995.
6. Kaiser R. Why Gorbachev Happened: His Triumphs, His Failure and His Fail / R. Kaiser. N.Y. 1992.
7. Lugar R. The Republican Course / R. Lugar // Foreign Policy, № 86, 1992.
8. Melloan G. Military Cutbacks Will Grimp US Foreign Policy / G. Melloan // Wall Street Journal, January 25, 1993, №7.
9. Matlock J. Autopsy of an Empire. The American Ambassador's Account of the Collapse of the Soviet Union / J. Matlock. N.Y.: Random House, 1995.
10. Oberdorfer D. Initiation of Change, Gorbachev among Century's Greatest / D. Oberdorfer // Washington Post, December 26, 1991.

11. Schlesinger J. New Instabilities, New Priorities / J. Schlesinger // Foreign Policy, 1991/1992.
12. Schlesinger A. Who Really Won the Cold War / A. Schlesinger // The Wall Street Journal, №9, 1992.
13. Summy R., Salla M. Why the Cold War Ended / R. Summy, M. Salla. Westport, 1995.
14. Turpin J. Gorbachev, the Peace Movement and the Death of Lenin / J. Turpin . Why the Cold War Ended. 1995.
15. "Vital Speeches of the day", 1993, №7.
16. Weinberger C. Fighting for Peace / C. Weinberger. N.Y., 1990.

**Арийские предки, демократические традиции и ислам:
проблемы написания «синтетической» национальной истории
в Исламской Республике Иран**

Национализм в современном мире относится к числу влиятельных идеологий. Роль национализма не ограничивается только сферой публичной политики. Национализм влияет на развитие гуманитарного знания, включая историю. Национальные истории пишутся, воображаются и конструируются под мощным влиянием национализма. Национализм влияет на формы и методы написания национальной истории в современном Иране. Иранские историки, конструируя национальные версии истории, стремятся соединить принципы политического национализма с романтической этнической мифологией.

Ключевые слова: Иран, история, национализм, историческое воображение

The nationalism in the modern world belong to the number of the most influential ideologies. The role of nationalism is not limited to public policy. Nationalism influence on development of the Humanities, including history. National histories are written, imagined and constructed under the powerful influence of nationalism. Nationalism affects the forms and methods of national history writing in modern Iran. Iranian historians, constructing national version of history, seek to articulate the principles of political nationalism and ethnic romantic mythology.

Keywords: Iran, history, nationalism, historical imagination

Каждая группа испытывает потребность в легитимации самого факта своего существования. Подобные потребности особенно остро стоят перед большими сообществами, которые обладают развитыми политическими институтами, в первую очередь – государством. Формы легитимации самого факта существования в таких сообществах характеризуется значительным разнообразием. Важным и, вместе с тем, универсальным фактором легитимации является национализм, который, как известно, имеет не самые простые отношения с исторической наукой [23 – 24]. Национализм через своих идеологов и теоретиков наделяет нацию необходимыми политическими, гражданскими, культурными и иными добродетелями, делая, тем самым, легитимным сам факт ее существования. Среди этих воображаемых добродетелей и одновременно атрибутов нации является обладание собственной историей [15 – 20].

Этот факт националистами был осознан относительно поздно, хотя и само явление нации принадлежит к числу относительно новых политических и гражданских феноменов, появление которых было связано с революционными процессами, имевшими место в Европе в конце XVIII – в XIX веке. Если рассматривать современные европейские нации в качестве современных конструкторов, созданных в воображении националистически ориентированных интеллектуалов, то и истории [25; 26; 29], которые мы знаем (точнее – думаем, что знаем) представляют собой такие же воображаемые интеллектуальные конструкции. В рамках подобного восприятия феномена национализма именно

национализм создает нации, наделяя их всеми им необходимыми политическими атрибутами и добродетелями, которые формируют то, что нам известно как «национальная идентичность».

При этом в становлении идентичности того или иного сообщества, которое имеет амбиции быть не только консолидированной группой, но и нацией, особую роль играет фактор обладания написанной национальной историей [32; 37; 44; 45]. На протяжении XIX и XX века националисты неоднократно стремились написать национально выверенные или этнизированные версии истории [1; 2; 3]. Применение истории не ограничивается изучением только прошлого: история может стать, в зависимости от ситуации, важным политическим фактором. Кроме этого, восприятие истории может стать причиной мобилизации, легитимации, политизации национальной идентичности. Общественное конструирование исторических восприятий и идентичностей в современных обществах становится неизбежным, а само формирование идентичности протекает в рамках интерпретации исторических событий [28]. В подобной ситуации интеллектуальная взаимосвязь и взаимозависимость между национализмом и историей стала едва ли не общим местом, что констатируется многочисленными исследователями [10; 11; 12; 13].

Версия истории, о которой речь шла выше, характеризуется одним существенным недостатком – она в наибольшей степени применима к истории Европы, Латинской и Северной Америки и России уже в силу того, что она сформировалась благодаря коллективным усилиями западных интеллектуалов, хотя не следует исключать того, что подобные процессы имели место и за пределами западного мира, а сама связь истории с национализмом имеет универсальный характер [14; 15]. Признав подобную территориальную ограниченность кратко описанного выше методологического подхода, естественным будет вопрос относительно возможности использования этой теории в отношении истории если не восточных, то, как минимум, географически неевропейских государств.

В качестве объекта изучения в настоящей статье ограничимся Ираном – странной географически неевропейской, но, вместе с тем, и отличной от своего арабского и тюркского окружения. При этом во внимание следует принимать и то, что попытки проанализировать роль истории в развитии восточных национализмов имели место [8, 22], но большинство из них не было связано с иранской проблематикой, хотя имели попытки проанализировать культурно близкую таджикскую тематику [4]. Иран в массовом сознании среднего россиянина / европейца ассоциируется нередко с существующим в стране исламским режимом, в то время как другие исторические особенности региона остаются неизвестными.

Между тем, Иран на протяжении истории имел немало общего с тем, что в сознании современного европейца известно как Запад или Европа. В древности Иран (Персия) был важным актором европейской истории. В период Средневековья в регионе развивалась социальная и экономическая система,

имеющая параллели с западным феодализмом. Кроме этого, не следует забывать и о том, что современные европейцы и иранцы говорят на родственных языках, которые принадлежат к одной, индоевропейской, семье: отдаленные предки европейцев и иранцев, в свою очередь, имели общих, арийских, предков. Если к этим факторам добавить опыт иранской вестернизации 1950 – 1970-х годов, то между Западом и географически неевропейским Ираном гораздо больше общего, чем известно массовому обывателю.

Предположим, что эти факторы дают нам возможность анализировать исторический опыт Ирана если не в европейском контексте, то, как минимум, в рамках тех теорий, методологий и интерпретаций, предложенных западными интеллектуалами. Отбросив характерные для каждой европейской страны национальные особенности, выдвинем несколько эпитом (кратких, типических представлений) в отношении истории Персии / Ирана XIX – XX столетия: иранская модерновая нация является продуктом истории двух столетий; до XIX столетия иранской нации не существовало, но были разрозненные традиционные сообщества; иранская идентичность представляет собой воображаемый конструкт, созданный националистическими ориентированными иранскими интеллектуалами; на протяжении анализируемого периода одновременно сосуществовали различные версии иранской идентичности и национализма, основанные на примате вестернизированного сообщества как сообщества граждан или на примате этничности, в большей степени связанной с шиитским исламом.

Существование всех этих тенденций в рамках иранского национального проекта было невозможно без той обслуживающей роли, которую играет интеллектуальное сообщество, наделяющее нацию идентичностью, в том числе – и при помощи написания / описания истории. Иранская история в XX веке в сознании иранских интеллектуалов подвергалась нескольким существенным трансформациям и модификациям, связанным с политической конъюнктурой, которая существовала в стране до и после Исламской революции 1979 года, приведшей к тому, что «коллективные памяти (например, фольклор, нарративы, публичные ритуалы, архитектура и пейзажи, образование и культура) были поставленные под контроль и управление» [30, С. 29].

Тем не менее, и светским прозападно ориентированные элиты, и религиозные фундаменталисты отдавали себе отчет в том, что история имеет центральное значение для развития и сохранении нации, легитимации самого факта ее существования и обладания ею собственной государственностью. При этом современная историография испытывает определенный дефицит научных, а не политизированных работ, посвященных проблемам отношений национализма и исторической науки. В связи с этим Энтони Смит подчеркивает, что «роль националистически настроенных историков в пропаганде национализма до сих пор не стали предметом тщательного исследования» [41, С. 260].

Поэтому, в центре внимания Автора в настоящей статье будет одна из синтетических версий иранской истории (автором которой является Риза Ша'бани), созданная после Исламской революции, переведенная на русский язык, изданная в России и именно этим в наибольшей степени интересная, так как представляет собой официально одобренную и предназначенную для внешнего потребления версию иранской истории. Попытки написания национальной / обобщающей истории, как правило, актуализируют проблемы «больших нарративов». В связи с этим российский историк П. Уваров подчеркивает: «меня особенно веселят разговоры о “смерти больших нарративов истории”, таких как “нации” или “классы”. Насчет классов не знаю, а вот нации вовсе не собираются сходить с подмостков историографической сцены, скорее, наоборот. Не говоря уже о государствах и конфессиях... здесь и сервилизм, и специфическое отношение к источнику, и манера полемизировать» [40]. Синтетические версии истории – особый и уникальный жанр историографии, который успешно существовал в эпоху как позитивизма, так и модерна. Потуги старых и новых государств и наций, национализирующихся обществ писать свои «большие» истории указывает на то, что этот жанр не только обладает немалым адаптивным потенциалом, но и дожил до эпохи постмодерна, представляя особую актуальность и для казалось бы традиционалистских обществ, к которым ошибочно причисляют Исламскую Республику Иран.

Обратимся непосредственно к тексту, автором которого является Р. Ша'бани, как своего рода классическому примеру современной иранской историографии, синтетической версии иранского исторического воображения.

Политически текст Р. Ша'бани интегрирован в доминирующий идеологический дискурс Исламской Республики Иран. Подобная ситуация не является случайной. По мнению американского исследователя Дж. Фридмэна, «история историков является и их идентичностью» [6; 7]. Более четко подобная идея прослеживается в исследованиях британского автора Энтони Смита, которые полагают, что «история национализма – это в такой же степени история тех, кто о нем повествует... историки играют выдающуюся роль среди создателей и приверженцев национализма... историки внесли весомый вклад в развитие национализма... они заложили моральный и интеллектуальный фундамент для национализма в своих странах... историки, наряду с филологами, самыми разными способами подготовили рациональные основания и хартии наций своей мечты» [41, С. 236]. Американский исследователь Крэйг Калхун подчеркивает, что «у национализма очень непростые отношения с историей» несмотря на то, что именно национализм «поддерживает создание исторических описаний нации» [33, С. 113 – 114]. История в современном мире «стала важным элементом различных национальных проектов, выполняя свои функции в создании идентичности» [36, С. 485], а обладание историей, в свою очередь, «делает существование нации законным... без истории нация не

является нацией и поэтому императив о написании истории очень важен для любых националистов» [21, Р. 467].

С другой стороны, во «все эпохи и в каждом обществе историография подчиняется политике» [13; 38]. Именно поэтому методологически текст Р. Ша'бани является частью нарративной историографии, которая в значительной степени связана с позитивистскими принципами и методами написания / описания истории. Р. Ша'бани интересуется преимущественно событийная история с незначительными отступлениями в направлении социальной и экономической истории: «в центре внимания исследователя лежит краткое изложение важных событий в истории Ирана, в особенности эпохи письменности и образования разнообразных институтов – семейных, воспитательных, экономических, военных, культурных и, в конце концов, политических, которые появились приблизительно в конце VI в. до н. э. и просуществовали до заката династии Каджаров» [44, С. 5]. В подобном амбициозном плане, предложенным иранскими историками, особое внимание привлекают установленные им хронологические рамки, которые охватывают несколько тысячелетий. Такой подход практически не оставляет перед исследователем возможности для интеллектуального маневра, вынуждая его придерживаться линейных версий написания / описания истории, отдавая приоритет исторической механике (элементарное изложение основных событий с почти просветительскими целями), нежели динамике и проблемным сторонам исторического процесса в Иране.

Анализируя восприятие иранской истории Р. Ша'бани, во внимание следует принимать, что описанию / написанию истории им придавалось и идеологическое значение. В эпоху национальных государств, как полагал британский исследователь Д. Томсон, история обречена быть националистической [27]. Риза Ша'бани не отрицает того факта, что изучение истории имеет центральное значение для развития иранского национализма и дальнейшего сохранения иранской идентичности. История, по мнению Дж. Фридмэна, является представлением о прошлом, тесно связанным с выработкой идентичности в настоящий момент [6 – 7]. В связи с этим иранскими историками подчеркивается, что исследователю следует «ознакомить читателя с иранской идентичностью и историческим национальным самосознанием» [44, С. 9]. В этом контексте заметна очевидная политизация современной иранской историографии, которая может восприниматься как следствие «незавершенности процесса политического строительства» [36, С. 494]. В этом контексте примечательна попытка со стороны Р. Ша'бани синтезировать, казалось бы, те явления, которые практически не соотносятся друг с другом. Речь идет об идентичности – явлении в большей степени модернистском, создаваемом национально ориентированными интеллектуалами и некоем историческом национальном самосознании – категории, которая пребывает в большем почете у ортодоксальных националистов, нежели у академической современной историографии, у которой поиски подобного самосознания устойчиво

ассоциируются с попытками немецких романтиков отыскать народный / национальный дух.

Написанная в рамках традиционно нормативистской и преимущественно основанной на событийной истории историографии синтетическая версия иранской истории Р. Ша'бани не отличается особой оригинальностью уже в области периодизации, транслируя обычные для иранской исторической науки версии периодизации, основанные на выделении двух значительных этапов – доисламского и исламского. Такая периодизация является в большей степени результатом методологических перемен в иранской историографии после 1979 года. Не только «постсоветские интеллигенции столкнулись с кризисом написания истории» [13; 38]. Подобные проблемы характерны и для других интеллектуальных сообществ. Немецкий историк Р. Линднер, комментируя развитие исторической науки, подчеркивает, что «великие времена историографии наступают во время распада империй» и «только в исключительных случаях историки вновь будут учиться своему ремеслу» [13; 38]. Периодизация, о которой речь шла выше, в значительной степени продиктована теми политическими изменениями, которые состоялись после исламской революции, которая имела не только политическое значение, но и не менее важное методологическое измерение для интеллектуалов гуманитариев.

В подобной ситуации становится заметной значительная если не методологическая ущербность, то, как минимум, уязвимость подобной хронологии, связанной с политической конъюнктурой. В Исламской Республике Иран в отличие, например, от постсоветского пространства, история (точнее – ее политизированное восприятие) не переместилась «в центр исторических дебатов», а конфликт «конфликт между интересами исследования и требования текущей политики» [13; 38] выражен не столь ярко. При этом подобно «националистически настроенной интеллектуальной элите» некоторых советских автономий, которая «была вынуждена адаптировать специфику националистической риторики к требованиям советского идеологического текста» [31, С. 150], иранские интеллектуалы после 1979 года оказались вынуждены соотносить свои концепции с доминирующим политическим канон.

Тем не менее, иранская историография сталкивается с определенными проблемами методологического свойства, которые, в том числе, отражаются в подходах к периодизации истории. Данная периодизация почти полностью игнорирует социально-экономический фактор в истории Ирана, что делает практически невозможным использовать значительный потенциал марксистских или других версий, основанных на социально-экономических интерпретациях, сторонники которых не сводя историю к истории почти исключительно религиозной, используя значительный потенциал социального и экономического конструктивизма выделяют рабовладельческий, феодальный и капиталистический периоды в истории, хотя при желании и подобный подход можно интерпретировать как иное проявление методологической ортодоксии, в

основе которой тоже лежит вера, но не в Бога в религиозном понимании, а скорее в политически идеологическом.

Особый интерес практически для всех национально / националистически ориентированных интеллектуалов представляют вопросы этногенеза того общества, к которому они принадлежат. В представлениях о прошлом отражается современное состояние группы [27]. Именно поэтому современные иранские историки заинтересованы в поисках отдаленных традиционных этнических предшественников современной им политической нации. Не является исключением и Риза Ша'бани. Интерес к подобной проблематике указывает на значительную стабильность иранского социума, его продолжающееся пребывание в мире модерна, что и отличает его от Запада, погруженного в постмодерн. Комментируя специфику ситуации постмодерна, белорусский философ Валянцин Акудович подчеркивает, что «история могла быть политическим товаром только в логоцентричном обществе, в обществе постмодерна история становится практически ненужной. В подобной системе истории просто нет» [39, С. 47]. Иранское общество, которое развивается в иной системе координат, наоборот, испытывает потребность не только в истории как таковой, но и в чувстве обладания ей. В этом контексте, вероятно, прав российский историк П. Уваров, подчеркивающий, что «ответы на вопрос “зачем нужна история”, казалось бы, должны быть одинаковыми для историков всего мира, и все же в каждой стране имеются и свои варианты ответа, в каждой стране сообщество историков имеет свои институциональные традиции, свой стиль национальной историографии» [40].

Если до исламской революции иранские историки проявляли значительный интерес к древней истории Ирана, то и после революции радикальных трансформаций в общей направленности исследований не произошло. В этом контексте «содержательные, методологические и терминологические модели интерпретации истории» [13; 38] практически не подвержены изменениям, в том числе, и в силу того, что «современная историческая наука сформирована традицией создания национальных историй, призванных наделить читателей коллективной идентичностью» [33, С. 114]. Поэтому, набор сюжетов, в том числе и для синтетической версии иранской истории, продолжает оставаться стабильным. Историю Ирана он начинает с истории отдаленных арийских предков с кратким экскурсом в индоевропейскую проблему. Примечателен сухой академизм Р. Ша'бани, который ограничивается констатацией генетической связи иранских племен с индоевропейцами, затрагивая вопросы их миграций и заселения Иранского плато [44, С. 10]. Американский исследователь Джонатан Фридмэн полагает, что объективно история, как и любая другая история, пишется в определенном контексте и представляет собой проект определенного типа [6 – 7].

В этом контексте арийский нарративы в синтетической версии иранской истории возникают не случайно, но являются попыткой не только в той или иной степени легитимизировать существование ИРИ, но и доказать ее как этническую,

так и политическую преемственность с более ранними формами иранской государственности. В число индоевропейских групп, близких к иранцам, по мнению Р. Ша'бани, попали и те сообщества (например, урарты [44, С. 14]), этническая принадлежность которых в современной историографии оценивается не столь однозначно. В этом отношении даже синтетическая версии иранской истории в определенной степени фрагментарна уже в силу того, что каждая политическая система, как полагает белорусский исследователь А. Казакевич, «определенным образом формирует собственную память, содержание которой определяется использованием различных форм работы с фактами прошлого» [39, С. 44]. Периодически в тексте Р. Ша'бани фигурирует различные племена, происхождение которых особо им акцентируется как индоевропейское или иранское [44, С. 12 – 13].

Увлечение поиском арийских предков неслучайно для современной иранской историографии. Комментируя подобные процессы в других исторических науках, российский историк В.А. Шнирельман подчеркивает, что «исторические концепции должны были придать уверенность доминировавшему большинству» [45, С. 11]. В подобной ситуации в иранской историографии оказывается актуализированной арийская проблематика как история того сообщества, к которому в наибольшей степени этнически близки современные иранцы. Иранская историографии относится к числу тех, в рамках которых сильны принципы этноцентризма. Комментируя роль последнего, украинский историк Г. Касьянов указывает на то, что он содействует формированию такой схемы истории, в рамках которой «главным актором является своя нация. Все остальные либо отсутствуют, либо игнорируются. Иногда, когда необходимо присутствие другой нации, она служит либо фоном, либо антитезой своей нации, которая мешает своей нации реализовать свою сущность» [34]. Национальные нарративы, как и сами версии истории, претендующие на обобщающий характер, «представляют собой далеко незаконченные проекты, которые требуют постоянной ревизии и реинтерпретации» [9, Р. 3].

Поэтому, современные иранские историки столь активно ищут великих предков и государственные традиции в прошлом, которые могли бы быть использованы для легитимации современного состояния общества в Иране. Дискурс истории в современном Иране, «подобно мифу, представляет собой и дискурс идентичности» [6 – 7]. В этом контексте, актуализируя внимание на этнической составляющей древнеиранской государственности, Р. Ша'бани упоминает и то, что древнеперсидская государственность была арийской [44, С. 22], и «Арьянем Вайджо» [44, С. 21] – мифическую прародину ариев, но она в его тексте фигурирует не более чем миф, не обретая самостоятельного значения. Нации, как полагает Э. Смит, «создаются в историческом воображении» [41, С. 253]. Поэтому иранские историки столь активно конструируют национально выверенные версии прошлого, уделяя особое внимание поиску государственных предшественников ИРИ и, таким образом, доказывая континуитет и непрерывность в историческом процессе в Иране. В качестве арийской

государственности, культурно, политически и исторически близкой к иранцам, фигурирует и Парфия, которая воспринимается как «хранительница иранских традиций» [44, С. 70]. Не только школы и учебники, но и синтетические версии национальной истории представляют собой «важные звенья в той цепи, при помощи которой современные общества сохраняют идею гражданства, а, с другой, идеализируя свое прошлое, предлагают своему сообществу и будущее» [9, Р. 3].

В анализируемой версии иранской истории Р. Ша'бани подобная функция исторического знания проявляется в полной мере. В целом, иранскими историками подчеркивается, что большинство древнеиранских династий являлись по своему происхождению арийскими, а их политика была направлена на поддержку и развитие именно арийской культуры [44, С. 110], но подобные нарративы дальнейшего продолжения и развития не получают. Столь значительный интерес иранской историографии к арийской проблематике не является случайным: в «в эпоху национализма», как полагает В.А. Шнирельман, главными субъектами истории «становятся нации, а так как примордиалистский подход наделяет их чрезвычайно устойчивыми культурными характеристиками, то нации вольно или невольно начинают отождествляться с этническими группами, корни которых теряются в незапамятной древности» [45, С. 18]. В целом, в современной иранской историографии, точнее – в той ее части, которая в качестве своей цели имеет формирование больших исторических нарративов, «составление линейных исторических повествований и утверждение примордиализма часто идут рука об руку» [33, С. 116].

С другой стороны, Р. Ша'бани, при всех характерных для его синтетической версии истории Ирана «концептуальных изъянах» (по терминологии татарской исследовательницы Д. Усмановой [42, С. 343]), связанных с доминированием этноцентричных интерпретаций, не впадает в крайность и не начинает приписывать современную иранскую идентичность сообществам и группам, которые существовали в Древней истории. В этом контексте историк-профессионал явно доминирует над иранским националистом. Примечательно и то, что остается практически невостребованным мощный потенциал арийского мифа и возможных, связанных с ним, проектов иранской идентичности в рамках этнизированной версии истории. Подобные идеологические предпочтения Р. Ша'бани, вероятно, свидетельствует о рецессии этнического национализма в Исламской Республике Иран, где этнический фактор в развитии национализма имеет не столь важное значение как гражданский и политический национализм.

Генеральные версии истории являются плодородной почвой для развития и культивирования национальной идентичности, среди центральных и системообразующих элементов которой – вера в избранность того или иного сообщества, его неповторимость и уникальность, особую историческую миссию. В этом отношении историческая наука в современном Иране, подобно историческим исследованиям в некоторых бывших союзных республиках СССР, является «очень провинциальной, изолированной и сфокусированной на

нескольких темах и концепциях» [46, С. 427]. История, предложенная Р. Ша'бани, не является исключением из этого универсального правила. Риза Ша'бани в истории Ирана находит многочисленные заслуги страны перед миром, а идея того, что Иран обладает собственной древней государственностью превратилась в один из центральных и системообразующих элементов современного иранского историографического мифа.

В частности именно Ирану приписывается спасение мира от скифов. С историей Ирана Р. Ша'бани связывает то, что «история Древнего мира вступила в такую фазу, когда появились новые могущественные силы, обладавшие не только немалым и увеличивавшимся день ото дня народом для заселения завоеванных земель, но и имевшие новые обычаи, основанные на мудром, этичном и законном правлении», связанным с «особой гражданской культурой, которую верующие в единственного и не имеющего подобия Бога иранцы имели долгие столетия... основу его составляло уважение к человеку и его национальным и религиозным убеждениям. Такой подход в действительности был человеческим призывом к необходимости глубинных перемен, практически к моральной революции Древнего мира, и поневоле мышление, основанное на поведении и уничтожении городов и центров жизни, убийстве и унижении народов, было предано забвению» [44, С. 17].

История, как полагают современные исследователи, «всегда использовалась для легитимации политических процессов и состояний» [36, С. 485]. Именно поэтому иранскими историками особое внимание уделяется естественности современной политической модели Ирана, ее генетической связи с более ранними формами государственности. По мнению Р. Ша'бани, древнеперсидская государственность отличалась «прогрессивным гуманным законодательством, где впервые подвластные народы управлялись под сенью закона» [44, С. 23]. При этом в иранской историографии, как в принципе и в большинстве других исторических наук, «доминирует своеобразный этноцентризм» [42, С. 337]. Кроме того во внимание следует принимать и то, что «история – конструкция в значительной степени мифическая в том смысле, что она являет собой представление о прошлом связанное с утверждением идентичности в настоящем» [6 – 7]. Вероятно именно в силу этого фактора иранские историки склонны полемизировать с греческими коллегами относительно как генезиса демократии, так и роли греков в истории Древнего мира. Если древние иранцы в современной иранской историографии выглядят как народ, который «с точки зрения культуры и общественно-религиозных убеждений намного превосходил греков» [44, С. 56], то греки на их фоне воображаются как сообщество развитое в гораздо меньшей степени.

В этом контексте изучение истории обладает не только сугубо научными функциями. Оно, кроме этого, содействует поиску и выработке «эффективных этнозащитных механизмов» [45, С. 89] в условиях, при которых отношения ИРИ с внешним миром далеки от идеальных. В историческом воображении современных иранских историков Древняя Персия фигурирует как некий

универсальный политический прообраз и предшественник современной демократии («способ управления страной Ахеменидов ни в коей мере не походил на те, которые практиковались до них, и без сомнения можно сказать, что и в позднейшее время не повторялся ни в одном из государств, ставших империями и расширивших свои границы. Они никогда не заставляли покоренные народы следовать своим общественно-политическим или религиозным нормам и в полной мере уважали традиции и обычаи подданных. Правильнее сказать, они обладали настолько широкими взглядами на эти вопросы, что практически во всех странах надевали местные одежды, посещали местные святилища и совершали поклонение вместе с местным населением. В действительности они мыслили и действовали так, чтобы все передовые нации продолжали вести цивилизованный образ жизни» [44, С. 24]), в чем заметна попытка оспорить статус таковой у Древней Греции.

В этом отношении для развития иранской историографии характерная значительная политизация, а доминирование политического и идеологически выверенного содержания в текстах иранских историков сравнимо с преобладанием тенденций к излишней этнизации истории, что характерно для историографии транзитных обществ. Если в подобных социумах, по мнению украинского историка Ярослава Грыцака, «преобладание национальной парадигмы в трудах историков можно сравнить только с господством позитивистской парадигмы извода Леопольда Ранке» [46, С. 444], то в иранской историографии место национальной парадигмы занимает совершенно четкий идеологический сигнал. Аналогичные настроения в современной иранской историографии доминируют и в отношении более поздних периодов истории Ирана (например, правление Сасанидов), которые, как полагает Р. Ша'бани, были отмечены некой иранской версией мультикультурализма, которая проявлялась в том, что «каждый регион в соответствии со своим географическим, культурным, национальным, языковым, религиозным, политическим и приграничным статусом имел особые полномочия; так, некоторые имели право чеканить монету, однако изображения на монетах и ее проба соответствовали монетам столицы» [44, С. 143].

С другой стороны, в историческом воображении современной иранской историографии Парфия в период правления Аршакидов фигурирует как прообраз современного парламентаризма [44, С. 84]. Написание истории, по мнению ряда американских исследователей, является и «результатом социальных позиций. Эти социальные позиции формируют условия существования идентичности, которая служит для проявления самости» [6 – 7]. В историческом воображении иранских историков социальное оказывается самым тесным образом переплетенным с этническим и политическим фактором, которые используются для культивирования идеи избранности, особого пути Ирака как важнейших элементов политической идентичности, которой иранские историки стремятся приписать и те добродетели, связываемые, как правило, с западной политической традицией. Древняя Греция и в особенности Македония

в историческом воображении современных иранских историков, наоборот, фигурируют как страны, склонные к авторитаризму, а политика Александра Македонского и вовсе ассоциируется с резким «ухудшением прав людей», а сам македонский лидер как опасный и агрессивный авантюрист, который постоянно «нарушал права человека» [44, С. 53, 56].

В этом контексте восприятие истории имеет важное значение в рамках современной политической ситуации, когда прошлое «активно используется для легитимации политических состояний» [5, Р. 531]. Один из правителей Персии эпохи эллинизма – Антиох – также в современной иранской историографии получает самые негативные оценки как человек чрезвычайно извращенный, имевший многочисленных «любовниц и любовников» [44, С. 65]. Кроме этого, для современной иранской историографии характерны и некоторые особенности, которые имели место быть в советской модели исторического знания, а именно «крайняя политизация историографии» и «монополизация исторического производства» [36, С. 485, 491]. Вероятно именно поэтому Р. Ша'бани, опираясь на монопольные позиции официальной историографии, настаивает на том, что «исконные иранцы никогда не любили чуждые элементы» [44, С. 114] как в культурной, так и в религиозной жизни. В этом контексте заметна и политически-прагматическая функция истории в современном иранском обществе, в рамках которого национально ориентированные интеллектуалы «конструируя прошлое, люди стремятся обеспечить будущее, основанное на соответствующем образе интерпретированном или реинтерпретированном прошлом» [45, С. 12].

Таким образом иранскими историками подчеркивается, что в прошлом Персия имела некий культурно-цивилизационный иранский стержень, который содействовал сохранению и развитию иранской культуры как арийской. В этом отношении современная иранская историография в значительной степени близка если не к этническому национализму, то по меньшей мере склонна руководствоваться примордиалистскими интерпретациями. С другой стороны, подобные объяснения современных иранских историков можно рассматривать как скрытую форму европеизма, стремление подчеркнуть причастность Ирана к тем ценностям, которые традиционно ассоциируются с западной христианской, но не восточной исламской шиитской традицией. В подобной идее важна не столько ее имперскость, сколько политическое содержание, связанное с актуализацией государственных традиций Древнего Ирана, который в историческом воображении Р. Ша'бани превращается в едва ли не исторического предшественника современной демократии, что можно интерпретировать как попытку актуализации европейского пласта в иранской идентичности, так и демократических традиций нации как сообщества граждан, а не подданных.

Для историографического воображения современных иранских историков характере и определены протестный контекст не в том плане, что они не очень лояльны в отношении существующего режима. Лояльность ценностям исламской

революции сочетается с особым и значительным интересом к истории протестных движений и восстаний в Иране. Восстание Маздака и движение маздакитов соответственно оцениваются как революция и революционное [44, С. 134]. Подобная направленность современной иранской историографии имеет различные истоки. Вероятно, важнейший связан с историческим опытом шиизма как религии меньшинства, которое подвергалась как дискриминации, так и преследованиям. Не следует исключать и того, что этот потенциально протестный шиитский потенциал в иранском интеллектуальном дискурсе соединился с европейскими культурными, политическими и экономическими влияниями, что придает современной исторической традиции в Иране если не левый, то некий интеллектуальный марксистский налет.

Особую роль в историческом воображении современной иранской историографии играет комплекс нарративов о Других. По мнению американского исследователя Дж. Фридмэна, «объективно история пишется как определенный концепт самости, который основывается на радикальном отделении от какой-либо другой идентичности» [6; 7]. Без создания и последующего воспроизводства при помощи различных культурных, интеллектуальных и экономических практик образов Другого или в крайних случаях Врага практически невозможно функционирование и развитие национальной идентичности. Иран не является исключением из этого универсального правила. В качестве универсальных других в историческом сознании иранцев фигурировали не только греки и римляне, с которыми они воевали в период Древней истории, но также арабы и монголы – именно с последними в историческом воображении Ирана связываются национальные поражения и катастрофы.

Кроме этого в качестве Других в синтетических версиях иранской истории фигурируют и «желтокожие агрессоры» [44, С. 174], но наибольшее число негативных коннотаций в историческом воображении связано с Чингисханом, «дьяволом-кровопийцей» [44, С. 188], и монголами – «народом лютых и диких нравов в одночасье ворвался в мир блестящей исламской цивилизации и в течение короткого времени предал мечу по меньшей мере шесть миллионов беззащитных и беспомощных мусульман – жителей Ирана» [44, С. 187]. С другой стороны, в синтетических версиях иранской истории практически невозможно найти упоминания об активной завоевательной политике Ирана, активном порабощении, например, грузин и армян, что указывает на крайне избирательную работу самого механизма исторической памяти. В связи с подобными распространенными в современном мире практиками манипулирования историей «политические и идеологические сражения могут быть выиграны благодаря подчеркиванию определенных и замалчиванию других моментов истории» [5, Р. 532]. Активное культивирование образов Других привело к тому, что подобные нарративы оказались чрезвычайно важны для «поиска собственных символов, а не общих с соседями» [12; 35].

С другой стороны, ничто не разделяет группы лучше, чем приписывание одной особой идентичности, а другой – исключительно негативного влияния на

первую. В этом контексте в качестве Других фигурируют и «алчные европейские державы», представленные Британской и Российской Империями [44, С. 221 – 225, 227]. Последняя воспринимается иранскими историками как более опасная по той причине, что революция 1917 года сделала доминирующей идеологию коммунизма, в котором интеллектуалы Ирана склонны видеть авторитарную замену исламу. Помимо внешних Других в историческом воображении Ирана существуют и внутренние Другие, на статус которых претендует династия Пехлеви [44, С. 305 – 307], как правило, отторгаемая современными иранскими интеллектуалами в силу сугубо идеологических соображений, связанных с тем, что ее представители проводили политику модернизации, которая вылилась в вестернизацию. Нарративы Другости / Инаковости, таким образом, играют значительную роль в развитии современного иранского исторического воображения. С другой стороны, анализируя эти нарративы в современной иранской историографии, во внимание следует принимать и то, что они формируются в результате противопоставления / оппозиции идеальной, развитой и правильной арийской иранской культуры с другими культурами, которые историками Ирана позиционируются не только как другие, но и как менее развитые. Кроме этого в формировании образов Другого особую роль играет и этнический фактор, связанный с осознанием именно арийского фундамента в иранской истории и его отсутствия у исторических врагов и оппонентов Ирана.

Подводя итоги статьи, во внимание следует принимать ряд факторов. Версия иранской истории, представленная Р. Ша'бани, является синтетической, генеральной, обобщающей и поэтому неизбежно несет на себе все родовые травмы, характерные для исследований подобного жанра. Синтетика подобного историнаписания совершенно четко проявляется при написании истории государств подобных Ирану. Иран – страна с уникальным политическим режимом, который требует от национальных интеллектуалов проявления лояльности. В подобной ситуации перед иранскими историками стоит сложная задача создания истории, которая в одинаковой степени учитывала как древность страны, так и ее новейшие технологические достижения; как развитые религиозные традиции прошлого, так и нормы доминирующего в Иране шиитского ислама.

Поэтому иранским интеллектуалам в своих научных упражнениях на тему иранской истории приходится выделять почти акробатические маневры, интегрируя в рамках одной версии истории доисламские и исламские исторические пласты. Риза Ша'бани, создавая свою версию истории, стремился наделить ее иранских потребителей определенной, совершенно конкретной идентичностью. Именно поэтому, история Ирана, представленная Р. Ша'бани, это история почти безраздельного доминирования того, что известно как «большие исторические нарративы». Подобная версия истории (впрочем, как и любая другая) является искусственной. Искусственность истории как проекта проявляется не в том, что она ненастоящая, а в том, что она сконструирована и

воображена в соответствии с политической и идеологической повесткой дня. В этом отношении история – это проект – политический проект, связанный с развитием и воспитанием политической идентичности граждан Ирана.

Кроме этого обобщающая версия истории неизбежно будет синтетической. Это – не политическая история в чистом виде. Подобные версии истории, воображения прошлого не могут избежать обращения к сюжетам экономической, социальной и культурной истории. Вместе с тем, подобная история – это почти всегда история преимущественно событийная, так как именно событийность содействует формированию у граждан коллективных и устойчивых представлений о том, что в прошлом на занимаемой ими территории происходили те или иные события, участниками которых были их предки. В подобной ситуации синтетическая версия истории содействует появлению в ее предназначенных для массового потребления версиях устойчивых нарративов Самости и Инаковости.

Первые связаны с созданием, функционированием и постоянным воспроизводством идентичности того или иного сообщества. Вторые играют не менее важную роль, связанную с формированием образа Другого / Врага, так как поддержание национальной идентичности в вакууме представляется малореальным проектом – гораздо продуктивнее ее поддерживает то сообщество, которое существует в окружении других и желательно, чтобы подобное соседство было отягощено многочисленными взаимными историческими претензиями. Анализируя особенности и направления развития исторического воображения в Иране, во внимание следует принимать и фактор сосуществования примордиалистской и конструктивистской (модернистской) парадигм. Первая, как известно, рассматривает нацию в качестве исторически нового, современного явления в то время как адепты второй склонны наделять нацию хронологически продолжительными линейными версиями истории.

В Иране эта дилемма отягощена и религиозным фактором, содействующим несколько упрощенному и искусственному подразделению истории на доисламский и исламский периоды. Большинство синтетических версий национальных историй пишутся с позиций примордиализма, как большие и линейные проекты. Проект Р. Ша'бани в этом отношении универсален и не является исключением, хотя определенные попытки отхода от линейности, наличие некоторых элементов конструктивизма в его исторических интерпретациях все же имеет место. Таким образом, версия иранской истории, предложенная Р. Ша'бани, является в целом примордиальной, выдержанной в духе традиционного, в значительной степени нормативного, историописания. В этом отношении от таких текстов не следует ждать неких особых интеллектуальных изысков. Они, скорее, наоборот, выдержаны в лучших традициях позитивизма XIX столетия.

Подобные проекты, основанные на доминировании больших исторических нарративов, не имеет смысла оценивать исключительно негативно или позитивно. Такие исторические проекты характеризуются значительной

степенью как универсальности, так и глубиной воздействия на потенциального потребителя, которому они призваны дать кодифицированные, идеологически выверенные представления о прошлом того сообщества, к которому эти потребители истории принадлежат. В конечном счете, все недостатки подобных больших синтетических версий истории оправдываются возможным результатом – укреплением нации и консолидацией национальной идентичности.

Библиографический список

1. Alstadt A.L. Rewriting Turkic History in Gorbachev Era / A.L. Alstadt // *Journal of Soviet Nationalities*. – 1991. – Vol. II. – No 2. – P. 73 – 90;
2. Barnes A.E. Analyzing Projects, African “Collaborators” and Colonial Transcripts // *Antinomies of Modernity. Essays on Race, Orient, Nation* / eds. V. Kaivar and S. Mazumdar. – Durham, 2003. – P. 62 – 97;
3. Bhabha H.K. Postcolonial Criticism // *Postcolonialism. Critical Concepts in Literary and Cultural Studies* / ed. D. Brydon. – L. – NY., 2001. – Vol. 1. – P. 105 – 133.
4. Blakkisrud H., Nozimova Sh. History writing and nation building in postindependence Tajikistan / H. Blakkisrud, Sh. Nozimova // *Nationalities Papers*. – 2010. – Vol. 38. – No 2.
5. Coakley J. Mobilizing Past: nationalist images of history / J. Coakley // *Nationalism and Ethnic Politics*. – 2004. – Vol. 10. – No 4.
6. Friedman J. History, Political Identity and Myth / J. Friedman // *Lietuvos etnologija. Lithuanian Ethnology. Studies in Social Anthropology and Ethnology*. – 2001. – No 1.
7. Friedman J. Myth, History, and Political Identity / J. Friedman // *Cultural Anthropology*. – 1992. – Vol. VII.
8. Gerow A. Consuming Asia, Consuming Japan: the New Neonationalistic Revisionism in Japan / A. Gerow // *Censoring History. Citizenship and Memory in Japan, Germany and the United States* / eds. L. Hein and M. Selden. – Armonk – NY. – L., 2000. – P. 74 – 95.
9. Hein L., Sekden M. The Lessons of War, Global Power and Social Change / L. Hein, M. Sekden // *Censoring History. Citizenship and Memory in Japan, Germany and the United States* / eds. L. Hein and M. Selden. – Armonk – NY. – L., 2000.
10. Kazuhiko K. The Continuing Legacy of Japanese Colonialism: the Japan-South Korea Joint Study Group on History Textbooks / K. Kazuhiko // *Censoring History. Citizenship and Memory in Japan, Germany and the United States* / eds. L. Hein and M. Selden. – Armonk – NY. – L., 2000. – P. 203 – 225;
11. Klid B. The Struggle over Mykhailo Hrushevs’ky: recent Soviet Polemics / B. Klid // *Canadian Slavonic Papers*. – 1991. – Vol. 33. – No 1. – P. 32 – 45;
12. Kohut Z.E. A Study of History in independent Ukraine // *Forum*. 1998. – No 98. – P. 26 – 28.
13. Lindner R. New Directions in Belarusian Studies besieged past: national and court historians in Lukashenka’s Belarus / R. Lindner // *Nationalities Papers*. – 1999. – Vol. 27. – No 4.
14. Loewen J.W. Vietnam War in High School American History / J.W. Loewen // *Censoring History. Citizenship and Memory in Japan, Germany and the United States* / eds. L. Hein and M. Selden. – Armonk – NY. – L., 2000. – P. 150 – 172;

15. Mbembe A. Provisional Notes on Postcolony // Postcolonialism. Critical Concepts in Literary and Cultural Studies / ed. D. Brydon. – L. – NY., 2001. – Vol. 1. – P. 134 – 174;
16. McCormack G. The Japanese Movement to "Correct History" / G. McCormack // Censoring History. Citizenship and Memory in Japan, Germany and the United States / eds. L. Hein and M. Selden. – Armonk – NY. – L., 2000. – P. 53 – 73;
17. Mignolo W.D. Local Histories / Global Designs. Coloniality, Subaltern Knowledges and Border Thinking. – Princeton, 2000;
18. Mimmi A. Mythical Portrait of the Colonized // Postcolonialism. Critical Concepts in Literary and Cultural Studies / ed. D. Brydon. – L. – NY., 2001. – Vol. 2. – P. 684 – 689;
19. Ohloblyn O. Ukrainian Historiography. 1917 – 1956 // Annals of Ukrainian Academy of Arts and Sciences in the United States. – 1957. – Vol. 6 – 7. – No 4. – P. 307 – 435;
20. Perica V. Uloga crkava u konstrukciji državotvornih mitova Hrvatske i Srbije // Historijski mitovi na Balkanu / red. H. Kamberović. Sarajevo, 2003. – S. 203 – 224;
21. Rottier P. Legitimizing the Ata Meken: the Kazakh intelligentsia write a history of their Homeland / P. Rottier // Ab Imperio. – 2004. – No 1.
22. Said E. Intellectuals in the Post-Colonial World // Postcolonialism. Critical Concepts in Literary and Cultural Studies / ed. D. Brydon. – L. – NY., 2001. – Vol. 1. – P. 29 – 46;
23. Soysal Y.N. Identity and Transnationalization in German School Textbooks / Y.N. Soysal // Censoring History. Citizenship and Memory in Japan, Germany and the United States / eds. L. Hein and M. Selden. – Armonk – NY. – L., 2000. – P. 127 – 149;
24. Spivak G.G. Poststructuralism, Marginality, Postcoloniality and Value // Postcolonialism. Critical Concepts in Literary and Cultural Studies / ed. D. Brydon. – L. – NY., 2001. – Vol. 1. – P. 57 – 84.
25. Stobiecki R. Historians Facing Politics of History. The Case of Poland / R. Stobiecki // Past in the Making: Historical Revisionism in Central Europe After 1989 / ed. M. Kopecek. – Budapest, 2007;
26. Thomas N. The Primitivist and Postcolonial // Postcolonialism. Critical Concepts in Literary and Cultural Studies / ed. D. Brydon. – L. – NY., 2001. – Vol. 2. – P. 774 – 797;
27. Thomson D. Must History stay Nationalistic? The Prison of Closed Intellectuals Frontiers / D. Thomson // Encounter. – 1968. – Vol. 30. – No 6.
28. Umkämpfte Vergangenheit. Geschichtsbilder, Erinnerungen und Vergangenheitspolitik im internationalen Vergleich / hrsg. P. Bock, E. Wolfrum. – Göttingen, 1999.
29. Yoshiko N., Hiromitsu I. Japanese Education, Nationalism and Ienago Saboro's Textbook Lawsuits / N. Yoshiko, I. Hiromitsu // Censoring History. Citizenship and Memory in Japan, Germany and the United States / eds. L. Hein and M. Selden. – Armonk – NY. – L., 2000. – P. 96 – 126.
30. Айтұейт Ы., Рэй Л. Мадэрнасць, памяць і посткамунізм / Ы. Айтұейт, Л. Рэй // Палітычная сфера. – 2006. – № 6.
31. Варнавский П. Границы советской бурятской нации: национально-культурное строительство в 1926 – 1929 гг. в проектах национальной интеллигенции и национал-большевиков / П. Варнавский // Ab Imperio. – 2003. – No 1.
32. Дорошенко Д. Огляд української історіографії. – Київ, 1996;
33. Калхун К. Национализм / К. Калхун / пер. с англ. – М., 2006.
34. Касьянов Г. Национализация истории в Украине / Г. Касьянов. – (<http://www.polit.ru/lectures/2009/01/06/ukraine.html>)
35. Когут З.Є. Історія як поле битви. Російсько-українські відносини та історична свідомість у сучасній Україні / З.Є. Когут // Когут З.Є. Коріння ідентичності. Студії в ранньомодерної та модерної історії України. – Київ, 2004.

36. Куско А., Таки В. «Кто мы?» Исторический выбор: румынская нация или молдавская государственность / А. Куско, В.Таки // *Ab Imperio*. – 2003. – № 1.
37. Лаврентьев В. Попытка Србика с помощью исторических понятий обосновать австрийскую идентичность как часть имперской // *Российско-австрийский альманах: исторические и культурные параллели*. Вып. 1. – М. – Ставрополь, 2004. – С. 233 – 246;
38. Лінднер Р. Нязменнасць і змены ў постсавецкай гістарыяграфіі Беларусі / Р. Лінднер // *Беларусіка / Albaruthenica*. – Мн., 1997. – Т. 6. – Ч. 1.
39. Навука і стратэгіі працы з мінулым. Дыскусія ў межах семінара «Сучаснае беларускае мысленне», Інстытут сацыялогіі, Інстытут філасофіі НАН, 16 сакавіка 2006 года // *Палітычная сфера*. – 2006. – № 6.
40. Свобода у историков пока есть. Во всяком случае – есть от чего бежать. Беседа Кирилла Кобрин с Павлом Уваровым // *НЗ*. – 2007. – № 55. – (<http://www.polit.ru/research/2008/01/30/uvarov.html>)
41. Смит Э.Д. Национализм и историки / Э.Д. Смит // *Нации и национализм*. – М., 2002..
42. Усманова Д. Создавая национальную историю татар: историографические и интеллектуальные дебаты на рубеже веков / Д. Усманова // *Ab Imperio*. – 2003. – No 3.
43. Ша'бани Р. Краткая история Ирана / Р. Ша'бани / пер. Е.А. Морозой – СПб.: Культурный центр Посольства ИРИ в РФ, 2008.
44. Шнирельман В.А. Быть аланами. Интеллектуалы и политика на Северном Кавказе в XX веке / В.А. Шнирельман. – М., 2006.
45. Шнирельман В.А. Войны памяти. Мифы, идентичность и политика в Закавказье / В.А. Шнирельман. – М., 2003;
46. Грицак Я. Украинская историография. 1991 – 2001. Десятилетие перемен / Я. Грицак // *Ab Imperio*. – 2003. – No 2.

Основные проблемы политической идеологии современного французского национализма в дискурсе публичных выступлений Марин Ле Пен

Французский национализм является одной из наиболее влиятельных идеологий в современной Франции. Национализм развивается как политическая и этническая идеология. Партия «Национальный фронт» является выразителем и теоретиком французского национализма в его политической (гражданской) и этнической (радикальной) версии. Теоретики французского национализма особое внимание уделяют проблемам европейской интеграции, миграции, роли национальных и религиозных меньшинств, политическим и этническим конфликтам. Современная идеология французского национализма характеризуется пророссийской риторикой, что свидетельствует о значительном адаптивном потенциале национализма и о политической беспринципности его лидеров, склонных к сомнительным политическим контактам.

Ключевые слова: Франция, национализм, идеология, миграция, европейская интеграция, антиамериканизм

French nationalism is one of the most influential ideologies in modern France. Nationalism develops as a political and ethnic ideology. The "National Front" party is among spokesmen and theoreticians of French nationalism in its political (civil) and ethnic (radical) versions. Theoreticians of French nationalism focus on the problems of European integration, migration and the role of national and religious minorities, political and ethnic conflicts. Modern ideology of French nationalism is characterized by pro-Russian rhetoric that testifies substantial adaptive capacity of nationalism and political unscrupulousness of its leaders who are prone to questionable political contacts.

Keywords: France, nationalism, ideology, migration, European integration, anti-Americanism

В политической жизни современной Французской Республики национализм является одной из наиболее влиятельных и значимых идеологий, чему существует несколько причин. Франция в современной Европе относится к числу старейших национальных государств, где принципы политического национализма и нации как сообщества граждан, наделенных политическими правами, были сформулированы раньше чем в других европейских странах. Напряженная история XX века, участие Франции в двух мировых войнах, поражения и победы, утрата колоний – все эти факторы содействовали актуализации принципов национализма в общественной, культурной и политической жизни Франции.

В центре автора настоящей работы будут проблемы политической идеологии современного французского национализма в той версии, в которой он представлен в текстах и выступлениях Марин Ле Пен – лидера «Национального фронта» – одной из ведущих правых партий в современной политической жизни Франции.

Целью обзора является анализ основных направлений развития идеологической и политической программы современного французского

национализма, что требует решения ряда задач, важнейшими из которых являются:

- изучение общих программных установок и предпочтений французского национализма,
- анализ политических идей современного французского национализма в контексте его отношения к вызовам миграции, европейской интеграции и современных конфликтов на территории Европы,
- выяснение общей направленности в развитии современного французского национализма.

Французский национализм на современном этапе представляет собой сложный комплекс нескольких политических учений, спектр и направленность которых варьируются от этнического национализма до политического, от монархизма до республиканизма. Поэтому, современные политические программы, настроения и предпочтения националистических партий, групп и движений во Франции отличаются значительным разнообразием. Утверждать наличие единой французской националистической идеологии на современном этапе представляется маловероятным. Условные и реальные лидеры националистических движений не в состоянии достичь компромисса как в отношении внутренних, так и международных вызовов, с которыми сталкиваются их страны и Западный мир в целом.

Яркий пример подобной ситуации – выступления и публикации скандально известного лидера французских националистов Марин Ле Пен, которая не только оказывалась замешанной в разного рода скандалах, была в центре внимания правоохранительных органов [7], сама она неоднократно обвинялась в антисемитских высказываниях [15, 29], а ее сторонники обвинялись в убийствах политических оппонентов [36]. Тем не менее, Марин Ле Пен успешно использует стратегию и политическую тактику своих политических и исторических предшественников, отрицая и отвергая все обвинения, не признавая генетическое родство идеологии Национального Фронта с нацизмом и фашизмом. Марин Ле Пен позволяет себе сомнительные исторические параллели, сравнивая мусульман в Франции с немцами в Париже в 1940 году [13], сравнивая ЕС с СССР [25], громогласно обещает вывести Францию из НАТО [28], с готовностью положительно оценивает и позитивно отзывается как о режимах со спорной политической репутацией, так и о разного рода структурных вызовах, с которыми сталкивается ЕС, позволяя себе не очень корректные высказывания относительно Европы, утверждая, что «нас взяли, как подопытных кроликов, посадили в единый европейский дом, который мало похож на то, что нам обещали. А теперь говорят: «Ой, мы не продумали механизм выхода отсюда» [16]. В частности, комментируя последние выборы в Греции, лидер французских националистов заявила, что «рада той чудовищной демократической пощечине, которую греческий народ только что отвесил Европейскому союзу» [11].

В целом, политическая идеология французского национализма, в том виде, в котором она представлена в текстах Марин Ле Пен, является хаотичной и эклектичной. Марин Ле Пен может делать откровенно неонацистские заявления о том, что «ликвидация цыганских лагерей, безусловно, необходима. Такие поселения недостойны нашего народа и их наличие невыносимо для местных жителей. Но это не решение проблемы» [9], апеллируя видимо к опыту своих исторических предшественников из Германии 1933 – 1945 годов. С другой стороны, она может себе позволить говорить о потенциальном франко-российском союзе, который, по ее мнению, должен заменить «неестественные отношения с англосаксонскими странами, культура которых нам не близка» [6]. Кроме этого, Марин Ле Пен позволяет себе на прямую обращаться к потенциальным иммигрантам с политическими угрозами, утверждая: «Не приезжайте во Францию, вы ничего тут не получите. Мы больше не являемся богатой страной» [8, 9]. В целом, политические воззрения Марин Ле Пен не имеют системности, отличаясь радикализмом и характеризуюсь различными проявлениями экстремизма.

Отрицая права национальных меньшинств во Франции не только на самоопределение, но даже на право декларировать свою национальную принадлежность, которая отличалась бы от французской, Марин Ле Пен, тем не менее, находит возможным и нормальным указывать на то, как следует развиваться другим европейским странам. В частности она утверждает, что Украина должна в своей политике руководствоваться теми принципами, которые ей предлагает Россия: «я не вижу другого выхода, чтобы поддержать мир и целостность Украины, кроме того, как создать своего рода федерацию, которая даст возможность каждому региону, иметь автономию» [23]. Подобные заявления со стороны Марин Ле Пен содействуют тому, что за ней закрепился образ политического скандалиста и политика, склонного к радикально экстремистским и политически безответственным заявлениям, призванным извлечь сиюминутную политическую выгоду. Будучи склонной к политическому экстремизму и радикализму, Марин Ле Пен активно формирует среди избирателей представление о неизбежном апокалипсисе и крахе Европы, что проявляется в разного рода пространственных политических декларациях, сводящихся к разжиганию межнациональной и межрелигиозной розни: «Франция давно уже несвободная страна. Массовая миграция из мусульманского мира привела к тому, что мы постоянно живём в страхе: как бы наши геополитические или геостратегические интересы не вошли в противоречие с ценностями новых граждан. Мы теряем независимость в суждениях, мы боимся быть неверно понятыми на нашей же собственной территории. Сегодня исламский фундаментализм — это не только религия. Это политика. Политико-религиозные группы исламского толка пытаются сейчас изменить французские законы так, чтобы они отражали их образ жизни, их взгляды, которые совершенно отличаются от наших. Французы пытаются этому противостоять. Но они преданы своими элитами, которые находятся в плену политкорректных заблуждений. А

тем временем в стране становится всё больше людей, исповедующих ценности исламского фундаментализма, которые противоречат индивидуальной и общественной свободе. В частности, растёт приток мигрантов из стран Магриба. До тех пор пока на вопрос о национальной принадлежности жители парижских пригородов будут отвечать «я мусульманин», нам не удастся возродить французское величие» [34]. Подобная риторика в политическом языке современного французского национализма неизбежна, так как его лидеры понимают, что более ранний экстремизм, антисемитизм и расистская риторика Национального Фронта могут содействовать ослаблению и дальнейшей маргинализации партии.

Поляризации и даже расколу среди националистов содействовали украинские события 2014 – 2015 годов.

Некоторые правые политики во Франции заняли формально пророссийскую позицию в своих комментариях относительно Украины. Пророссийскими высказываниями известна, например, Марин Ле Пен, которая полагает, что «Россия - часть нашей цивилизации. У нас общие корни, долгая история великолепной дружбы... Мы должны повернуться лицом к России и развивать экономическое и энергетическое партнерство. Думаю, что новая холодная война, которую Америка развязала против России, — огромная ошибка. В интересах Франции развернуться в направлении Европы. Большой Европы, которая поддерживает с Россией партнерские отношения» [5]. В подобной ситуации французские националисты взяли на себя роль донести до европейского общественного мнения формально российскую точку зрения, хотя ее могут придерживаться далеко не все эксперты и в самой России.

В частности, Марин Ле Пен заявляла: «что касается Украины, мы ведем себя, как слуги американцев. Европейским столицам не хватает мудрости, чтобы прекратить зависеть от американских позиций по этому вопросу. Сейчас правительство Украины бомбит свое гражданское население, и все молчат об этой скандальной реальности... Цель американцев – начать войну в Европе, чтобы подтолкнуть НАТО к российской границе» [20]. Аналогичны высказывания и Жан-Мари Ле Пена, который передергивая факты в силу элементарного незнания российской и украинской истории, настаивает на том, что «именно НАТО спровоцировало украинский кризис, пытаясь приблизиться к границам России. Позиция нашей партии такова: конфликт между русскими и украинцами - это семейная ссора. Ведь Россия родилась в Киеве. И ни европейцам, ни американцам не надо вмешиваться в эту семейную драму. Русские и украинцы сами между собой разберутся. Но нет сомнений, что США продолжают рассматривать Россию как Советский Союз и пытаются трясти ваше правительство и с Грузией, и с Украиной» [4].

Антиамериканизм французских крайне правых может иметь и экономические основания, на что указывают некоторые эксперты. Марин Ле Пен не сговывает своей финансово-экономической заинтересованности в критике США, утверждая, что «мы считаем необходимым, чтобы президент

приостановил процесс заключения США и ЕС соглашения о трансатлантической торговле и инвестициям» [27]. Благодаря Марин Ле Пен антиамериканизм стал центральным пунктом в политической программе французских националистов. Марин Ле Пен известна своими периодическими антиамериканскими высказываниями. В частности, она настаивает, что «проблема международной политики Франции заключается в том, что она не самостоятельна. Париж из всех сил хочет угодить Вашингтону, придерживаясь международной линии США. Американцы вправе защищать свои интересы, их никто за это не осуждает. В этой ситуации меня удивляет позиция Франции, которая готова пожертвовать своими интересами, но до последнего отстаивать интересы США. Многие европейские страны уже поняли, что в долгосрочной перспективе отказываться от хороших отношений с Россией, особенно в сфере коммерции и энергоресурсов, абсурдно. Мы видели эти робкие заигрывания европейских лидеров с Москвой. Это было во Франции при Саркози, в Италии при Берлускони. Шаг навстречу – два назад. Они никак не могут освободиться от предрассудков и подумать о выгоде для своей страны» [26].

Во взглядах французских националистов на международную политику все более осязателен антиамериканизм. Причин для этого хватает: от нежелания принимать чужое доминирование в принципе и до таких частных вопросов, как судебное преследование французских банков в США (в июне 2014 года BNP Paribas вынужден был выплатить рекордный штраф в 8,97 миллиарда долларов за нарушение режима санкций против Кубы, Судана и Ирана). Критикуется и перспектива трансатлантической торгово-экономической интеграции США и стран ЕС (соответствующее соглашение должно быть подписано до конца текущего года). По мнению французских националистов, это приведет к еще большим экономическим потерям европейских производителей и усилению зависимости Европы от заокеанских партнеров. Дальнейшая экспансия американских транснациональных корпораций в подобной ситуации, как полагают российские популяризаторы французских правых, станет неизбежной [5].

Подобные заявления имеют весьма сложные основания. С одной стороны, французские крайне правые таким образом стремятся изменить вектор развития национализма, актуализируя в его составе антиамериканские настроения. С другой, будучи маргинальной партией, генетически связанной с европейским фашизмом, Национальный фронт пытается найти новых союзников, хотя перспективы сотрудничества националистов с РФ остаются крайне туманными, особенно в контексте высказываний Марин Ле Пен о В.В. Путине. В такой ситуации некоторые французские СМИ называли Марин Ле Пен «восторженной поклонницей Путина» [1], обвинив ее в проведении пророссийской политике и лоббировании интересов РФ [33; 34].

Подобным обвинениям со стороны СМИ содействовало и то, что французские националисты из «Национального Фронта» в 2014 году начали открыто лоббировать военно-политические и экономические интересы России, в

частности российского военного министерства. Комментируя отказ Франции от выполнения своих обязательств, Марин Ле Пен заявила, что «это решение является очень серьезным, в первую очередь потому, что идет вразрез с интересами страны» [21]. Развивая эту идею, Марин Ле Пен указывала на то, что «отказ от поставок «Мистралей» был бы абсолютной глупостью. Это было бы экономическим абсурдом и проявлением ненадежности в торговых связях. Это было бы крайне предосудительно для Франции. Она бы предстала как партнер, не соблюдающий своих обязательств и способный в одночасье отказаться от ранее данных обещаний. Притом что половина стоимости контракта по «Мистралям» уже оплачена Россией, а у нас - огромные экономические проблемы и полным ходом идет деиндустриализация. В таких условиях подобный отказ лишен всякого смысла» [24]. В октябре 2014 года Марин Ле Пен заявила о необходимости Франции выполнять условия по военным контрактам с Россией: «В деле о поставках кораблей России Франция взяла на себя обязательства по подписанному контракту» [8, 22], обвинив в нагнетании ситуации США – «однако теперь нам ясно, что обязательство свое она нарушила по указанию президента Соединенных Штатов. Как после этого любая другая страна будет заключать контракты с Францией, если ей известно, что просто достаточно указания со стороны Барака Обамы, чтобы Франция в последний момент отказалась от выполнения контракта, причем даже такого, часть оплаты по которому она уже получила? Франции пора уже стать суверенной и свободной в своем выборе страной, а не быть неким пуделем Соединенных Штатов» [8, 22].

Пространные размышления о франко-российской дружбе и сотрудничестве, которых немало в выступлениях и интервью Марин Ле Пен («На протяжении многих лет я ратую за углубление отношений между Францией и Россией. Нас исторически связывала дружба, и со многих точек зрения - геополитически, стратегически, цивилизационно - у нас есть все основания поддерживать и развивать эти отношения. Франция не должна подчиняться логике холодной войны, которая была навязана Евросоюзом и привела к охлаждению взаимных связей без какой-либо веской причины... Я убеждена, что Россия и Франция должны углублять отношения во всех сферах. Это касается в том числе и культуры» [19]), соседствуют с политически выверенными и конъюнктурными заявлениями по российской проблематике (которые адресованы как властям РФ, так и разно рода радикальным и экстремистским политическим группам в самой Франции и Европе) и не менее конъюнктурными антитурецкими заявлениями: «европейские лидеры дали Турции надежду на присоединение к ЕС, закрыв глаза на то, что подавляющее большинство населения выступает против этого. Я не верю, что у Турции есть будущее в ЕС» [27].

Комментируя деятельность В.В. Путина, Марин Ле Пен указала на то, что «Я частично разделяю взгляды Путина на экономику. Это на самом деле так, и это началось не вчера. "Национальный фронт" не менял своей позиции по этому

поводу. Мы с самого начала приветствовали приход власти, взявшей под контроль аппаратчиков и занявшей становлением экономического патриотизма... Путин сумел вернуть великой нации, которая подвергалась унижениям и преследованиям в 90-е годы, чувство гордости и радость жизни. Так что, да, я думаю, на некоторые вещи в России нужно смотреть оптимистично, на другие - не предвзято» [5]. В не менее неудобную ситуацию попал и признанный патриарх французских правых и новейшего европейского неофашизма Жан-Мари Ле Пен, отрицающий свое нацистское прошлое и утверждающий, что «не стоит перегибать палку в определении националистов нацистами» [3], а его политическая наследница Жан Мари Ле Пен охотно становится на защиту неонацистских групп и течений в современной Европе, заявляя, что: «единственная сила, которая может помешать подобному развитию событий, это патриотические партии стран Европы. Те партии, которые четко и ясно выступили против экономической глобализации, высказались против введения единой европейской валюты, которые выступают за то, чтобы каждая нация сохраняла свое лицо, свои ценности, свои культурные основы. Именно эти партии выступают в качестве основной силы, которая борется за дружбу между свободными, суверенными нациями. Именно они могут вырвать народы наших стран из состояния летаргии, в которое их погрузили средства массовой информации при помощи США и так называемых европеистов, слепых сторонников европейской интеграции. Только эти партии могут помешать внешним силам проводить их стратегию» [28].

В целом, высказывания Марин Ле Пен о В.В. Путине свидетельствуют не только о его значительной мифологизации и идеализации, но и о незнании тех проблем в социальной и экономической сферах, с которыми сталкивается Россия. Упустив из внимания факторы сырьевой зависимости, роль неформального сектора, коррупцию и клановость в российской экономике, Ле Пен назвала президента России Владимира Путина человеком, «который действует в интересах своей страны, который привержен понятию нации и поддерживает патриотическую модель экономики» [10]. Кроме этого Марин Ле Пен дала Путину и следующую оценку: «Господин Путин - патриот. Он заботится о суверенитете своего народа. Он знает, что мы разделяем с ним одни ценности. Это ценности европейской цивилизации» [17]. Особое внимание со стороны французских радикальных националистов привлекают экономические «успехи» В. Путина. «Эта модель диаметрально противоположна той, что навязывают нам Соединенные Штаты» [32], - полагает Марин Ле Пен.

Подобные высказывания, вероятно, могут не укрепить позиций крайне правых в самой Франции и Европе на фоне обострения отношений с РФ. Такие настроения лидеров националистов, вероятно, могут ослабить их позиции, содействуя их маргинализации на фоне роста подозрений в различных связях с РФ (вплоть до финансовой поддержки [18, 31]). Актуальность подобным дискуссиям во французском обществе придает и то, что Марин Ле Пен предпочла никак не комментировать подобные слухи, распространенные

некоторыми СМИ, что еще в большей степени усилило подобные подозрения. Подозрениям содействуют и периодические пророссийские эскапады со стороны лидера французских правых радикалов. В частности, Марин Ле Пен утверждает, что «в наших интересах укреплять отношения между Россией и Францией. Я очень удивлена тем, что сейчас в Европейском союзе была объявлена, своего рода, "холодная война" России, что совершенно не соответствует тем традиционным дружеским отношениям, которые складывались между нашими странами, не соответствует интересам экономики, нашей страны и стран Европейского союза и вредит дальнейшему развитию отношений между нашими странами» [14].

Особое внимание французские националисты склонны уделять проблемам европейской интеграции, которая в их рядах вызывает не самые положительные эмоции.

Отправная точка внешнеполитической доктрины французских националистов — евроскепсис. Агитация за выход из ЕС и отказ от выполнения экономических требований Брюсселя находит в обществе отклик не только из-за утраты Францией «суверенитета», но и в силу нарастания социальных проблем. Уровень безработицы в республике достиг 10,4 процента в третьем квартале 2014 года — при обозначившемся спаде экономики в первом полугодии. Впервые за несколько лет страна столкнулась с отрицательным внешнеторговым балансом [5].

Марин Ле Пен проявила себя как последовательный критик самой идеи Европейского Союза в том виде, в котором он существует на современном этапе. Она подчеркивает, что ее целью является «полное преобразование Европы, а следовательно - демонтаж Евросоюза. Самый главный вопрос заключается в том, можно ли улучшить Европейский союз, можно ли его усовершенствовать. Я в это не верю. Мне кажется, что он подобен Советскому Союзу, если угодно. Безусловно, можно сохранить Евросоюз, если он вернет государствам суверенитет, позволит восстановить внутренние границы, откажется от евро. Хорошо, но это уже не будет Евросоюзом. Это все равно, как если бы в Советском Союзе были разрешены право на частную собственность, свобода создания политических партий. Это все было бы очень хорошо, но это уже не был бы Советский Союз. И в нашем случае примерно то же самое. Поэтому я считаю, что необходимо демонтировать эту структуру и построить «Европу наций», о которой мы говорили» [19].

Выступая против идеи европейской интеграции в целом, Марин Ле Пен столь же отрицательно относится и ее экономическому уровню, выступая против евро как единой валюты, так как «она надежна. Поскольку она таковой не является, мы все время занимаемся тем, что «спасаем» ее. Мы все время латаем ее, и с каждым разом это становится все дороже и дороже. Счет идет на десятки миллиардов евро. Франция уже взяла в долг 70 млрд евро - только чтобы спасти евро. И это все отнюдь не надежно. Это ужасное бремя для нашей экономики, для экспорта, для трудоустройства... Считаю, что нужно отказаться

от этой валюты. Можно сохранить ее как некую общую валюту, но не как единую. И здесь мы тоже будем убеждать. И французские избиратели, и экономические круги Франции начали менять свое мнение по вопросу евро. Но мы должны убедить еще и наших соседей. И там тоже есть сдвиги в положительную сторону. Уже сейчас есть движение в Германии, Италии, завтра этого же можно ожидать в Испании и Португалии. Я в этом убеждена. Франция должна быть свободной, независимой страной, которая не принимает приказов ни от кого - ни от Вашингтона, ни от Берлина, ни от кого-либо еще» [24, 25].

Кроме этого, французские националисты ратуют за ревизию и сокращение достижений интеграции, выступая, например, за восстановление в случае необходимости процедуры таможенного досмотра при пересечении границ в рамках ЕС. Марин Ле Пен, например, утверждает, что «руководители ЕС настолько верны догме свободного движения людей и товаров, что идея национального приграничного контроля рассматривается как ересь» [20; 22].

Поэтому, французские националисты выступают за изменение сложившейся миграционной политики. Жан-Мари Ле Пен, например, подчеркивает, что «все французские правительства, левые или правые, допускали иммиграцию и даже поощряли ее. Каждый год прибывает триста тысяч человек и отнюдь не в поисках работы. На социальные пособия во Франции живут от 6 до 8 миллионов человек, что говорит о том, что эта иммиграция — не гастарбайтерская, рабочая, а завоевательная. Это результат общего христианского и европейского декаданса. Европа запретила границы внутри ЕС. И теперь с юга, который никто не защищает, к нам во Францию просачиваются сотни тысяч человек. Это выглядит как внутри-европейское предательство» [2].

Французский национализм на современном этапе отличается значительным недоверием и скептицизмом относительно перспектив развития европейского интеграционного процесса. Марин Ле Пен, например, подчеркивает: «Мы убеждены, что правительство не в состоянии решить нависшие над Францией проблемы» [30], подчеркнув, что «проблемы во многом происходят от ЕС, Поэтому мы предлагаем обратиться к французским избирателям... относительно диктата Брюсселя» [35]. Именно с ЕС французские националисты связывают угрозы Франции: «потеря нашего суверенитета в бюджетных вопросах чувствуется каждый день. Менее чем за месяц президент дважды писал в Европейскую комиссию (27 октября и 21 ноября), чтобы оправдаться и взять на себя новые обязательства. Закон Маркона, который кабинет министров представит уже 10 декабря, будет направлен на то, чтобы соответствовать требованиям Еврокомиссии, в частности докладу Пизани-Ферри/Эндерляйн, а это ведет к регулированию, направленному на снижение затрат и социальных пособий» [5].

Несмотря на то, что на последних выборах в Европарламент в 2009 году Национальный фронт занял лишь шестое место в списке партий от Франции, Марин Ле Пен не только сумела значительно укрепить свои позиции

(представители НФ сумели пройти во французский парламент.) на волне экономического кризиса и уже на президентских выборах весной 2012 года составила серьезную конкуренцию лидерам избирательного марафона социалисту Франсуа Олланду и бывшему тогда президенту Николя Саркози, но и стать одним из наиболее заметных критиков и оппонентов властей.

Подводя итоги настоящего обзора политической идеологии «Национального фронта», представленной в публикациях и выступлениях Марин Ле Пен, во внимание следует принимать несколько факторов, а именно:

- на современном этапе политическая программа французского национализма носит синтетический характер, сочетая в себе элементы различных идеологий – от национализма до популизма с периодическими попытками актуализации социальных проблем, которые традиционно во французском обществе дебатировались левыми политическими партиями;

- генетически политическая программа современного «Национального фронта» связана как традиционным французским национализмом в его республиканской версии, так и более отдаленными историческими предшественниками представленными крайне правыми французскими нацистскими группировками и течениями;

- в современной идеологии французского национализма особое место занимает антиамериканская риторика, что следует рассматривать как проявление преимущественно гражданского и политического характера французского национализма, связанного с разного рода комплексами и фобиями, соотносящимися с утратой национальной идентичности и эрозией государственного суверенитета в условиях конкуренции с более активными внешнеполитическими игроками, к которым следует относить США и ФРГ;

- важную роль в современной программе французских националистов играет и этнический национализм, актуализированный форме антииммиграционной и антиимгрантской риторики, направленной против тех групп, которые с религиозной и языковой точки зрения отличаются от французов и представляют угрозу французской идентичности.

В целом, политическая и идеологическая программа современного французского национализма отличаются сложностей, одновременным сосуществованием нескольких уровней в предлагаемой политической платформе. Перспективы и общие направления развития французского национализма на современном этапе продолжают оставаться неясными, что в контексте несомненной политической роли национализма в общественной жизни Франции, придает значительную актуальность его дальнейшему изучению.

Библиографический список

1. Poutine et le FN: révélations sur les réseaux russes des Le Pen [Электронный ресурс]. – URL: <http://tempsreel.nouvelobs.com/politique/20141024.OBS3131/poutine-et-le-fn-revelations-sur-les-reseaux-russes-des-le-pen.html>
2. Жан-Мари ле Пен - «КП»: Нам нужна единая Европа от Парижа до Владивостока. Или мы станем колонией США [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.kp.ru/daily/26329.4/3212604/>
3. Жан-Мари Ле Пен приехал в Москву к другу Глазунову... и не только [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.right-world.net/news/3852>
4. Жан-Мари ле Пен: Нам нужна единая Европа от Парижа до Владивостока [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.right-world.net/news/3903>
5. За Москву и против Брюсселя. Внешнеполитические устремления Марин Ле Пен [Электронный ресурс]. – URL: <http://lenta.ru/articles/2014/12/09/fpnf>
6. Интервью «Однако». Марин Ле Пен: «Франция давно уже не свободная страна» [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.odnako.org/blogs/intervyu-odnako-marin-le-pen-franciya-davno-uzhe-ne-svobodnaya-strana/>
7. Комитет ЕП проголосовал за лишение Марин Ле Пен неприкосновенности [Электронный ресурс]. – URL: <http://ria.ru/world/20130620/944629696.html>
8. Ле Пен потребовала, чтобы Париж выполнил контракт с РФ [Электронный ресурс]. – URL: <http://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/1530741>
9. Ле Пен призывает восстановить границы между странами ЕС [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.right-world.net/news/3385>
10. Ле Пен: Патриотическая модель экономики Путина вызывает восхищение [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.right-world.net/news/3822>
11. Ле Пен: победа СИПРИЗА - чудовищная демократическая пощечина Евросоюзу [Электронный ресурс]. – URL: <http://ria.ru/world/20150126/1044293248.html>
12. Лидера Национального фронта Марин Ле Пен могут привлечь к уголовной ответственности [Электронный ресурс]. – URL: <http://tass.ru/glavnie-novosti/590721>
13. Лидера НФ Марин Ле Пен могут посадить в тюрьму [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.right-world.net/news/3395>
14. Марин Ле Пен выступила против «холодной войны» с Россией [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.right-world.net/news/3548>
15. Марин Ле Пен грозит суд за антиисламские высказывания [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.right-world.net/news/3008>
16. Марин Ле Пен назвала Олланда «лживым рохлей» [Электронный ресурс]. – URL: <http://riafan.ru/159415-marlin-le-pen-nazvala-ollanda-lzhivym-rohley/>
17. Марин Ле Пен назвала Путина единомышленником [Электронный ресурс]. – URL: <http://vz.ru/news/2014/5/18/687298.htm>
18. Марин Ле Пен нашла деньги для своей партии у российского банка [Электронный ресурс]. – URL: <http://top.rbc.ru/politics/23/11/2014/5470ff32cbb20f324ca9c87b>
19. Марин Ле Пен о «Мистралах», Украине и Евросоюзе [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.right-world.net/news/3700>
20. Марин Ле Пен об украинском кризисе: мы ведем себя, как слуги США [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.right-world.net/news/3947>
21. Марин Ле Пен оценила ущерб для Франции от срыва контракта по «Мистралю» [Электронный ресурс]. – URL: <http://top.rbc.ru/politics/04/09/2014/947002.shtml>

22. Марин Ле Пен потребовала, чтобы Париж выполнил контракт на поставку «Мистралей» РФ [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.right-world.net/news/3847>
23. Марин Ле Пен: «Европейский народ не хочет видеть Украину в Евросоюзе» [Электронный ресурс]. – URL: <http://ru.rfi.fr/ukraina/20140304-marin-le-pen-evropeiskii-narod-ne-khochet-videt-ukrainu-v-evrosoyuze/>
24. Марин Ле Пен: «Моя цель – полное преобразование Европы» [Электронный ресурс]. – URL: <http://tass.ru/opinions/interviews/1599708>
25. Марин Ле Пен: «Я не хочу этого Европейского советского союза» [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.right-world.net/news/3730>
26. Марин Ле Пен: Международная политика Франции зависит от США [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.right-world.net/news/3501>
27. Марин Ле Пен: Турцию нельзя принимать в ЕС [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.right-world.net/news/3653>
28. Марин Ле Пен: Я выведу Францию из НАТО [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.right-world.net/news/3569>
29. Минюст Франции обратился в Европарламент с запросом о лишении националистки депутатской неприкосновенности [Электронный ресурс]. – URL: <http://izvestia.ru/news/541447#ixzz3Rj9TmaG6>
30. Оппозиция потребовала от Олланда провести референдум по вопросу выхода Франции из ЕС [Электронный ресурс]. – URL: <http://tass.ru/politika/568882>
31. Партия Марин Ле Пен получила кредит в российском банке [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.right-world.net/news/3857>
32. Патриотическая модель экономики Путина [Электронный ресурс]. – URL: <http://vz.ru/news/2014/9/8/704550.html>
33. Путин и «Национальный фронт» [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.right-world.net/news/3853>
34. Путин и "Национальный фронт": разоблачение российских связей Ле Пена [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.inopressa.ru/article/27oct2014/nouvelobs/le-pen.html>
35. Франция давно уже не свободная страна [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.right-world.net/news/3431>
36. Франция для французов: националисты не хотят жить в ЕС [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.right-world.net/news/3231>
37. Французская ультраправая партия под угрозой запрета из-за гибели антифашиста [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.right-world.net/news/3402>

ПОЛИТИКА И ОБЩЕСТВО В РОССИИ И МИРЕ: ПРОЦЕССЫ И ИНСТИТУТЫ

М.В. Кирчанов

Концепты ფეოდალიზმი (feodalizmi) и პატრონჰობა (patronqoba) в историографии грузинского феодализма: социально-экономические перспективы и измерения

Автор анализирует восприятие концепта «феодализм» в историографии. Статья сфокусирована на проблемах грузинской историографии феодализма. В грузинской академической и исторической традиции «феодализм» известен как ფეოდალიზმი (feodalizmi) и პატრონჰობა (patronqoba). Термин ფეოდალიზმი (feodalizmi) является грузинской версией термина «феодализм», а определение პატრონჰობა (patronqoba) используется для анализа отношений сюзеренитета и вассалитета, различных форм социальной, экономической и политической зависимости. Автор полагает, что феномен грузинского феодализма необходимо анализировать в европейском историческом контексте. Грузия в период Средних Веков была неотъемлемой частью западной цивилизации, но обладала ярко выраженной региональной спецификой.

Ключевые слова: Грузия, феодализм, Средние века, историография, ფეოდალიზმი (feodalizmi), პატრონჰობა (patronqoba)

The author analyzes the perception of "feudalism" concept in historiography. The article is focused on problems of Georgian historiography of feudalism. The "feudalism" in Georgian academic and historical tradition is known as ფეოდალიზმი (feodalizmi) and / or პატრონჰობა (patronqoba). The term ფეოდალიზმი (feodalizmi) is a Georgian version of "feudalism" definition and პატრონჰობა (patronqoba) is used to analyze the relations of suzerainty and vassalage, various forms of social, economic and political dependence. The author presumes that the phenomenon of Georgian feudalism should be analyzed in the European historical context. Georgia during the Middle Ages was an integral part of Western civilization, but it had regional features and peculiarities.

Tags: Georgia, feudalism, Middle Ages, historiography, ფეოდალიზმი (feodalizmi), პატრონჰობა (patronqoba)

Традиционно феодализм, точнее – Средние Века – воспринимается, воображается и позиционируется как период в истории между античностью и Новым временем. Нередко сами термины «феодализм» и «Средние Века» (с возможными вариациями и производными) не только, по словам А.Я. Гуревича, употребляются не совсем корректно [33], но и используются как синонимы, а понятие «феодализм» стало настолько универсальным, что этот этап находят в истории большинства регионов – от Западной Европы до Японии, но ситуация не столь однозначна, как могло бы показаться. Для историографии, как современной, так и классической, характерно низведение феодализма до почти исключительно поземельных отношений, что сделало сам концепт «феодализм» аморфным и в значительной степени размытым. Комментируя

историографическую ситуацию, П.Ю. Уваров, признающий «большие сложности» [38] с самим понятием «феодализм», подчеркивает, что «земельные пожалования за службу существовали в большинстве регионов Старого света, и внеэкономическое принуждение непосредственных производителей было настолько распространено, что позволяет говорить об универсальности “феодального способа производства”» [39]. И хотя «в глазах поколений историков феодализм является основополагающим понятием общественного быта Средневековья» [34], тем не менее на протяжении XX века среди историков не только имели место дискуссии и дебаты относительно феодализма, но одновременно росло недоверие к этому, претендующему на универсальность, термину. Комментируя ситуацию, российский историк П.Ю. Уваров подчеркивает, что «о том, что такое феодализм, отечественные медиэвисты, кажется, перестали всерьез раньше, чем распался СССР... в западной историографии это понятие трудно назвать самым актуальным... немало обобщающих работ по средневековой истории вообще обходятся без этого термина» [40, с. 5 – 10].

Изучение истории грузинского феодализма, вопросов его генезиса, типологии, места в большом дискурсе европейского феодализма имеет свою историю. В грузинской научной литературе для обозначения феодализма используется два термина – ფეოდალიზმი (peodalizmi) и პატრონაჟობა (patronqoba), которые соответственно являются калькой с французского и грузинским вариантом описания одной из системных характеристик феодального общества, связанной с развитием отношений вассалитета. Наибольшие заслуги в изучении истории грузинского феодализма имеет, разумеется, грузинская историография. Первые попытки описания истории феодальной Грузии имели место в дореволюционной грузинской историографии, хотя всестороннее изучение феодализма как исторического явления началось в советской грузинской исторической науке, которая была составной частью большой советской историографической традиции. Поэтому, восприятие феодализма в советской грузинской историографии несло на себе все родовые травмы советского исторического канона и модели исторического знания. Феодализм в рамках советского исторического воображения, как правило, воспринимался в категориях советской версии социально-экономической и политической истории, редуцировался до нескольких проблем, связанных со средневековой историей.

Создателем советской историографии грузинского феодализма, вероятно, был Симон Джанашиа [19 – 23], описавший феномен феодализации и проанализировавший основные особенности грузинской модели феодализма. Советских историков интересовали вопросы генезиса феодализма, его истории и типологии, но советские восприятия нередко оставались в значительной степени идеологическими или идеологически выверенными. В работах советских грузинских историков и историков современной Грузии пребывает широкий круг проблем, связанных с проблемами истории феодальной Грузии. Советские и современные грузинские историки, рассматривая феномен грузинского феодализма, неоднократно обращались к вопросам источниковедения

феодальной эпохи [3], анализировали социально-экономические [7; 14] и политические отношения в феодальном обществе [9], историю отношений феодальной Грузии с соседними государствами [19], вопросы аграрной истории средневековой Грузии [6], различные аспекты формирования централизованного государства в условиях роста внешнеполитических угроз [13], специфику развития отношений вассалитета и феодальных сеньорий [8; 11], народные и протестные движения [10], региональные особенности в развитии феодализма [18], проблемы крепостничества в контексте развития царского домена [17] и крупного землевладения светских феодальных династий [2], социальные отношения в феодальном обществе [5], феномен средневекового города [16], социальные структуры зрелого (XI – XII вв. [1; 12]) и позднего (XVI – XVII вв. [4]) феодального общества, поземельные отношения и формы эксплуатации непосредственных производителей в позднефеодальном обществе [15]. Число исследований о грузинском феодализме в западной историографии остается крайне незначительным [26; 32]. В советской историографии феодализм традиционно ассоциировался с историей Средневековья, а история феодализма изучалась преимущественно как социальная (в советском) понимание истории, то есть особое внимание уделялось проблемам социально-экономических отношений при феодализме, который воспринимался как одна из формаций в общественном развитии, пребывающая между рабовладением и капитализмом.

Распад Советского Союза спровоцировал значительные изменения в историографии, в том числе – и в восприятии феодализма. Для российских историков стали не только доступны работы западных коллег (хотя они были доступны и в советский период), оно получили возможность перенести, трансплантировать западные интерпретации феодализма на свои собственные штудии. Особую популярность в постсоветской историографии феодализма получили методы, предложенные в рамках французской «школы „Анналов“» и связанные с ней практики изучения средневековой истории. Среди них – «социальная история» [35] – генетически связанная с теоретическими штудиями западноевропейских историков второй половины XX века. По мнению российского историка П. Уварова, «определить социальную историю очень сложно, потому что она как бы все и ничто» [37].

Важность социальной истории была понята английскими историками в 1940-е годы. Один из столпов английской историографии XX века Дж. Трэвэлъян полагал, что «без социальной истории экономическая история бесплодна, а политическая история непонятна» [31; 36]. Одна из первых попыток определения границ «социальной истории» была предпринята в начале 1980-х годов английским историком Г. Перкином, который полагал, что «социальная история не является частью истории, это – вся история, но с социальной точки зрения» [30]. О необходимости определенной социологизации истории, ее последовательной интеграции в более широкие политические, исторические, культурные, религиозные и интеллектуальные контексты прошлого писал и известный английский историк Эрик Хобсбаум [27; 28]. Английский историк Э.

Бриггс в социальной истории был склонен видеть именно «историю общества», которой следует заниматься изучением «структур и процессов» [24], оставаясь при этом всеобщей, тотальной историей.

В западной историографии имели место попытки определить и предметные области социальной истории. Питер Бёрк, рассматривая проблемы социальной истории как некой универсальной матрицы для изучения общества, указал на то, что среди ее приоритетов – изучение именно социальных феноменов и явлений, а именно – история социальных отношений, история социальной структуры, история социальных групп и конфликтов, история классов... [25]. Английский историк Артур Марвик предложил несколько большее количество предметных областей, которыми должна заниматься социальная история. По мнению А. Марвика [29], в рамках социальной истории необходимо изучать социальные классы и структуры, социальные группы и объединения, социальные отклонения, различные социальные и политические институты, ценности и идеи.

Для восприятия Г. Перкина и большинства других европейских и американских историков характерна попытка превратить социальную историю в общий, «большой», фон истории, что позволяет ей стать интеграционной площадкой для синтеза тех сведений, которые возникли и были получены в рамках изучения более частных областей истории, в том числе – и грузинского феодализма. С другой стороны, историография грузинского феодализма, в том числе и советская, уделяла значительное внимание тем проблемам, которые в первой половине 1980-х годов сформулировал П. Бёрк. При этом социальная история и советская историография феодализма (и не только грузинского) радикально расходились в методологических принципах.

Если социальная история, воспринимаемая как частная форма и вариация той парадигмы, которая была предложена в рамках «школы Анналов» стремилась стать именно всеобщей историей, став методологическим и теоретическим основанием для интеграции собственно социальной, экономической, культурной, религиозной и политической истории, то советская историография феодализма (в том числе – и грузинского) явно не отличалась синтетическим характером, но в большей степени тяготела к партикуляризму, дроблению и фрагментации исторического знания на специализированные разделы и направления. В подобной ситуации даже обобщающие исследования о феодализме, изданные в советский период, несли родовую печать склонности к партикуляризму – история феодализма конструировалась как в значительной степени фрагментированная, ее разделы были изолированными, а единая картина / версия истории феодализма не возникала, что в большей степени проявлялась в коллективных, претендующих на обобщающий характер, изданиях. В подобной ситуации изучение как историографии, так и различных форм феодализма с ярковыраженной региональной спецификой нуждается в дальнейшем изучении.

Библиографический список

1. აკოფაშვილი გ. ფეოდალური ურთიერთობის ისტორიიდან XI – XII სს. საქართველოში / გ. აკოფაშვილი. – თბილისი, 1984.
2. ბახტაძე მ. სურამელთა ფეოდალური საგვარეულო / მ. ბახტაძე. – თბილისი, 2006.
3. ბერძნიშვილი მ. ფეოდალური ხანის საქართველოს ისტორიის წერილობითი წყაროები (წყაროთმცოდნეობითი გამოკვლევები) / მ. ბერძნიშვილი. – თბილისი, 1989.
4. გაბაშვილი ვ. ქართული ფეოდალური წყობილება XVI – XVII საუკუნეებში: შედარებითი შესწავლის ცდა / ვ. გაბაშვილი. – თბილისი, 1958.
5. გვრიტიშვილი დ. ფეოდალური საქართველოს სოციალური ურთიერთობის ისტორიიდან: ქართლის სათავადოები / დ. გვრიტიშვილი. – თბილისი, 1955.
6. გოგოლაძე დ. ქართული სოფელი ფეოდალიზმის ხანაში (VI – XVIII სს.): სტრუქტურა და შინაგანი ორგანიზაცია / დ. გოგოლაძე. – თბილისი, 1992.
7. დონდუა ვ. საისტორიო ძიებანი. ფეოდალური საქართველო / ვ. დონდუა. – თბილისი, 1967.
8. ლომინაძე ბ. ქართული ფეოდალური ურთიერთობის ისტორიიდან: სენიორიები (ბიჭვინთის VI – XVIII სს, გარეჯის XVI – XVII სს) / ბ. ლომინაძე. – თბილისი, 1966.
9. ლორთქიფანიძე მ. ფეოდალური საქართველოს პოლიტიკური გაერთიანება (IX – X) / მ. ლორთქიფანიძე. – თბილისი, 1963.
10. მეგრელაძე დ. გლეხობის კლასობრივი ბრძოლა ფეოდალურ საქართველოში / დ. მეგრელაძე. – თბილისი, 1979.
11. მელიქიშვილი გ. ფეოდალური საქართველოს პოლიტიკური გაერთიანება და საქართველოში ფეოდალურ ურთიერთობათა განვითარების ზოგიერთი საკითხი / გ. მელიქიშვილი. – თბილისი, 1973.
12. მეტრეველი რ. ნარკვევები ფეოდალური საქართველოს ისტორიიდან: XI – XII ს. / რ. მეტრეველი. – თბილისი, 1972.
13. პაპასქირი ზ. ერთიანი ქართული ფეოდალური სახელმწიფოს წარმოქმნა და საქართველოს საგარეო პოლიტიკური მდგომარეობის ზოგიერთი საკითხი / ზ. პაპასქირი. – თბილისი, 1990.
14. სოსელია ო. ფეოდალური ხანის დასავლეთ საქართველოს ისტორიიდან: სათავადოების სისტემა / ო. სოსელია. – თბილისი, 1966.
15. ძიძიგური გ. საკუთრებისა და ექსპლუატაციის ფორმები ფეოდალურ საქართველოში (XVIII საუკუნე) / გ. ძიძიგური. – თბილისი, 1988.
16. ჭილაშვილი ლ. ქალაქები ფეოდალურ საქართველოში / ლ. ჭილაშვილი. – თბილისი, 1968.

17. ხიდურელი ზ. ფეოდალური მიწათმფლობელობა XV – XVIII საუკუნეების აღმოსავლეთ საქართველოში (სამეფო დომენი) / ზ. ხიდურელი. - თბილისი, 1989.
18. ხომტარია-ბროსე ე. ფეოდალური ხანის საქართველოს მთისა და ბარის ურთიერთობის საკითხები: ისტორიოგრაფიული და წყაროთმცოდნეობითი ძიებანი / ე. ხომტარია-ბროსე. - თბილისი, 1984.
19. ჯამბურია გ. ქართული ფეოდალური ურთიერთობის ისტორიიდან: სომხეთ-საბარათიანოს სათავადოები / გ. ჯამბურია. - თბილისი, 1955.
20. ჯანაშია ს. საქართველო ადრინდელი ფეოდალიზაციის გზაზე / ს. ჯანაშია. - თბილისი, 1937.
21. ჯანაშია ს. აღმოსავლურ-ქართული სახელმწიფოს უძველესი კულტურულ-პოლიტიკური ცენტრების საკითხისათვის (ავტორი) / ს. ჯანაშია // ენის, ისტორიისა და მატერიალური კულტურის ინსტიტუტის (ენიმკის) მოამბე. - თბილისი, 1942. - ტ. 13. - გვ. 243 – 257.
22. ჯანაშია ს. საქართველოს ისტორია უძველესი დროიდან მე-13 ს-მდე / ს. ჯანაშია // ტფილისის სახელმწიფო უნივერსიტეტის შრომები V. - ტფილისი, 1936. - გვ. 61 – 76.
23. ჯანაშია ს. ფეოდალური რევოლუცია საქართველოში: ნარკვევი ფეოდალიზმის წარმოშობის ისტორიიდან საქართველოში (ავტორი) / ს. ჯანაშია - ტფილისი, 1935.
24. Briggs P. A Social History of England / P. Briggs. – L., 1983.
25. Burke P. Sociology and History / P. Burke. – L., 1980.
26. Charachidzé G. Introduction à l'étude de la féodalité géorgienne: le Code de Georges le Brillant / G. Charachidzé. – Paris: Librairie Droz, 1971.
27. Hobsbawm E. From social history to the history of society / E. Hobsbawm // Daedalus. – 1971. – Vol. 100. – No 1. – P. 20 – 45.
28. Hobsbawm E. The contribution of history to social science / E. Hobsbawm // International Social Science Journal. – 1981. – Vol. XXXIII. – No 4. – P. 631 – 636.
29. Marwick A. British society since 1945 / A. Marwick. – Harmondsworth, 1980.
30. Perkin H. The structured crowd: Essays in English social history / H. Perkin. – Sussex, 1981.
31. Trevelyan G.M. The Social History of England / G.M. Trevelyan. – L., 1944.
32. Tuite K. Real and imagined feudalism in Highland Georgia / K. Tuite [Электронный ресурс]. – URL: <http://mapageweb.umontreal.ca/tuiteki/publications/Tuite-1999-feudalism.pdf>
33. Гуревич А.Я. «Феодальное Средневековье»: что это такое? Размышления медиевиста на грани веков / А.Я. Гуревич // Одиссей 2002 / гл. ред. А.Я. Гуревич. – М., 2002. – С. 261 – 293.
34. Дубровский И.В. Как я понимаю феодализм / И.В. Дубровский // Одиссей 2006. Феодализм перед судом историков / гл. ред. А.Я. Гуревич. – М., 2006.
35. Репина Л.П. «Новая историческая наука» и социальная история / Л.П. Репина. – М., 2009.
36. Тревельян Дж. Социальная история Англии / Дж. Тревельян. – М., 1959.

37. Уваров П. Реванш социальной истории / П. Уваров [Электронный ресурс]. – URL: <http://polit.ru/article/2010/03/23/history/>
38. Уваров П. Феодализм как понятие / П. Уваров [Электронный ресурс]. – URL: <http://postnauka.ru/video/7757>
39. Уваров П.Ю. XII столетие и секрет Средневекового Запада: обретение форм / П.Ю. Уваров // Средние Века. – 2013. – Вып. 74 (3 – 4). – С. 42 – 59.
40. Уваров П.Ю. В поисках феодализма / П.Ю. Уваров // Одиссей 2006. Феодализм перед судом историков / гл. ред. А.Я. Гуревич. – М., 2006. – С. 5 – 10.

Российская власть и общество в контексте новейшей истории в дискурсе блогов

Автор анализирует проблемы национализма и регионализма в дискурсе российского интернета. Интернет играет роль открытого и свободного пространства для обсуждения проблем наций, национализма, исторического и политического воображения. Блоги относятся к числу виртуальных ресурсов, которые дают возможности актуализации национальной проблематики.

Ключевые слова: интернет, блоги, национализм, идентичность

The author analyzes the problems of nationalism and regionalism in the discourse of Russian Internet. Internet plays the role of free and opened virtual space for discussion and debates on problems of nations, nationalism, historical and political imagination. Blogs are among the virtual resources that allow to update and actualize national issues.

Keywords: internet, blogs, nationalism, identity

Начало 2000-х годов ознаменовалось расцветом Интернет-активности в России. Площадкой для дискуссий становятся сетевые сообщества (сеть Вконтакте), специализированные аналитические сайты (например, polit.ru), ЖЖ-сообщество. Контент данных ресурсов применительно к теме современной российской власти весьма широк: в Сети можно найти самые разные взгляды и их трактовки – от ультралиберальных до национал-патриотических и откровенно экстремистских. Нам представляется, что авторы подобных материалов в реальной жизни могут не быть связанными с теми темами, на которые они пишут. Именно поэтому мы предприняли попытку отсеять потенциально низкокачественный контент, обратив внимание на материал исследователя, занимающегося проблемами становления современной российской действительности в академическом ключе. Подобный формат удобен тем, что не только позволяет сохранить анонимность (ЖЖ можно в любой момент удалить или скрыть записи, назвать журнал можно каким угодно именем), но и избежать издержек, связанных с трансляцией собственного мнения (к примеру, не нужно платить за публикацию).

Настоящая статья посвящена отражению современных проблем в ЖЖ широкой гуманитарной направленности. Основные темы изучаемого блога – особенности русского национализма; отношения центр / периферия (регионы РФ); русский расизм; пути развития русской идеи, а также проблемы, связанные с переосмыслением отечественной истории (вопросы преподавания истории России в высшей и средней школе). Пользователь большое внимание уделяет проблемам транзитного российского общества, в частности проблемам

становления национализма на территории РФ. Анализируя идею русского национализма, пользователь приходит к некоторым выводам, суть которых можно определить так: российский национализм не сложился по целому ряду причин, вместо этого существуют местные регионализмы и, наконец, российский национализм как явление политического (гражданского) толка в большей степени маргинален. Остановимся подробнее на некоторых из означенных сюжетов.

Комментируя особенности становления политического национализма в Российской Федерации 2000-2010 годов, пользователь подчёркивает, что «современные европейские и американские национализмы и традиции – исторические ровесники. На их фоне региональные инициативы российских националистов пребывают в зачаточном состоянии» [1]. Регионы, по мнению пользователя, потенциально могут внести некий вклад в дело формирования русского национализма, однако произойдёт это, вероятно, нескоро: «...исторический ресурс в русских регионах относится к числу пока спящих не востребуемых ресурсов, но нельзя исключать возможной актуализации этого исторического уровня идентичности в будущем» [1]. В случае надлежащего развития идей национализма и грамотного использования их «на местах» существует опасность отделения национальных регионов от Федерации, и обращение к истории, историческое самосознание может сыграть в этом далеко не последнюю роль: «История может быть использована для легитимации сепаратизма, формирования и оправдания нового политического пространства» [1]. Автор утверждает, что на сегодняшний день история России – это «история столиц» [2], «история Москвы», местные же, локальные истории остаются за рамками формирования государственной, общенациональной истории.

Продолжая развивать тезис о роли национализма в современной России, пользователь утверждает, что «в реальной (политической и экономической) жизни роль националистов в современной России минимальна. ...Именно Интернет содействует политической актуализации национализма...» [3] - имея в виду виртуализацию явления национализма в нашей стране. Безусловно, этот тренд формирует свою «целевую аудиторию», искажая само понятие национализма, приписывая ему отчасти ругательный смысл. В России «немодно» или даже опасно полагать себя националистом: «Русский национализм... усилиями московских элит подвергнут принудительной маргинализации» [4]. По мнению автора, политические элиты в России на протяжении 2000-х годов, тоскуя по советскому прошлому, пытались возродить имперские настроения среди населения, в подобных условиях для национализма в его академической (и политической) трактовке отводилась минимальная роль. Модернистский тренд в исследовании национализма поэтому занял определённую нишу в академических кругах, не став магистральным трендом. Национализм в России принял форму регионализма, став локальной версией истории, что чревато сепаратистскими и экстремистскими настроениями, дестабилизацией социальной структуры российского общества. Современный российский национализм на официальном уровне, по мнению

пользователя, принял форму дореволюционного великодержавного шовинизма, погромных идей и почвенничества. В качестве доказательства пользователь приводит достаточное количество примеров, иллюстрирующих данный тезис: восприятие выходцев из кавказских республик (субъектов Российской Федерации) жителями русских (русскоязычных) областей в большей степени негативно, то же верно и для выходцев из независимых государств Средней Азии, входивших в состав СССР. На бытовом уровне эти люди в сознании русских становятся маргиналами, даже если фактически таковыми не являются. Избавиться от подобной клишированности чрезвычайно непросто: при виде лица кавказской национальности житель средней полосы России чаще представляет себе не мудрого аксакала-наставника молодого поколения, а дерзкого и наглого студента-«целевика» [5] на «крутой» иномарке, подаренной ему родителями. По-видимому, подобная перцепция Другого верна в отношении не только старшего поколения / людей среднего возраста, но и молодых людей: девушки 18-20 лет могут жаловаться на некорректное поведение выходцев из Средней Азии, проживающих на одной территории вместе с русскими. Нам представляется, что подобным трендам в восприятии вскоре окажутся подвергнуты и другие выходцы с постсоветского пространства: украинцы в свете недавних событий оказываются под прицелом отрицательных настроений некоторой части российского общества (образ нетрезвого украинского мародёра-солдата).

Возвращаясь к сюжету, связанному с восприятием Кавказа в России, пользователь отмечает, что «там [на Кавказе – А.Д.] возникла российская модель империализма и колониализма», однако «российский колониализм уродливо деформирован» и предлагает собственный вывод: «Кавказ в РФ – источник ориентализации России» [5]. Возможно, автор журнала не рассматривает в данном сюжете прочие т.наз. окраины РФ, и Кавказ для него выступает в образе если не врага, то того, кто, навязывая свои устои на чужой территории, способствует не европеизации, а отставанию («ориентализации») государства. Тем не менее, несмотря ни на что, «национальные субъекты в праве иметь свои НАЦИОНАЛЬНЫЕ [шрифт оригинала – А.Д.] написанные и воображённые истории» [6] - возможно, именно вследствие пробелов в этой сфере в Кавказском регионе происходят те перекосы, о которых мы говорим.

Анализируя итоги социологического опроса по проблеме выбора языка в качестве образовательного ресурса, пользователь приходит к выводу о том, что «молодёжь является наиболее денационализированной частью современного российского общества» [7] и «волна дерусификации и ренационализации в 1990-е годы дала свои результаты» [7]. Молодёжи, как показал опрос, безразлично, на каком языке – русском или национальном – должно вестись образование в национальных республиках РФ. Подобную ситуацию можно связать именно с навязыванием центром политики выравнивания / стирания национальных различий на местах (в национальных регионах), кроме того, не станем упускать из вида то обстоятельство, что на протяжении всей истории Советского Союза происходил процесс создания единой общности – советского человека, при этом

национальные меньшинства в регионах ущемлялись, а национальные языки забывались, как следствие, инерция подчинения общему мнению сохраняется и по сей день. На наш взгляд, современную российскую молодёжь нельзя называть денационализированной в смысле сознания себя как части русского этноса - коннотация «россиянин» гораздо более неоднозначная именно в этническом плане. Россиянином может считать себя каждый получивший российское гражданство; русским надо родиться. Затрагивая тему национального / националистического образования, пользователь предлагает создать интегрированный курс истории, рассчитанный на всестороннее освящение национальных (региональных) историй, высказываясь в пользу регионального образовательного компонента. Пользователь осознаёт всю сложность и противоречивость подобной инициативы. Однако это может способствовать развитию более цивилизованной формы национализма на территории РФ, способствовать выходу из тени тех местных форм национализма (регионализмов), что существуют на сегодняшний день.

Ещё одним сюжетом, небезынтесным с исследовательской точки зрения, может быть сюжет, связанный с обращением к русскому расизму: «Современный расизм ... в современной Российской Федерации как крупнейшей наследнице Советского Союза – это социально-экономический и политический расизм» [8]. Пользователь полагает, что расизм в его изначальной биологической трактовке трансформировался в сторону «зависимости русских областей от федерального правительства – от Москвы» [8]. Под расизмом в этом смысле автор ЖЖ полагает современные формы угнетения населения, это происходит по схеме «центр / периферия», где угнетающий – столичный регион, угнетаемый – российская провинция. Однако не только Московский регион предпочитает жить за счёт других регионов, «но и отдельные российские регионы фактически предпочитают жить за счёт других регионов» [8]. Кто же виноват в сложившейся ситуации? Российское общество на рубеже 1990-х – 2000-х годов не смогло (или не захотело) создать реальные механизмы и институты обеспечения социально-политической и экономической стабильности общества в центре и на местах, оставаясь преимущественно транзитным. Население в такой ситуации выступает пассивным участником социально-политических изменений в стране, полагая себя неспособным к реальному эффективному и результативному политическому диалогу с властью. Люди в основной массе политически пассивны, считают, что «всё решено за них», поэтому нет смысла выражать свои политические предпочтения, участвуя, к примеру, в избирательном процессе. То же можно отметить и в экономическом отношении: люди недоумевают, почему все платят единый налог с заработной платы – однако что-либо предпринимать, чтобы исправить ситуацию, не спешат.

В заключение можно сказать, что ЖЖ-сообщество – неотъемлемая составляющая виртуального пространства и новейшей российской социальной реальности, и каким оно будет через несколько лет, сложно представить. Нельзя не согласиться с тем, что пространство Живого Журнала подвержено по сути тем

же процессам, что и в повседневной реальной жизни. Можно с полной уверенностью утверждать, что те тенденции, о которых мы говорили в начале настоящей статьи, сохранятся в прежнем виде без существенных изменений.

Библиографический список

1. mkyrchanoff, Изобретение регионального / mkyrchanoff [Электронный ресурс]. – URL: <http://mkyrchanoff.livejournal.com/137365.html>
2. mkyrchanoff, Первая эпистола о краеведении и истории России / mkyrchanoff [Электронный ресурс]. – URL: <http://mkyrchanoff.livejournal.com/4496.html>
3. mkyrchanoff, Коммерциализация идентичности / mkyrchanoff [Электронный ресурс]. – URL: <http://mkyrchanoff.livejournal.com/137054.html>
4. mkyrchanoff, Капитализм vs регионализм: российские реалии / mkyrchanoff [Электронный ресурс]. – URL: <http://mkyrchanoff.livejournal.com/136884.html>
5. mkyrchanoff, Экзаменационно-колониальное / mkyrchanoff [Электронный ресурс]. – URL: <http://mkyrchanoff.livejournal.com/109975.html>
6. mkyrchanoff, Снова о русском империализме / mkyrchanoff [Электронный ресурс]. – URL: <http://mkyrchanoff.livejournal.com/92714.html>
7. mkyrchanoff, Национальные языки и образование / mkyrchanoff [Электронный ресурс]. – URL: <http://mkyrchanoff.livejournal.com/19541.html>
8. mkyrchanoff, Неомарксистское, или только показалось / mkyrchanoff [Электронный ресурс]. – URL: <http://mkyrchanoff.livejournal.com/103950.html>

Постмодернистские метаморфозы власти: М. Фуко и Ж. Бодрийяр

В статье рассматриваются постмодернистские концепции власти М. Фуко и Ж. Бодрийяра, представляющие собой своеобразную эволюцию феномена власти от ее понимания как пронизывающей социальную реальность репрессивной силы (М. Фуко) до полной утраты ею собственной сущности и превращения в симулякр (Ж. Бодрийяр).

Ключевые слова: постмодернизм; власть; симулякр.

The article deals with M. Foucault's and J. Baudrillard's postmodern conceptions of power which represent an evolution of the power from its representation as a repressive force penetrating social reality (M. Foucault) before full loss of own essence by it and its transformation into a simulacrum (J. Baudrillard).
Keywords: postmodernism; power; simulacrum.

Постмодернистская концепция власти М. Фуко представляет собой попытку критического осмысления феномена власти, противостоящего традиционному подходу, трактующему власть как стоящую «над» репрессивную подавляющую силу, имеющую определенный источник, четкую направленность и объект воздействия. С точки зрения М. Фуко, традиционный подход к власти требует пересмотра, поскольку не дает возможности адекватно объяснить ни природу, ни современные стратегии и технологии власти.

Указывая на отсутствие адекватного знания о феномене власти, М. Фуко замечает: «...быть может, мы еще не знаем, что такое власть. Не хватит ни Маркса, ни Фрейда, чтобы помочь нам познать эту столь загадочную вещь, одновременно и видимую, и невидимую, присутствующую и скрытую, инвестированную повсюду, которую мы называем властью. Ни теория государства, ни традиционный анализ государственных аппаратов не исчерпывают поля действия и осуществления власти. Перед нами великое неизвестное: кто осуществляет власть? И где она осуществляется?» [5, с. 74].

Кроме того, проблемой оказывается недостаток знаний о механизмах, субъектах и объектах власти, а также формах ее проявления. Поэтому «надо было бы узнать, до каких пределов, через какие передаточные механизмы и в каких, часто самых ничтожных инстанциях иерархии, контроля, надзора, запрета и принуждения осуществляется власть. Ибо повсюду, где есть власть, она осуществляется. И собственно говоря, никто не является ее обладателем, но, тем не менее, она осуществляется всегда в определенном направлении, когда одни находятся по одну сторону, а другие по другую, и мы не знаем, у кого она есть, но мы знаем, у кого ее нет» [5, с. 74-75].

Сравнивая свою теорию власти и ее традиционное понимание, М. Фуко отмечает, что отличие заключается не в теории как таковой, а в ее предмете и точке зрения на нее. Обычно теория власти говорит на языке права и ставит

вопросы о ее легальности, легитимности, границах и происхождении. Исследования же М. Фуко обращаются к техникам и технологии власти: он сосредотачивается на изучении того, как, посредством каких механизмов власть властвует и заставляет себе повиноваться [5, с. 318].

Несмотря на то, что способ организации власти, обеспечивающий ее действенность (в европейских странах), начиная с XVII-XVIII веков изменился, никто не ставил целью осмысление этих изменений. «А ведь общество породило разнообразные способы сопротивления власти, такие, как феминизм, студенческие движения...» [5, с. 318].

В соответствии с поставленной целью и задачами, М. Фуко формулирует собственные гипотезы относительно власти и властных отношений [5, с. 312]:

- во-первых, власть имманентна обществу и «между ячейками ее сети не существует мест изначальной свободы», то есть мы имеем дело с «паутиной» властного дискурса, в которую впутаны все участники социальных взаимодействий;

- во-вторых, пронизывая все сферы общественных отношений, властные отношения играют в них одновременно определяющую и обусловленную роль. Социальное – поле сил, перекресток практик и дискурсов, обладающих отношениями власти. Даже само понятие частной жизни как автономной ставится М. Фуко под сомнение, поскольку человек включен во множество властных отношений с другими людьми (в семье, на работе и т. д.);

- в-третьих, хотя для властного дискурса характерны процедуры запрета и исключения, разделения и отбрасывания (то есть негативно оценивается то, что считается «отклонением от нормы», маргинальным), отношения власти существуют во множестве форм и не следуют «единственной модели запрета или наказания». Именно то, что ее функционирование не сводится к цензурированию и запретам, то, что власть оказывает и положительные воздействия (например, что касается производства знания), делает ее настолько сильной;

- в-четвертых, пересечение отношений власти формирует некую «слаженную и однородную стратегию» власти, а «рассеянные, разнородные и локальные процедуры власти подстраиваются, подкрепляются и преобразуются» этой стратегией;

- в-пятых, отношения власти предполагают ответственное сопротивление ей, причем оно более действенно там, где власть проявляет себя с максимальной силой.

Современная власть, по мнению М. Фуко, власть дисциплинарная, превращающая человека в объект тотального контроля. Для его осуществления она опирается на знание, имеет свою технику и технологию. Власть - неизбежная, тотальная, «всепросматривающая» и вездущая - исходит отовсюду и понимается как «множественность отношений силы, которые имманентны области, в которой они осуществляются, как стратегии, внутри

которых эти отношения силы достигают своей действенности...в государственном аппарате, законах, социальном господстве» [4, с. 192].

Стратегия власти осуществляется как контроль и давление, но давление «скрытое», ощущаемое как беспокойство, бентамовский «взгляд», власть изобретательна и ведет тонкую игру (настолько тонкую, что сопротивление ей, о котором так часто говорит М. Фуко, может рассматриваться как инспирированное ею же).

Власть иррациональна, ее нельзя приобрести, ее нельзя завладеть, она обладает свойствами объективности и проявляется на разных уровнях человеческого существования в интерсубъективном взаимодействии, навязывается индивидуальному сознанию в самых неожиданных проявлениях, от имени разных авторитетов так, что все оказывается эффектом властного дискурса.

Обсуждая вопрос о разнообразных видах власти, Ж. Делез и М. Фуко приходят к выводу, что нахождение их очагов и указание на них как на источники власти могло бы стать первым шагом на пути борьбы против нее: «...мы не можем прикоснуться к какой-либо точке приложения власти, чтобы не столкнуться с рассеянной совокупностью этих точек, которую отныне нельзя не хотеть низвергнуть, взорвать, пусть даже с помощью какого-то ничтожнейшего требования или протеста» [5, с. 75]. М. Фуко замечает: «...мы никогда не можем быть «за пределами власти», но это не означает, что «мы в любом случае ею схвачены»» [5, с. 311].

Однако, проблема состоит в том, что источника власти, с точки зрения М. Фуко, не существует, нет той точки, из которой она исходит, в которой локализуется. Она вездесуща. Ее невозможно захватить или утратить. Она имманентна области, в которой проявляет себя.

М. Фуко считает нелепым утверждение, что само качество технологически развитого общества требует централизованной и неограниченной власти: «Обыкновенно мы придаем государственной власти особую значимость. И многие полагают, что другие формы власти проистекают из нее... Но ...она (государственная власть) на них основана и как раз они позволяют государственной власти существовать. Если мы хотим изменить государственную власть, нужно перестроить те разнообразные отношения власти, которые действуют внутри общества...» [5, с. 320]. М. Фуко утверждает: «Власть – это нечто гораздо более сложное, гораздо более плотное и рассеянное, чем какая-либо совокупность законов или какой-то государственный аппарат» [5, с. 237]. Именно поэтому он осуждает попытки «локализовать» власть и связать ее с функционированием государства или органов государственной власти (армией, полицией, правосудием...).

Одним из актуальных для М. Фуко является соотношение истины и власти. Истина (точнее, истины) принадлежит миру, производится и воспроизводится в нем благодаря правилам и ограничениям, то есть также является эффектом властного дискурса, хранит упорядоченные воздействия власти. «Производство

истин нельзя отделить от власти и механизмов власти, как потому, что эти механизмы власти делают возможными и продуцируют эти производства истин, так и потому, что эти производства истин сами оказывают властные воздействия, которые нас связывают и сковывают» [5, с. 285].

Производство знания – задача интеллектуалов, и политические задачи интеллектуалов надо осмысливать не на языке «науки и идеологии», но с точки зрения «истины и власти».

Учитывая, что производство истины есть своего рода политика власти, главную задачу интеллектуалов М. Фуко видит не в критике сопряженных с наукой идеологических положений и не в следовании правильной идеологии, а в том, чтобы знать, возможно ли установление новой политики истины: «Надо изменять не «сознание» людей или то, что у них в голове, но политический, экономический, институциональный строй производства истины» [5, с. 208]. Именно такая позиция дает возможность, с точки зрения М. Фуко, противостоять власти.

В «Забыть Фуко» (1977) Ж. Бодрийяр предпринимает попытку критического переосмысления основных концептов М. Фуко, хотя он сам заморожен «легко скользящим», «совершенным», «безупречным», поэтичным и мистичным письмом последнего. Дискурс-анализ М. Фуко напоминает солипсистскую картину, поскольку, как отмечает Ж. Бодрийяр, анализ исследуемых им концептов порождает его же текст, открывая все новые пространства – пространства дискурса-власти.

Безусловной заслугой М. Фуко Ж. Бодрийяр называет попытку представить генеративную спираль власти, которая, в отличие от традиционного деспотичного построения, представляется как разворачивающаяся, все заполняющая, «пропитывающая пористую ткань социального, ментального и телесного, едва ощутимая модуляция технологий власти...» [2, с. 37].

Однако, по его мнению, дискурс М. Фуко, есть зеркало описываемых им же стратегий власти. Поэтому главной заслугой последнего он считает не истинность, а именно анализ, который «раскрывает тончайшие грани своего объекта, описывая его с тактильной и в то же время тактической точностью, где аналитическая сила поддерживается силой соблазна и сам язык производит новые виды власти» [2, с. 38]. Ж. Бодрийяр приходит к выводу, что дискурс М. Фуко – не дискурс истины, а в своем роде мифотворчество, и поэтому ошибаются те, кто пытается рассматривать его иначе.

Заслугой М. Фуко, безусловно, является то, что он разоблачает все иллюзии, касающиеся цели и оснований власти. «Власть – это необратимый принцип организации, она производит реальное, все больше и больше реального...и даже если у нее нет конечной цели и окончательного приговора, власть сама становится конечным принципом, она – последнее слово, неустранимое сплетение, последняя история, которую можно рассказать; она то, что образует структуру нерешенного уравнения мира» [2, с. 68]. Власть по-прежнему обращена к принципу реальности и истины, к возможной связи

политики и дискурса. И хотя она, с точки зрения Ж. Бодрийяра, уже не относится к деспотическому строю запрета и закона, она все еще относится к объективному строю реального. Именно следуя этому принципу М. Фуко и описывает последующие спирали власти.

Ж. Бодрийяр не согласен с М. Фуко в том, что тот мистифицирует власть, превращает ее в некую бесплотную, нереальную силу: «...власть у Фуко, даже распыленная, является понятием...необъяснимым в своем присутствии, понятием, которое невозможно превзойти...» [2, с. 67]. С точки же зрения Ж. Бодрийяра, поскольку современное общество отказывается от рационального контроля со стороны государства, а государство уже не в силах этот контроль осуществлять, постольку последнее и прибегает к власти, но не имеющей ничего общего с той мистической силой, которой она предстает у М. Фуко. То, что называют властью, уже не прячется, не маскируется, а открыто используется (зло становится прозрачным и насилие применяется открыто, без ложного чувства стыда).

Кроме того, исчерпывающее знание, «восхитительная картина», которую М. Фуко создает, рассуждая о власти, наводит Ж. Бодрийяра на мысль о прошлом, хронике – о том, что было и уже закончилось. С его точки зрения, «рассеивание» власти М. Фуко – это, скорее, свидетельство ее растворения, самоустранения, симулирования. Власть исчезает, и перед нами предстает уже не власть как таковая, а симулякр власти. Власть – симуляция так же, как «институция власти лишь симуляция институции»: «нет больше акта насилия власти, просто ничего не ни по ту, ни по другую сторону... власть...начинает разрушаться... она не только размельчена, но рассеяна...изнурена обратимостью и смертью» [2, с. 68]. Расширяясь, смывая границы между теми, кто властвует и теми, кто подчиняется, власть разрушается, то есть рассеивание власти у М. Фуко – ее постепенная смерть: «Бесполезно гоняться за властью или говорить о ней до бесконечности, ибо отныне она... стала частью сакрального горизонта кажимостей, она здесь только затем, чтобы скрыть, что ее больше не существует, или, скорее, что после апогея политики начинается спад, другая фаза цикла, обращение власти в собственный симулякр» [2, с. 77].

Когда-то, по мнению Ж. Бодрийяра, власть перестала быть властью символической, чтобы стать политической властью и стратегией господства. Власть была вызовом принять ее всю на себя, до конца – до смерти угнетенных:

«Это вызов власти быть властью: тотальной, необратимой, свободной от угрызений совести, прибегающей к беспредельному насилию». Когда власть отказывается от тотальности вызова, когда она стремится найти истину, субстанцию, репрезентацию (в воле народа и т. д.), тогда она теряет свое могущество, неминуемо начинает рушиться. Более того, сегодня «...никто больше не берет на себя власть и больше не хочет власти, и не в силу какой-то исторической слабости или слабости характера, но потому что ее тайна утрачена и никто больше не хочет принимать брошенный ею вызов...» [2, с. 81].

Власть не существует – в этом ее единственная тайна. Она есть перспективное пространство симуляции, симулякр, и потому она превращается в знаки и измышляет себя, исходя из них. «Когда говорят о власти, это значит, что ее больше нигде нет» [2, с. 86], – говорит Ж. Бодрийяр. Лишь ностальгия по утраченной власти заставляет говорить о ней, но она лишь «эффект желания» обладания ею. Именно поэтому Ж. Бодрийяр приходит к выводу о необходимости отказаться от анализа проблемы власти, не заниматься дискурс-анализом. Освобождение от влияния власти и дискурса – в забвении.

Критика Ж. Бодрийяром М. Фуко продиктована тем, что современное общество – общество, не обладающее более признаками реальности, оно есть общество подобий, симулякров, более того, заменивших их знаков, проникнувших во все сферы общественной жизни и «симулирующих» любые социальные отношения и культурные феномены.

Современное общество – вселенная знаков, а никак не мир реальных вещей и отношений. Человечество оставило поиски смысла, более того, его не только не смущает отсутствие смысла, в нем более не видят необходимости. Поверхностность, простота и «одномерность» – «прозрачным» и не вызывающем смущения или отторжения становится даже зло, утратившее трансцендентность, творимое открыто, без тени смущения, в «высших» интересах.

Не удивительно, что в условиях «тотального уклонения от иска» изменился и властный дискурс, анализом которого занимались многие исследователи, акцентируя, в частности, внимание на мистичности, символичности власти, сложности ее проявлений (например, власть у Р. Барта [1] как вписанная в язык и легитимирующая насилие в любой системе субъект-объектных отношений; иррациональная, вездесущая и имманентная отношениям, обладающая символической природой власть у П. Бурдьё [6, с. 139]; власть в феминистской критике как «заложенная всюду, где она видима хоть в минимальной степени: в быстро умножающейся паутине дискурса; в порождаемых ею социальных и материальных отношениях; в символических отношениях, что она опосредует» [3, с. 21] и т. д.).

Современная же власть, согласно Ж. Бодрийяру, демонстрирует полное отсутствие притязаний на сложность и изящество символического феномена, она отказывается от производимого ранее эффекта «смутного ощущения ее присутствия». Она покончила с тактикой утаивания, управляя отныне языком открытого шантажа.

Сегодняшнее состояние, по словам Ж. Бодрийяра, есть состояние «транс» – за пределами истории, рынка, модернизма, власти. Мы присутствуем при «диссеминации», распыление того, что раньше было социальным, которое сегодня не развивается и не укрепляется, а регрессирует, потому что оно есть иллюзия, некий «эффект социального, симуляция и видимость». Мы все – участники (а, скорее, сообщники) «симуляции всех потерянных систем референций». Власть так же симулирует свое присутствие, а то, что

принимается за нее, есть только жалкое подобие, не имеющее ничего общего с утраченной сущностью.

Библиографический список

1. Барт Р. Избранные работы: Семиотика: Поэтика: Пер. с фр. сост., общ. ред. и вступ. ст. Г. К. Косикова. – М.: Прогресс, 1989. – 616 с.
2. Бодрийяр Ж. Забыть Фуко. Пер. с фр. Д. Калугина. – СПб.: Изд-во «Владимир Даль», 2000. – 96 с.
3. Брайдотти Р. Женские исследования и политики различия // Введение в гендерные исследования. – Ч. II: Хрестоматия / Под ред. С. В. Жеребкина. – Харьков: ХГЦИ, 2001. – С. 13-22.
4. Фуко М. Воля к истине: по сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет. – М.: Касталь, 1996. – 448 с.
5. Фуко М. Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью. Часть 1. Пер. С фр. С.Ч. Офертаса под общ. ред. Б.М. Скуратова, В.П. Визгина. – М.: Праксис, 2002. – 384 с.
6. Bourdieu P. Espace social et pouvoir symbolique // Choses dites. – Paris: Editions de Minuit. – pp. 137-150.

Трансформация института брака в России в условиях глобализации

В статье рассматривается влияние процессов глобализации на институт брака в России. Главное последствие этого воздействия проявляется в распространении в России многообразных типов брака, порождающих различное отношение к семье. На основе анализа данных социологического исследования выявляется отношение воронежцев к современным типам брака.

Ключевые слова: институт брака, семья, глобализация, трансформация.

The article has been discussed the impact of globalizatin on the institute of marriage in Russia. The main consequence of this effect is manifested in Russia in a wide variety of marriage, which are the results of different relationships to the family in general. Based on the sociological studies we can see the real attitude of the citizens of Voronezh to modern types of marriage.

Key words: institute of marriage, family, globalization, transformation.

Процесс глобализации охватил все сферы жизни людей. Социальные последствия глобализации все более сказываются и на институте брака.

В социальной эволюции всегда происходила смена форм брака, что отражалось в системе норм и ценностей супружеского союза [11; 15; 18].

М. Вебер, прогнозируя эволюцию отношений между полами, видел будущее цивилизации в движении от традиции к «целесообразной рациональности» [3].

Существенное изменение института брака было вызваны социально-экономическими процессами конца XX века. Они повлияли на содержание всех институциональных элементов брака: ролевой структуры, правовых норм, социальных ценностей, правил брачного поведения. Это проявилось в падении официальной брачности и рождаемости, росте разводимости и внебрачных рождений, ориентации современной женщины на внесемейные ценности, уменьшении времени на выполнение женщиной материнских функций и повышении роли её профессиональной деятельности. Как отмечают специалисты, в современном обществе высветилась определенная автономия брака по отношению к семье, изменился характер взаимоотношений между супругами, сформировалось разнообразие типов и вариантов семейных структур. [6; 1].

Как отметил польский социолог П. Штомпка, именно глобализация культуры представляет собой главную угрозу, поскольку «местные нормы и ценности, обычаи и мораль, религиозные верования, модели семейной жизни, способы производства и потребления, похоже, исчезают под натиском современных западных институтов...» [17].

Существенная трансформация института брака произошла за последние десятилетия и в России. Прежде всего, изменились взгляды на семью и типы

брака. Это проявилось в появлении и распространении таких явлений, как «гражданский», пробный, гостевой, однополый, открытый, церковный и многие другие нетрадиционные для прежней России формы брачных союзов.

По мнению ряда исследователей, глобализация привела к необратимым последствиям внутри института семьи и брака. Сожительства до (или вместо) законного брака, частая смена партнеров, откладывание рождения первенца, нередко переходящее в решение никогда не иметь детей, стали распространёнными явлениями.

Формирование неформальных семейных отношений в нашей стране стало следствием и негативных последствий социально-экономического кризиса 1990-х годов, когда произошли потеря гарантий занятости, зарплаты, распад централизованной системы обеспечения жильем, либерализация общественной жизни в целом.

Некоторые российские учёные (А.Г. Вишневский, А.Г. Волков, С.И. Голод) считают, что происходящие изменения связаны с демократической революцией общественных отношений, когда возникают новые альтернативные структуры семьи. По мере модернизации традиционного общества изменяется характер воспроизводства новых поколений. Возникающий при этом дисбаланс между потребностью в детях индивида и общества проявляется либо в резком росте численности населения («демографическом взрыве»), либо в депопуляции. И то, и другое – явления в равной степени негативные, поскольку приводят к нарушению равновесия в обществе; последствия же такого нарушения непредсказуемы. [4; 5]

Альтернативой парадигме модернизации выступает парадигма кризиса семьи. В противовес модернистской позиции сторонники кризисного подхода (А.И. Антонов, В.М. Медков, А.Б. Синельников) считают, что семья находится в глубоком упадке, который необходимо оценивать как ценностно-институциональный кризис. Защищая традиционную семью и традиционное в семье, они настаивают на неправомерности считать равноценными полноценную семью и ее осколочные формы. [2; 14]

Российские учёные отмечают ряд общих черт деструкции семейно-брачных отношений в нашей стране. Это: падение уровня рождаемости; рост количества незарегистрированных браков; увеличение количества внебрачных рождений; трансформация нравственных основ семьи; усиление противоречий между личностью и семьей; трансформация экономической функции (снижение экономической роли мужчины в семье); усиление стереотипных проблем, препятствующих прочному браку (отсутствие жилья, достойного заработка, недостаточная социально-психологическая готовность к браку, психологические перегрузки партнеров); снижение эффективности взаимодействия между поколениями в семье; девальвация чувств материнства; предпочтение альтернативных типов брака.

Одной из серьёзных проблем современности становится распространение в России многообразных брачно-семейных форм.

Для выявления уровня распространённости различных типов брака в г. Воронеже автором было проведено социологическое исследование. [16]

Каково же отношение воронежцев к современным типам брака?

Анализ полученных данных даёт основание говорить о том, что в г. Воронеже получили распространение такие типы брака, как «гражданский», однополый, гостевой и пробный браки.

Официальный и церковный браки известны всем респондентам. И это неудивительно, так как данные типы брака широко распространены и в нашей стране, и в мире. Официальный брак признан и поддерживается государством на основе семейной политики. Однако полученные нами данные показывают, что воронежцы не очень интересуются вопросами государственной политики в области семьи. Так, только 47% опрошенных ответили, что им в какой-то мере известно о государственной политике в области семьи (12,5% «известно достаточно», и 34,5 % «скорее известно»).

Что касается церковного брака, то 26,5% опрошенных воронежцев не знали, что для заключения церковного брака необходимо Свидетельство о регистрации брака из отдела ЗАГС.

На втором месте по известности стоит «гражданский» брак. О нём знают почти все респонденты – 90,5% (Таблица 1). Больше всего осведомленных (95,6%) среди представителей возрастной группы 18-39 лет. Возможно, это вызвано тем, что люди, находящиеся в данном возрасте имеют в своем прошлом опыт «гражданского» брака или находятся в нем сейчас. Чуть меньше осведомленность у респондентов возраста старше 60 лет, но все равно она тоже достаточно высока – 83,3%.

На вопрос, «Считаете ли Вы, что в «гражданском» браке обязанности перед супругом те же, что и в официальном?», большинство респондентов (46%) ответили, что «права и обязанности те же, что и в официальном». Чуть меньше респондентов (35,5%) считают, что обязанности супругов в официальном и «гражданском» браках различаются: ведь если нет штампа в паспорте, то в любое время можно прекратить жить «гражданским» браком. Малая часть респондентов (8,5%) убеждена, что обязанности в «гражданском» браке те же, что и в официально зарегистрированном, но существуют исключения, как, например, обязанность хранить супружескую верность.

Немногим более половины воронежцев (52,2%) знают и об однополых браках. Наибольшую осведомленность показали респонденты в возрасте 40-59 лет (62,5%). Достаточно высокая степень осведомленности может быть связана у людей старшего поколения с негативным отношением и протестами против легализации однополых браков. Среди респондентов 60 и старше лет об однополых браках знают только 41,7%. Это неудивительно, большинство людей этого возраста считают однополую любовь чем-то постыдным и даже ненормальным и не хотят даже слышать об этом.

О существовании однополых пар в Воронеже осведомлены только 15,5% опрошенных, а об однополых браках среди своих знакомых знают 8%. И это

понятно, так как большинство людей, имеющих гомосексуальную ориентацию, чаще всего скрывают этот факт даже от близких родственников и друзей, боясь негатива и дискриминации.

Гостевой брак, когда брак оформлен официально, но супруги живут отдельно и не ведут общего хозяйства, пока мало распространён в нашей стране. Поэтому он известен только каждому пятому (20,0%) воронежцу. В этом типе брака преобладают не чувства, а комфортность для обоих супругов. Наиболее осведомлены о гостевом браке респонденты 18-39 лет (28,5%), а наименее – представители старшей возрастной группы (4,2%). Возможно респонденты, даже столкнувшись когда-либо с таким явлением, сочли такой тип брака не браком, а обычными любовными отношениями.

О существовании пробного брака знают еще меньше респондентов – 16,7%. Наибольшую осведомленность снова показали представители возрастной группы 18-39 лет (26,2%). А среди возрастной группы 60 и старше не нашлось ни одного респондента, знающего о существовании пробного брака. Достаточно низкая степень информированности всех возрастных групп может быть связана с тем, что пробный брак часто путают с «гражданским». Основное отличие пробного брака от «гражданского» 41,0% воронежцев видят в том, что пробный брак имеет четко фиксированные временные рамки. Еще 34,5% считают, что пробный брак исключает появление детей. А 24,5% опрошенных не видят отличий между пробным и «гражданским» типами брака.

Таблица 1. Осведомленность воронежцев о разных типах брака, %

Тип брака	В целом	18-39	40-59	60 и старше
«Гражданский» брак	90,5	95,6	92,5	83,3
Однополый брак	52,2	52,5	62,5	41,7
Гостевой брак	20,0	28,5	27,4	4,2
Пробный брак	16,7	26,2	23,6	0

Появление в нашей стране разных типов брака ведёт и к изменению мнений граждан о них.

Традиционный – официальный – брак до сих пор оценивается воронежцами достаточно положительно, так как он является общепринятой формой брачно-семейных отношений и в стране, и в нашем городе. Однако государственную политику в области семьи и брака скорее положительно оценивают только три четверти (75,5%) воронежцев, а отрицательно – 22,5% (остальные затруднились ответить). В целом индекс удовлетворенности респондентов государственной политикой в области семьи среди опрошенных жителей города Воронеж составил всего 0,16 [12].

Это обусловлено рядом факторов. И прежде всего, резким удорожанием жилья и отсутствием компенсирующих механизмов для решения жилищных

проблем потенциальных молодых семей. Пособия на детей просто мизерны. Фактически отсутствует подготовка молодежи к семейной жизни.

«Фактически то, что сейчас называют семейной политикой, будучи в содержательном плане материальной помощью бедным, концептуально и аксиологически отражает политическое предпочтение изолированной нуклеарной семьи с одним-двумя детьми» [2, с. 244-245]. Государственная политика в области семьи и брака во многом ориентирована на поддержку малообеспеченных и многодетных семей. Но как малоимущие, так и многодетные семьи не могут быть опорой репродуктивной функции.

Что касается «гражданского» брака, то его считают приемлемым вообще 56,0% опрошенных воронежцев, хотя предпочли бы его для себя только 3,5%. Воронежские респонденты воспринимают «гражданский» брак как «ступень» на пути к официальному браку. По их мнению, «гражданский» брак должен перейти в официальный с появлением детей, или же когда партнеры полностью уверены в прочности своего союза. Одновременно достаточно велика доля тех, кто считает такой тип брака вообще неприемлемым ни для себя, ни для других (35,5%).

В то время как в странах Европы к однополым бракам относятся все лояльнее и лояльнее, воронежцы в большинстве своем (64,5%) настроены отрицательно. Но почти каждый третий (32%) относится к такому типу брака нейтрально, и лишь 3,5% – положительно. Наше общество еще не готово принять и признать возможность законного существования гомосексуальных семей. Поэтому и отношение к легализации однополых браков в России у воронежцев также отрицательное. Так, 69,1% опрошенных считают, что однополые браки не должны быть легализованы в России. При этом большинство отрицательных оценок по данному вопросу принадлежит респондентам возрастных групп 18-39 лет (76,1%) и старше 60 лет (70,8%). Велика доля респондентов, нейтрально относящихся к вопросу об однополых браках, – 22,9%. Считает, что признание однополых браков необходимо для современного общества, каждый десятый (10,1%) житель нашего города (в основном представители молодежной возрастной группы). А ожидают разрешения регистрации однополых браков в России по 1,8% воронежцев в возрастных группах 18-39 и 40-59 лет.

Исследования отношения россиян к однополым бракам и к их легализации проводились аналитическим центром Юрия Левады «Левада-Центр» в 2003 и 2013 годах в городах с населением в 20 тысяч и больше. За прошедшее десятилетие в России в среднем на 10% увеличилось число настороженно (с 11,0% до 22,0%), резко негативно (с 16,0% до 20,0%) и с отвращением или страхом (с 21,0% до 26,05) относящихся к гомосексуалам и сосуществованию с ними. До этого значительная часть (45,0%) относилась к этому «спокойно, без эмоций» [9].

Малораспространённым гостевому и пробному бракам положительную оценку дали 8,0% и 16,5% опрошенных, а отрицательную – 49,0% и 40,0%

соответственно. Значительная часть респондентов оценили данные типы брака нейтрально (43,0% и 43,5% соответственно).

Стать мужем и женой перед богом желают всё больше граждан России. И среди воронежцев церковный брак оценивается большинством (73,5%) достаточно положительно. И только 6,0% отрицательно, а каждый пятый (20,5%) – нейтрально.

Выбор типа брака для каждого зависит от многих факторов. Среди этих факторов можно назвать кризис традиционного института брака, лучшие возможности для познания жизни, адаптацию партнёров друг к другу и к семейной жизни другие.

Среди основных причин вступления в официальный брак воронежцы назвали то, что данный тип брака является благоприятным для рождения и воспитания детей (28,6%), предполагает взаимную ответственность супругов (25,1%), даёт стабильность и постоянство отношений (18,0%), даёт юридическую защищенность отношений (16,7%). А вот олицетворением настоящей любви официальный брак считают только 10,8% воронежцев. Очень важна убеждённость респондентов в том, что для появления детей необходимо узаконить отношения, так как только при наличии штампа в паспорте в семье сложится атмосфера, наиболее благоприятная для воспитания детей.

В современных условиях и нерегистрируемые союзы стали достаточно распространённым явлением в нашей стране. Если раньше «гражданские» браки считались чем-то аморальным и безнравственным, то сегодня к ним относятся не только лояльно, а даже положительно. Многие люди не спешат регистрировать свои отношения в ЗАГСе, предпочитая сначала просто пожить, не обременяя себя штампом в паспорте. Среди основных причин вступления в «гражданский» брак воронежцы назвали «возможность проверить совместимость партнёров» (37,0%), «отсутствие обязательств перед партнером» (23,0%), «неуверенность в чувствах» (18,5%), «финансовые затруднения» (12,0%), «сохранение свободы» (9,5%).

То есть большинство воронежцев рассматривают «гражданский» брак как проверку партнёров на совместимость, которая должна окончиться либо браком законным, либо расставанием. Но зачастую эта проверка затягивается на годы, официальный брак так и не заключается, и союз распадается.

«Гражданский» брак может представлять реальную угрозу институту официального брака. Нередко он и существует именно потому, что позволяет иметь еще одну семью человеку, уже состоящему в официальном браке, избегающему по разным причинам развода. Главное же в том, что «гражданский» брак девальвирует устои официального брака. Он даёт возможность «вступить в брак» бесчисленное количество раз, игнорируя понятия ответственности, долга, порядочности, законности, принципы общественной и семейной морали

Что касается гостевого брака, то в литературе встречаются только весьма неопределённые фразы о том, что в России и постсоветском пространстве это

явление относительно новое и только набирающее популярность, а в зарубежных странах более распространённое и привычное. Принято считать, что экстерриториальные браки особенно распространены у нас в богемной среде, среди представителей творческих профессий и звёзд шоу-бизнеса.

Будучи мало осведомлёнными о существовании гостевого брака, воронежские респонденты в качестве основных причин выбора именно этого типа брачных отношений отметили следующие: «невозможность совместного быта» (28,3%), «любовь к свободе» (26,3%), «особенности работы» (19,6%), «нежелание расстаться с нажитым имуществом» (14,7%). «попытка освежить отношения» (11,1%). В реальности нередко гостевой брак становится попыткой спасти и укрепить семью, находящуюся на грани развода. Когда жить вместе становится нелегко, но чувства еще сохранились или развод нежелателен по каким-либо соображениям, супруги разъезжаются. Живя отдельно, муж и жена надеются осмыслить происходящее, отдохнуть от ссор и конфликтов, а потом воссоединиться и жить по-прежнему. Такой тип брака либо сблизит людей вновь и поможет преодолеть кризис в отношениях, либо позволит мирно расстаться, сохранив добрые отношения.

В условиях бешеного ритма современной жизни, особенно в больших городах, у много работающих людей накапливается усталость, они остро нуждаются в личном пространстве и уединении. Без этой толики ежедневной свободы психика человека с каждым днем становится все больше уязвимой. По этой причине для многих трудоголиков гостевой брак является своего рода панацеей.

Гостевой брак удобен и для людей среднего возраста, среди которых немало разведенных, вдов или не успевших выйти замуж (жениться) из-за карьеры. У этих уже состоявшихся реализовавшихся, но еще вполне активных во всех смыслах людей сформировались, разумеется, определенные привычки, устоявшиеся стереотипы поведения. Совместная жизнь с таким же состоявшимся человеком с его привычками и стереотипами, может вызвать непонимание и конфликты. В этом случае гостевой брак позволяет не подстраивать под другого человека свой ритм и уклад жизни, свои привычки, и в то же время дает ощущение нужности, теплоты и относительной свободы.

Либерализация взглядов на формы брака проявилась также в отношении к пробному браку, под которым понимается совместное проживание мужчины и женщины со всеми признаками брачных отношений в течение некоторого времени до окончательного решения о вступлении в официальный брак или распаде союза.

Пробный брак называют еще «эскизом» семейной жизни. Именно так считает и большинство опрошенных воронежцев, называя среди главных причин вступления в такой брак «репетицию» семейных отношений (38,0%). Но, «прорепетировав» семейную жизнь с одним партнером, человек может заключить брак с другим. Пожив некоторое время в условиях семьи, люди понимают, что это не так страшно, как казалось в начале. Но за время

эксперимента было сделано много ошибок, о которых приходится сожалеть в конце. Вот и решаются участники эксперимента на отношения с чистого листа с новыми партнерами, которые не видели их в неблагоприятном свете и не были свидетелями их ошибок [8]. Еще одной причиной для пробного брака 29,0% респондентов назвали «проверку бытовой совместимости». Это достаточно важный аспект брачных отношений, так как мелкие бытовые конфликты зачастую становятся причинами крупных ссор, а иногда и развода. Среди других причин выбора пробного брака были названы «нежелание брать на себя ответственность» (18,4%) и «проверка чувств» (14,6%).

В российском обществе сложился стереотип, что если пожить вместе до официального брака, то это увеличит шансы на счастливые отношения и после его заключения. Однако в реальности оказывается, что опыт в незарегистрированном сожительстве не влияет на успешность последующего брака и не дает никаких гарантий на будущее, даже если, по мнению партнеров, их совместимость прошла проверку.

Статистика последних лет говорит о резко возросшей популярности обряда венчания. Более 50% всех пар, в которых жених и невеста исповедуют православие, помимо регистрации брака в ЗАГСе решают совершить и обряд венчания. Большинство респондентов отметили, что главной причиной заключения религиозного брака является его благотворное влияние на морально-нравственный облик человека (54,9%). То есть, несмотря на то, что венчание сейчас часто воспринимается как дань моде, многие респонденты видят в нем глубокий духовный смысл. «Дань моде» как причину заключения церковного брака отметили лишь 14,2% воронежцев. Среди других причин выбора этого типа брака 29,0% опрошенных назвали «уменьшение вероятности развода», и 1,9% – что «не нужно обращаться в органы ЗАГСа».

Всплеск интереса к браку по церковному обряду и рост числа таких браков среди молодежи начался с началом перестройки, с изменением в обществе отношения к религии. За последние десятилетия он стал вполне обычным явлением. При этом распространен не чисто церковный брак, а такой, который одновременно подтверждается регистрацией в органах загса.

Религиозный обряд, как правило, проводится после регистрации в загсе. Хотя ранее он предшествовал документальному оформлению в соответствующих органах. В такой последовательности процедуры заключения брачного союза отражается не только история генезиса форм церковного и гражданского (по Семейному кодексу РФ [13]) брака, историческая традиция, но и представление людей о значимости каждого из обрядов.

Церковный обряд многими рассматривается как более значимый для того, чтобы считать себя мужем и женой. Это – брак перед богом и перед близкими людьми. Он основан на моральных обязательствах и ответственности. А регистрация в ЗАГСе – это только юридическое оформление брачного союза, которое придает брачной паре соответствующий статус в обществе и порождает юридические обязанности и ответственность обеих сторон.

По мнению представителей РПЦ, такой интерес к обряду венчания у современных россиян вызван в большей степени красотой церемонии, а не глубокой верой и пониманием смысла этого таинства.

В итоге можно сказать, что институт брака в нашей стране претерпевает серьёзные изменения. В результате глобализации в Россию проникли и получили распространение такие типы альтернативных брачных союзов, как «гражданский», однополый, пробный, гостевой и др.

Одновременно в нашей стране стал возрождаться церковный брак. Несмотря на изменения, происходящие внутри института брака, официальный брак также не сдает свои позиции. Несмотря на многовариативность брачно-семейных моделей, воронежские респонденты отдают предпочтение моногамной форме отношений. Негативно воронежцы относятся к однополым бракам. Гостевой и пробный браки получили нейтральные оценки.

Семейные ценности и семейное поведение россиян стали кардинально меняться с начала 1990-х годов, когда сексуальная, контрацептивная и феминистская революции произошли и в России. В условиях глобального пространства новое поколение российской молодежи воспитывается на общемировых ценностях. В отношении семьи эти ценности предполагают достаточно лояльное отношение к повторным бракам, внебрачным рождениям, сожительству, супружеским изменам, к необязательности для каждой женщины стать матерью.

Одновременно молодое поколение XXI века не признает «двойного стандарта» в сексуальных отношениях, отрицает роль жены-домохозяйки, чаще приветствует равноправные партнерские отношения, включая со-родительство.

В целом тенденции развития семьи и брака в России соответствуют общемировым тенденциям при переходе от индустриальных к постиндустриальным обществам.

Библиографический список

1. Агинская Т.И. Эволюция института брака как предмет социологического исследования / Т.И. Агинская. – (http://www.confcontact.com/20110225/is6_agin.php).
2. Антонов А.И. Судьба семьи в России XXI века / А.И. Антонов, С.А. Сорокин. – М. : Издательский Дом «Грааль», 2000. – 416 с.
3. Вебер М. Социология в системе наук о культуре / М. Вебер // История теоретической социологии. – М., 1998. – Т. 2. – Гл. 4.
4. Волков А.Г. Эволюция российской семьи в XX веке / А.Г. Волков // Мир России. – 1999. – № 4. – С. 47-57. – (http://ecsocman.hse.ru/data/937/989/1219/1999_n4_p47-57doc.pdf)
5. Голод С.И. Семья и брак: историко-социологический анализ / И.С. Голод. – СПб. : ТОО ТК «Перополис», 1998. – 271 с.
6. Голод С.И. Социолого-демографический анализ состояния и эволюции семьи / С.И. Голод // Социологические исследования. – 2008. – № 1.

7. Гурко Т.А. Трансформация института брака в России / Т.А. Гурко, О.Ю. Петрова // Проблемы брака и супружества в условиях полиэтничного общества: теоретико-эмпирический анализ : сб. статей. – Казань : [Изд-во МОиН РТ]. – 2012. – С. 248-252. (http://www.isras.ru/files/File/Publication/Gurko_Petrova_Transform_braka.pdf)
8. Клецин А.А. Внебрачные и альтернативные (немодальные) семьи : формы и содержание / А.А. Клецин // Рубеж. – 1994. – № 5. – С. 167-176.
9. Левада-Центр. Страх другого. Проблема гомофобии в России. (<http://www.levada.ru/12-03-2013/strakh-drugogo-problema-gomofobii-v-rossii>)
10. Михеева А.Р. Брак, семья, родительство : социологические и демографические аспекты / А.Р. Михеева. – Новосибирск : Новосиб. гос. ун-т, 2001.–74 с.
11. Морган Л.Г. Древнее общество или исследование линий человеческого прогресса от дикости через варварство к цивилизации / Л.Г. Морган. – Л.: Издательство института народов Севера ЦИК СССР, 1934. – 368 с.
12. Расчет индекса для определения уровня удовлетворенности производился по формуле:

$$\frac{a^{*}(+1) + b^{*}(+0.5) + c^{*}(0) + d^{*}(-0.5) + e^{*}(-1)}{n},$$

Где: а – число полностью удовлетворенных;

б – число скорее удовлетворенных, чем неудовлетворенных;

с – число скорее неудовлетворенных, чем удовлетворенных;

д – число полностью неудовлетворенных;

е – число затруднившихся ответить;

п – общее число ответивших.

13. Семейный кодекс РФ (СК РФ) от 29.12.1995 N 223-ФЗ (<http://www.consultant.ru/popular/family>).
14. Синельников А.Б. Семья и брак на европейском фоне / А.Б. Синельников // Мониторинг общественного мнения : экономические и социальные перемены. – 2010. – № 4(98). – С. 51-74.
15. Сорокин П.А. Кризис современной семьи / П.А. Сорокин // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. – 1997. – № 3. – С. 41-60.
16. Социологическое исследование было проведено автором в 2014 г. Выборочная совокупность сформирована методом квотного отбора, основанного на использовании статистических данных о некоторых характеристиках генеральной совокупности.
17. Штомпка П. Социология социальных изменений / П. Штомпка. Пер. с англ. Ред. В.А. Ядов. – М.: Аспект Пресс, 1996. – С. 71.
18. Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства / Ф. Энгельс // Маркс К., Энгельс Ф. Избр. произведения. В 3-ч т. Т. 3. – М. : Политиздат, 1985. – 639 с.

Влияние глобального инновационного индекса на динамику экономического роста на региональном уровне

В мировой экономике первой половины 2013 года наблюдался экономический рост, и во многих странах с низким и средним уровнем дохода перспективы роста продолжают быть многообещающими. Глобальный индекс инноваций это глобальное исследование и сопровождающий его рейтинг стран мира по показателю уровня развития инноваций. Меры по внедрению инноваций закладывают фундамент для будущего экономического роста, повышения производительности труда и количества рабочих мест. Рейтинг ГИИ стран из разных частей земного шара, подтверждает глобальную дисперсию инноваций.

Ключевые слова: Глобальный индекс инноваций, инновация, меры по внедрению инноваций, экономический рост.

There has been economic growth in the global economy the first half of 2013 also growth prospects in many countries with low- and middle-income continue to be promising. The Global Innovation Index is a global research and accompanying ranking countries in terms of the level of development of innovations. Innovation policies lay the foundation for future economic growth, increased productivity and the number of work places. Rating GII in countries from all over the world, confirms the global dispersion of innovation. Key words: Global innovation index, innovation, innovation policies, economic growth

В мировой экономике первой половины 2013 года наблюдался экономический рост, но его масштаб и сила были меньше, чем ожидалось в прошлом году. В целом, экономический рост был и остается неравномерным в странах с формирующимся рынком и странах с высоким уровнем доходов. С одной стороны, перспективы роста во многих странах с низким и средним уровнем дохода продолжают быть многообещающими; крупные страны со средним уровнем дохода, такие как Китай демонстрируют стабильные экономические показатели, хотя по последним историческим меркам в них наблюдались меньшие темпы роста. С другой стороны, во многих странах с высоким уровнем дохода продолжается борьба на пути к восстановлению экономики; в то время как экономический рост наблюдается в Соединенных Штатах Америки (США) и Японии, прогнозы роста для еврозоны пересмотрены в сторону понижения.[1]

Хотя меры экономического воздействия по-прежнему в значительной степени сфокусированы на поиске правильного баланса между снижением долга и поддержанием спроса с помощью экономических стимулов, неизменны основные вопросы, возникающие в этой связи : Откуда в будущем будет происходить рост в глобальной экономике? Где и как будут создаваться в будущем рабочие места? В этом контексте нельзя недооценивать важность инноваций.

Меры по внедрению инноваций закладывают фундамент для будущего экономического роста, повышения производительности труда и количества рабочих мест. Действительно, в таких сферах жизни как образование, окружающая среда, энергетика, продовольствие, здравоохранение, информационные технологии и транспорт открываются огромные возможности для применения инноваций. Главная задача - определить приоритетные направления, которые приведут к устойчивому росту в решении ключевых экономических, экологических, социальных проблем. [2]

Снижение инновационных расходов сегодня может привести к снижению инновационных расходов и производство и в будущем, явление получило название «инновационный гистерезис». В то же время, кризис подталкивает многие дальновидные фирмы и страны, к новым возможностям, чтобы развиваться и идти вперед.

После спада в 2009 году мы стали свидетелями сильного роста патентных заявок во всем мире - на 7,5% в 2010 году и 7,8% в 2011 году, ставки процента, которые будут значительно более высокими, чем те которые этих странах были до кризиса. Количество международных патентных заявок, отправленных в связи с соглашением о патентной кооперации также выросло на 11% в 2011 году и на 6,6% в 2012. [3]

Однако процесс внедрения инноваций не может быть сведен к инвестициям в НИОКР и получение патентов. Видение глобального индекса инноваций является более сложным и предлагает другое представление о динамике, которое формирует инновации в глобальном масштабе.

Одной из важнейших предпосылок создания ГИИ было осознание того, что инновации становятся все более глобальными, более распространенными, по сравнению с прошлыми периодами в экономике. Результаты ГИИ в этом году и на протяжении последних лет предоставляют свидетельство развивающегося глобального характера инноваций на сегодняшний день. И хотя страны с высоким уровнем доходов доминируют в списке, некоторые развивающиеся страны увеличили свои инновационные возможности и производительность.

На развивающихся рынках, особенно в Китае, сейчас растет число заявок на патенты и составляет все большую долю мировых патентов. Изменение географии инноваций действительно было усилено кризисом.6

В недавней статье в журнале Nature анализируется цитаты структуры статей, опубликованных в наиболее популярных журналах по физике, и обнаружилось, что, хотя США составила 85,6% опубликованных работ в 1960-х гг. эта доля снизилась до 36,7% в прошлом десятилетии.

Сегодня все больше новых центров сбора данных возникают в Европе и Азии. Тем не менее, наблюдения также показали, что, хотя научные исследования становятся все более глобальными, процесс получения этих исследований остается высококонцентрированным и неравномерным. Крупнейшие города мира для производства научных работ на самом высоком уровне практически не изменились за последние три десятилетия. [4]

Примеры инновационных систем или организаций, на местном (субнациональном) уровне, как правило, включают создание кластеров; они также включают предприятия, развивающие свое производство на основе инноваций, регионы, города или университеты, которые не связаны друг с другом, но в достаточной мере структурированы таким образом, чтобы быть представленными в виде кластеров. Некоторые исследователи подчеркивают важность локальных инновационных систем.

До 1990-х годов, линейная модель инновационной политики не была доминирующей. В этой модели акцент был сделан на проблемах обеспечения НИОКР инфраструктуры, финансовой поддержке инновационных компаний и трансфере технологий. В результате анализа этих мер и была подчеркнута важность обеспечения инновациями инструментов поддержки, часто забывая о поглощающей способности фирмы и конкретного спроса для поддержки инноваций, в менее благополучных регионах. Более того, часто забывают такие вопросы, как управление и организационные дефициты (в частности малых и средних предприятий).

В последнее время, инновационные регионы и пространства привлекли к ней повышенное внимание. Эти исследования концентрируются на анализе успешных регионов, занимающихся вопросами почему такие отрасли концентрируются в определенных местах, какие виды связей и сетей существуют среди и вокруг них, и в какой области знаний это наблюдается. На основе этой литературы, более широкое видение понятия "локальных" инноваций стало, таким, которое обычно включает в себя следующие направления: стимулирование высокотехнологичных, наукоемких, или "творческих" отраслей промышленности; построение исследования передового опыта; привлечение мировых компаний; и стимулирование спин-офф. Этот сдвиг приоритетов не должен удивлять, поскольку новый подход для локальных инноваций, фактически образуется при слиянии двух основных направлений анализа: "новые теории роста", которая сосредоточена на наукоемкости, и кластерного подхода, упомянутого ранее.

Начиная с середины 1990-х годов тема региональных инновационных систем вызвала множество вопросов, которые в основном подчеркивали различные недостатки, которые могут препятствовать инновационной деятельности на местном уровне достичь устойчивого успеха на рынке. С этих пор проделана огромная работа, доказывающая обратное.

Для реального прогресса на инновационной деятельности местном уровне, важнейшие ее элементы должны быть изучены, выявлены и измерены. Эти элементы включают в себя конкретные сильные и слабые стороны местных предприятий и научных учреждений, а также доступ к финансированию и рынкам в пределах и за пределами национальных границ. Они также включают в себя способность двигаться от рождения идеи до воплощения ее в инновационный товар. В совокупности эти аспекты являются специфическими для каждого отдельного локального окружения и должны рассматриваться как таковые. [5]

Не все попытки создания инновационных кластеров или "инновации пространств" на местном уровне были успешными. Вот несколько ключевых и критических вопросов, которые возникают относительно местной инновационной деятельности: Нужна ли критическая масса кластерам и местным инновационным пространствам, чтобы добиться успеха? Страдает ли динамика инноваций от переизбытка кластеров? Можно ли определить взаимодополняемость между кластерами в рамках конкретного национального пространства? Эти вопросы находятся в центре деятельности современного исследования инновации. Например, глава Организации экономического сотрудничества и развития показывает, что 'остроконечность' инновации имеет тенденцию сохраняться и некоторые регионы (области, города, или местные системы) сконцентрированы на инновационных активах, работоспособности, и финансировании; новые горячие точки инновации появляются в Китае и в других развивающихся экономиках; и локальные системы инновации все более и более 'интернационализируются', это означает, что их взаимодействие с другими областями и городами растет, и относительно сотрудничества для инновации и относительно организации бизнеса.

Остроконечная дисперсия инноваций по всему миру представляет важные проблемы для директивных органов и заслуживает дальнейшего изучения. Успех в области инноваций требует совершенства во всем диапазоне начальных условий, задача, которую трудно достичь многим менее развитым странам.

Большие научные центры требуют не только наличие институтов и лабораторий, но и более широкой окружающей среды, открытости к разнообразию, которое может привлечь великие таланты со всего света. Поэтому маловероятно, что всемирно известные города-центры науки значительно изменятся в будущие десятилетия. Присутствие главных научных центров самостоятельно стал ключевым источником инновации и экономического роста. Это, вероятно, приведет к более сконцентрированной инновации и экономическому развитию в будущем, увеличивая промежутки между всемирными научными 'имущими' и 'неимущими' . [6]

Этот мнение по поводу развития инноваций приведено в соответствие с принципами, лежащими в основе дизайна рамках ГИИ, который строится на основе новейших исследований и данных по измерению инноваций. ГИИ открывает нам широкий взгляд на инновации, которые включает в себя традиционные показатели научной продукции, а также широкий спектр новых показателей для творческих производителей.

Целостный взгляд на развитие инноваций: концептуальная основа ГИИ

ГИИ опирается на два суб-индекса: инновационный суб-индекс ввода товара на рынок и инновационный суб-индекс конечного продукта. Четыре общих показателя рассчитываются таким образом :

1. инновационный суб-индекс ввода товара на рынок: пять способов охватывают элементы национальной экономики, которая позволяет развиваться

инновационной деятельности: институты, человеческий капитал и научные исследования, инфраструктура, рынок изысканность и бизнес изощренность.

2. инновационный суб-индекс конечного продукта: Инновационные выходы результаты инновационной деятельности в рамках экономики. Есть два способа: конечные знания и технологии, результаты творческой деятельности.

3. Общая оценка ГИИ состоит из среднее арифметическое из двух суб-индексов.

4. Коэффициент эффективности инноваций является отношением первого суб-индекса ко второму. Он показывает, насколько инвестиции в инновации повлияли на производительность в целом. [7]

Инновация - глобальная игра: топ-рейтинг ГИИ стран из разных частей земного шара, подтверждает глобальную дисперсию инновации. Первые 10 стран в этом рейтинге оцениваются следующим образом:

1. Швейцария (1 место в 2012 году)
2. Швеция (2)
3. Великобритания (5)
4. Нидерланды (6)
5. Соединенные Штаты Америки (10)
6. Финляндия (4)
7. Hong Kong (Китай) (8)
8. Сингапур (3-е)
9. Дания (7), и
10. Ирландия (9).

США воссоединились с пятью наиболее инновационными нациями и Великобританией, продвинутой на 3-е место, в то время как Швейцария и Швеция сохранили первые два места в рейтинге в этом же году. Лучшие 25 оцениваемых стран в ГИИ представляют смесь наций со всех концов мира: из Северной Америки, Европы, Азии, Океании, и Ближнего Востока.

ГИИ, который в 2013 показывает образец стабильности среди наиболее инновационных наций и демонстрирует и постоянную инновационную деятельность, делится поперек времени и остроконечной дисперсии инновации. Здесь представлены главные 10 или лучшие 25 новаторов в мире. По рейтингу ГИИ видно что, что, хотя отдельные страны меняют их соответствующие ранжирования в пределах этих групп, ни одна страна не вступила, но и не вышла из этих групп в этом году. Как раз когда новаторы процветают в местных и региональных центрах во всем мире, ранжирования остаются настоятельно коррелированными с уровнями дохода. Разделение инновационной деятельности, также появляется в пределах различных научных областей. В 2012 году, показатель ГИИ идентифицировал проявление быстрого развития инноваций в Европе, с лидерами инновации в Северной Европе и странах, развивающихся в менее быстром темпе в южной и восточной Европе, такая тенденция, подтвержденная в этом году (16) в 2013 году, сравнивает показатели лучше-всего-оцененных стран в Африке Района Сахары.

Некоторые страны улучшают свои инновационные возможности: результаты ГИИ в этом году подтверждают тенденцию прошлого года, которая заключалась в том, что выбранная группа развивающихся стран и стран среднего дохода хорошо поддается внедрению инноваций и поднимается в ранжированиях ГИИ. Восемнадцать развивающихся экономических систем превосходят другие в их соответствующих группах дохода: Армения, Китай, Коста-Рика, Джорджия, Венгрия, Индия, Иордания, Кения, Латвия, Малайзия, Мали, Республика Молдовы, Монголия, Черногория, Сенегал, Таджикистан, Уганда и Вьетнам. Все они демонстрируют высокий уровень инновации по сравнению с другими странами с подобными уровнями дохода. Их продвижение, даже если неравнозначно, главным образом, является результатом взаимодействия: Глобальный Индекс Инновации вырабатывается на разнообразных уровнях и благодаря различным характеристикам: учреждения, навыки, инфраструктуры, интеграция с глобальными рынками, и связей с бизнес-сообществом.

В 2012 году рейтинг ГИИ установил что целостная стратегия роста основанная на знаниях была желательна для инноваций: стратегия, в которой усовершенствования инновации следовали из непрерывных усовершенствований, касающихся всех многочисленных расходов и конечного выпуска продукции по измерениям ГИИ и в котором эти усовершенствования были объединены в большинстве сфер общества и экономики. Достижение этих всеобъемлющих и непрерывных усовершенствований, кажется вызовом для многих экономик со средним доходом, что подтверждается их сверхвысокими показателями ГИИ (ни один участник рейтинга все же не вошел в топ 25)[5]. Страны БРИКС испытали относительный застой или снижение потенциала в области инноваций в 2013 по сравнению с 2012 годом, повторяя опыт прошлого года 2011 - 2012: Китай (35-ый), Российская Федерация (62-ой), Бразилия (64-ый), и Индии (66-ой). В этой связи, другие развивающиеся страны со средним уровнем дохода поднимаются вверх в рейтинге инновации довольно быстро: Мексика (63-ий), Индонезия (85-ый), и другие (многонациональное государство Боливии, Камбоджа, Коста-Рика, Эквадор, Уганда, и Уругвай) все поднялись в рейтинге больше чем на 15 положений в этом году. Учитывая это, страны БРИКС и другие страны среднего дохода особенно преуспевают в трех индикаторах, делающих акцент на качество инноваций, введенных в этом году.[8]

Инновации способствуют экономическому росту в развитых и развивающихся странах. Однако следует учитывать ситуацию в различных регионах, ведь не всегда можно предугадать реакцию на внедрение инноваций на разные секторы экономики. Глобальный инновационный индекс помогает отследить взаимодействие нововведений с той или иной сферой. Поэтому на основе выводов, сделанных благодаря рейтингу ГИИ странам легче определить какие меры по внедрению инноваций им следует применить.

Библиографический список

1. Индикаторы науки: 2011. ст. сб. – М.: НИУ «Высшая школа экономики», 2011. – 368 с.
2. OECD. Science, Technology and Industry Scorecard [Электронный ресурс] URL: <http://oecdboolshop.org>
3. Голиченко, О.Г. Национальная инновационная система России состояние и пути развития. - М., Наука, 2008. – 386 с.
4. Гохберг, Л.М. Статистика науки и инноваций. Курс социально-экономической статистики. / Учебник для вузов. М.: Омега-Л, 2011. – 586 с.
5. Глобальный инновационный индекс [Электронный ресурс] URL: <http://gtmarket.ru/ratings/global-innovation-index/info>
6. Robert B. Tucker. Driving growth through innovation. – Berrett-Koehler Publishers, 2006. – 240 p
7. Crossing the next regional frontier: Information and Analytics Linking Regional Competitiveness to Investment in a KnowledgeBased Economy. U. S. Economic Development Administration, 2009. [Электронный ресурс] URL: <http://www.statsamerica.org/innovation>
8. Innovation Union Scoreboard 2011: The Innovation Union's performance for Research and Innovation. Pro Inno Europe, 2012. [Электронный ресурс] URL: <http://www.proinno-europe.eu/inno-metrics/page/innovationunion-scoreboard-2011>

Панорама

2015, Том XVII

ISSN 2226-5341

Ответственный за выпуск: **М.В. Кирчанов**

Электронное издание

Адрес редакции: 394000, Россия, Воронеж, Московский пр-т 88, Воронежский Государственный Университет,
Факультет международных отношений, Корпус № 8, Ауд. 22